

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

**ЧЕЛОВЕК
КУЛЬТУРА
ОБРАЗОВАНИЕ**

Научно-образовательный
и методический журнал

№ 1 (15) / 2015

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2015

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал

Издатель – ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени
Питирима Сорокина»

Учредитель – ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ

№ ТУ11-0174 от 30.10.2012 г.

Журнал зарегистрирован в РИИЦ

(регистрационный номер 261-06 от 02.07.2012 г.)

Выходит с 2011 г.

Редакционный совет журнала:

Гончаров С. А. – доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург),
председатель;

Мосолова Л. М. – доктор искусствоведения, профессор (г. Санкт-Петербург),
зам. председателя;

Истиховская М. Д. – ректор Сыктывкарского государственного университета (Сык-
тывкар), кандидат юридических наук, доцент;

Балсевичуте В. (Virginija Balseviciute) – доктор гуманитарных наук, профессор (Вильнюс);

Бразговская Е. Е. – доктор филологических наук, профессор (Пермь);

Васильев П. В. – кандидат педагогических наук, доцент (г. Сыктывкар);

Гурленова Л. В. – доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Золотарев О. В. – доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Йокела Тимо – декан факультета искусств и дизайна Университета Лапландии, директор
Института северной культуры университетского консорциума Лапландии (Финляндия);

Коутс Глен – профессор Института северной культуры; доцент Лапландского универ-
ситета (Рованиemi, Финляндия);

Мелихов М. В. – доктор филологических наук, профессор (г. Сыктывкар);

Муравьев В. В. – доктор философских наук, профессор (г. Сыктывкар);

Пинаевский Д. И. – кандидат исторических наук, доцент, профессор (г. Сыктывкар);

Сулимов В. В. – доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар);

Сурво Арно – доктор философии, профессор университета Хельсинки;

Сурво Вера – доктор философии, профессор университета Хельсинки;

Тульчинский Г. Л. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Фадеева И. Е. – доктор культурологии, профессор (г. Сыктывкар);

Шабаев Ю. П. – доктор исторических наук, профессор (г. Сыктывкар).

Редакция журнала:

О. В. Золотарев, М. В. Мелихов, В. В. Муравьев, В. А. Сулимов, И. Е. Фадеева

Ответственный редактор – И. Е. Фадеева

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Подписка через сайт "Пресса по подписке" www.akc.ru.

Стоимость подписки 618 руб. на полгода.

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский
государственный университет имени
Питирима Сорокина», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

- Тульчинский Г. Л. Политический и политологический дискурсы этничности: конструктивизм vs реализм, как современная фаза спора об универсалиях
Tulchinskii G. L. Political discourse and the discourse of political science about ethnicity: constructivism vs realism as contemporary phase of the dispute about universals..... 5
- Труфанов С. Н. История сознания и осознание истории
Trufanov S. N. The history of consciousness and realizing history.... 20

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

- Беленький Л. П. Исследование авторской песни применительно к понятию «культурный хронотоп»
Belenki L. P. Study of an author's (bard) song in relation to the concept of "cultural chronotope"..... 47
- Бортникова Н. В. Сакральное пространство этнокультуры: смысловые доминанты и культурологические подходы
Bortnikova N. V. Sacred space of ethnoculture: semantic dominants and cultural approaches..... 74
- Рокицкая П. В. Понятие личности в музыкальном искусстве в эпоху Возрождения
Rokitsky P. V. The concept of personality in music in the Renaissance 84

ПОЛИТОЛОГИЯ POLITICAL SCIENCE

- Шабаяев Ю. П. Этнополитология и этнополитика в современной России: теория и политические практики
Shabayev Yu. P. Ethnopolitology and ethnopolitics in modern Russia: theory and political practice..... 92
- Глазунова С. М. Теория сырьевого проклятия: случай России
Glazunova S. M. The theory of resource curse: the case of Russia.... 132

**ИСТОРИЯ
HISTORY**

- Гагиева А. К. Огосударствление архивной отрасли в условиях формирующейся административно-командной системы управления
Gagieva A. K. The nationalisation of the archival sector in the emerging administrative-command system of management..... 143

**ФИЛОЛОГИЯ
PHILOLOGY**

- Кожуховская Н. В. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова: принципы поэтики
Kozhukhovskaya N. V. «Notes of an Orenburg province rifle hunter» of S.T. Aksakov: principles poetics..... 153

**КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
CULTURAL AND SOCIAL ANTHROPOLOGY**

- Муравьев В. В., Душейко А. А., Холопова Т. Ю. Патриотические установки и участие молодежи в деятельности общественных организаций
Muravjev V. V., Dushejko A. A., Holopova T.Ju. Installation and patriotic youth participation in the activities of non-governmental organizations..... 167

**ПЕДАГОГИКА
PEDAGOGICS**

- Иванова Ж. Б. Инновации в образовании: от истоков к современности
Ivanova Z. B. Innovation in Education: from the beginnings to the present..... 178

- Некрасов Р. В. Традиционное декоративно-прикладное искусство коми-зырян как предмет исследования в современном дизайне
Nekrasov R. V. Traditional arts and crafts of komi-zyrians as an object of research in modern design..... 194

Авторы выпуска..... 203

Сведения для авторов..... 205

ФИЛОСОФИЯ

Г. Л. Тульчинский

Политический и политологический дискурсы этничности: конструктивизм vs реализм как современная фаза спора об универсалиях

УДК 303+008

Статья содержит рассмотрение возможностей применения дискурсивных практик в политике и политической науке. В первом случае речь идет о неких сущностях (этнотах, других группах), во втором случае – о концептуальных способах конструирования представлений об этих сущностях. Смешение двух дискурсов чревато серьезными проблемами. Фактически различия этих дискурсов выражают новую фазу старого философского спора об универсалиях.

Ключевые слова: дискурс политический, дискурс политологический, конструктивизм, национализм, реализм, универсалии, эссенциализм, этничность.

G.L. Tulchinskii. Political discourse and the discourse of political science about ethnicity: constructivism vs realism as contemporary phase of the dispute about universals

The article contains a review of the application possibilities of discursive practices in politics and political science. In the first case we are talking about certain entities (ethnic groups, other groups). In the second case it is a way of constructing conceptual representations of these entities. The discourses mix

leads to the serious problems. In fact, the differences between these discourses express a new phase of an old philosophical debate about universals.

Key words: *constructivism, the discourse of political science, essentialism, ethnicity, political discourse, nationalism, realism, universals.*

Традиционно в социальных науках ее предметная область понимается как определенные группы общества: нации, этносы, классы, гендерные группы и т.д. Они понимаются как объективно существующие, обладающие определенными свойствами самодостаточные сущности. В XX столетии такой подход получил название эссенциализма, или реализма.

На рубеже столетий этот подход подвергся радикальной критике, связанной с переносом акцента внимания с предмета описаний и утверждений о политической реальности на процедуры порождения этих описаний и утверждений. Так, с точки зрения Р. Брубейкера, слабость большей части современной политической теории заключается в том, что она основывается именно на упомянутой эссенциалистской репрезентации социального мира, которую он назвал группизмом. Слабость эта выражается уже в том, что группистская социальная онтология, лежащая в основе большей части современной политической теории, скрывает проблемность самой «групповости» и является барьером для других путей осмысления конкретных форм социальности.

Речь идет о так называемом когнитивном повороте в политических и социальных науках, являющемся в определенной степени развитием дискурсивного подхода, общего интереса к дискурсивным практикам, деконструкции, дающим возможность осмыслить социальные группы (этнос, расу, нацию, класс) не как реально существующие сущности, а как точки зрения на мир, способы мышления, структурирующие действительность.

За противостоянием овеществления (группизма, эссенциализма) и когнитивизма (конструктивизма, дискурсивного анализа) стоят две онтологические картины мира. В первом случае это представления в рамках картины мира как системы вещей, их свойств и отношений. Во втором – мир предстает как процессы, действия, в каком-то смысле – алгоритмы. В первом случае акцент делается на то, «что» познается и существует, во втором – на «как». Фактически это то же разли-

чие, что и между программами основания математики: на основе «наивной» теории множеств, строящейся на основе абстракции актуальной бесконечности, или на основе алгоритмов, рекурсивных функций, концептуально строящихся на основе абстракции потенциальной осуществимости. Аналогично и в логике – определение понятия может даваться или через род и видовые отличия, или «генетически» (конструктивно) через задание процедуры порождения данного объекта. Например, окружность можно определять и как геометрическое место точек, равноудаленных от точки, выступающей в качестве центра, а как замкнутую кривую, образуемую концом отрезка при вращении этого отрезка вокруг другого его конца.

По мнению Р. Брубейкера [2], этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему подталкивает образ неких конкретных «групп», – но в процессуальных, динамических, событийных терминах. Иными словами, речь должна идти не столько об этносах, классах, нациях, сколько об этнизации, расизации, классизации как практических категориях, ситуативных действиях, когнитивных схемах, дискурсивных фреймах, институциональных формах, политических проектах, событиях. При этом этнизация, расизация и национализация предстают как политические, социальные, культурные и психологические процессы, а базовой аналитической категорией становится не некая сущность типа «группы», а «групповость» – зависимая от контекста рассмотрения концептуальная переменная. Это может помочь определить, как и когда люди идентифицируют себя, воспринимают других и мир и истолковывают свои проблемы в расовых, этнических, национальных терминах, а не в каких-то других. Они могут помочь определить, как «групповость» «кристаллизуется» в одних ситуациях и остается латентной и всего лишь потенциальной в других.

Действительно, многие ключевые термины социальных и гуманитарных наук, например «раса», «нация», «этничность», «гражданство», «демократия», «класс», «сообщество» и «традиция», являются одновременно категориями социальной и политической практики и категориями социального и политического анализа. Категории практики суть категории повседневного социального опыта. Поэтому П. Бурдьё [3] называл их «народными», или «профанными», катего-

риями в отличие от категорий, которыми пользуются социальные аналитики. Употребление термина как категории практики само по себе, конечно, не делает его непригодным в качестве категории анализа. Проблема заключается в том, как используется конкретный термин: нередко происходит неконтролируемое смешение социального и социологического, «народного» и аналитического пониманий, когда такие понятия, как «нация», «раса» и «идентичность», употребляются в аналитических целях. При этом происходит скрытое или явное овеществление, предполагающее или утверждающее, будто «нации», «расы» и «идентичности» реально существуют, а люди «имеют» «национальность», «расу», «идентичность».

Между тем понимание реальности группы (например, нации) зависит не от ее существования, а от определенных когнитивно-дискурсивных практик, это существование выявляющих. Категоризация является фундаментальным психическим (ментальным) процессом. По утверждению выдающегося теоретика категоризации Д. Лакоффа [7], не будь у нас способности к категоризации, мы не смогли бы действовать вообще ни в физическом мире, ни в нашей социальной и интеллектуальной жизни.

Категории структурируют и упорядочивают мир для нас. Мы используем категории для того, чтобы разбить поток опыта на различаемые и интерпретируемые объекты, свойства и события. Категории делают возможным, и даже предопределяют, серьезное когнитивное, социальное и политическое упрощение. Следуя принципу «когнитивной экономии», они доставляют максимума информации при наименьшем когнитивном усилии. Они позволяют нам видеть различные вещи и трактовать различные ситуации как одинаковые, проводить аналогии и отождествления. Они фокусируют наше внимание и направляют нашу ограниченную энергию, давая нам – индивидам, а также организациям – свободу оставлять без внимания «неуместные» стимулы. Тем самым они делают природный и социальный миры понятными, интерпретируемыми, сообщаемыми и трансформируемыми. Категории лежат в основании не только понимания и мышления, но и самых основных форм действия, включая и повседневное действие, и более сложные, институционализованные образцы действия.

В качестве таких образцов и средств выступают стереотипы, фреймы, схемы, сценарии как формы знания и одновременно ориентиры в реальном мире. Все они суть способы узнавания, идентификации и классификации других людей, ситуаций, понимания тождества и различия, «кодирования» и осмысления собственных действий. Они – шаблоны для репрезентации и организации социального знания, фреймы для артикулирования социальных сравнений и объяснений и фильтры, которые формируют то, что замечается или не замечается, уместно или неуместно, запоминается или забывается.

Еще Ф. Теннис [10], М. Вебер [5] писали об этничности, что общность, основанная на вере в общее происхождение, является как таковая всего лишь (мнимой) общностью (*die Gemeinsamkeit*), а не общиной (*die Gemeinschaft*), лишь фактором, облегчающим общее действие (*die Vergemeinschaftung*). Такой подход позволяет развести методы политического анализа и политические практики. Философы, аналитики предлагают метафоры, термины, категории, значениям которых через популяризацию, консультирование, публицистику, отчасти образование придается онтологический статус реально существующих предметов, явлений. Это овеществление играет важную роль в политической практике: утверждения метафор, категорий, классификаций, идей, оценок в публицистике, обыденной коммуникации, документах являются реальными и важными, особенно когда они встроены во властные решения, документы. Именно в овеществлении групп, в указании на них, в мобилизации их поддержки или противостоянии с ними и заключается роль политического лидера партии.

Но политическая аналитика должна объяснять, как, какими способами может работать и работает эта практика овеществления, кристаллизующая представления, намерения, эмоции людей. Иначе само познание попадает в ловушку им же самим созданных рамок. Так, насилие или преступность становятся «этническими» («расовыми», «националистическими») благодаря значениям, которые придают ему преступники, жертвы, политики, чиновники, журналисты, исследователи... Такие акты структурирования и дискурсивного (нарративного) кодирования не просто интерпретируют насилие – они утверждают, конституируют его в качестве этнического. Экетирование, навешивание ярлыка может стать толчком к оценке события как «погрома»,

«бунта» или «восстания», что представляет собой не просто интерпретацию, но имеющий важные последствия акт. Поэтому в современной политике большую роль играют «информационные («смысловые») войны», другие коммуникативные технологии: пропаганда, PR и проч.

Некоторые драматичные события или специальные события (special events) могут оживить групповое чувство и повысить ранее существовавшую степень групповости. Иногда продуманное насилие, совершаемое ради провокации горсткой людей, оказывается иногда исключительно эффективной стратегией создания групп [2].

Например, когда малочисленная и плохо экипированная, разношерстная Армия освобождения Косово (АОК) усилила атаки на сербских полицейских и другие центры власти в начале 1998 г., это было тщательно продуманной – и оказавшейся успешной – стратегией провоцирования режима на масштабные ответные меры. Как и во многих подобных ситуациях, вся тяжесть репрессий обрушилась на гражданских лиц. Круговорот атак и контратак резко усилил групповость и среди косовских албанцев, и среди косовских сербов, что еще более укрепило поддержку АОК и в Косово, и среди диаспоры албанцев и способствовало лучшему комплектованию и финансированию АОК. Это позволило АОК бросить более серьезный вызов режиму, что, в свою очередь, породило более жестокие ответные меры и т.д.

В большей части современной Африки объяснение некоторых острых конфликтов строится именно в этнических терминах (Ангола, Сьерра-Леоне), а конфликт в южном Судане 1990-х гг., возникший из борьбы за экономические ресурсы и пространственных связей, только в его процессе был сведен к культурным и религиозным различиям между воюющими сторонами. Формирование и поляризация групп в этих ситуациях были результатом, а не причиной насилия. То же самое можно сказать о политической практике палестинских боевиков, отчасти – это практика любого радикализма и не только.

Очень часто национальные конфликты рассматриваются как битвы за сохранение и выражение идентичностей в противостоянии попыткам их уничтожить. Однако, например, советский режим, хотя и репрессивный во всех возможных отношениях, совсем не был антинациональным. Наоборот, режим сделал беспрецедентно

серьезные шаги «нациестроительства». Территория СССР была раскроена более чем на 50 национальных «родин», каждая из которых «принадлежала» конкретной этнонациональной группе. Режим наделял каждого гражданина этнической «национальностью», которая приписывалась ему при рождении на основании происхождения, регистрировалась в личных идентификационных документах, фиксировалась в бюрократических реестрах и использовалась в целях контроля над доступом к высшему образованию и рабочим местам. Тем самым режим не просто признавал или ратифицировал уже существующее положение дел, он вновь и вновь создавал национальную кодификацию личностей и территорий. В этом контексте трактовка национальной идентичности как возрождения, глубоко укорененной в докоммунистической истории конкретного региона и подавленной беспощадным антинациональным режимом, является либо анахронизмом, либо околонучным переложением националистической риторики.

Хотя в риторике участников и объяснениях здравого смысла этнические группы рассматриваются как действующие акторы этнического конфликта, фактически главными деятелями большинства этнических конфликтов (а тем более – этнического насилия) являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их представители. В числе таких организаций – государства (или шире – автономные политические образования) и их организационные составляющие, такие как: отдельные министерства, канцелярии, агентства по обеспечению применения законов и части вооруженных сил; а также террористические группы, военизированные организации, вооруженные банды и свободно структурированные шайки; и политические партии, этнические ассоциации, организационные структуры общественных движений, церкви, газеты, радио и телевизионные станции и т.д. Некоторые организации могут репрезентировать себя или рассматриваться другими как организации конкретных групп или как представители их интересов, очень часто – с претензией на монопольное представительство.

К политическим практикам «групповости» относятся также вербовки, посвящения, инициации, чествования, посрамления, осмеяния, исключения, награды, вознаграждения, наказания... Немалую роль в формировании «групповости» играют школы – институт, формирую-

щий структуры возможностей и сети общения, воздействующий на модели дружбы (а в университете – и супружества), что делает мир группы в значительной мере самовоспроизводимым. Воспроизводство этого социального мира – внутренне взаимосвязанной совокупности общественных отношений, объединяющих школу, дружеские круги и семью, – не требует жестких националистических убеждений и групповой лояльности. Так, этнические сети могут воспроизводиться благодаря самой логике сетей общения и структур возможностей и вытекающей отсюда умеренно высокой степени этнической эндогамии.

Категоризация, категориально организованное знание здравого смысла формирует готовую рамку для восприятия различных образовательных и экономических возможностей как определяемых этнически (национально, классово). Соответственно эти различия они объясняют в терминах того, что им известно о зависимости между этничностью, национальностью, расой и иерархией должностей, возможностями, наймом, продвижением по службе и решениями об увольнении: по их мнению, такое знание дает основания для часто высказываемого суждения о соответствующей дискриминации. Эти и многие другие примеры показывают, что дело именно в способах видения и истолкования мира как на уровне здравого смысла, повседневного опыта, так и на уровне публичной и государственной политики.

Одним из следствий «когнитивного поворота» в социальных науках стал рост интереса к категоризации, классификации, типологизации, другим познавательным и герменевтическим практикам. Когнитивистский подход открыл дополнительные перспективы политических наук. Так, в рассмотрении политических конфликтов когнитивизм позволяет анализировать их конкретно и операционально. Обычно участники конфликтов представляют их как столкновения различных групп (классовых, этнических, расовых, национальных) как действующих акторов со своими интересами. Это позволяет надеяться рядом черт (корыстных, героических, мученических), представлять их в качестве извергов или спасителей рода человеческого... Но это не означает, что аналитики должны поступать так же. Такие представления, несомненно, можно и нужно учитывать хотя бы в качестве объектов исследования. Но представления о конфликтах на уровне обыденного сознания, политической публицистики, пропаганды и на

уровне социально-политического анализа все-таки различны. То, что представляется как этнический конфликт или этническая война (как, например, насилие в бывшей Югославии), может иметь отношение не только и не столько к этничности, сколько к военной диктатуре, незаконным доходам, бандитизму. Поэтому сосредоточение исследовательского внимания и политического вмешательства на процессах, в ходе которых развивается и кристаллизуется групповость, может вести к снижению уровня конфликта. Такой анализ может служить и обоснованием нейтрализации конфликта: если не подпитывать групповость на высоком уровне с помощью специальных социальных и когнитивных механизмов, то она будет снижаться в силу инерции повседневных забот.

Эмпирические исследования под влиянием понимания центральной роли категоризации и классификации образуют две широкие области. Во-первых, это исторические, политические и прочие исследования официальной, кодифицированной, формализованной практик категоризации, применяемых влиятельными институтами власти – прежде всего, государством. Их теоретическими источниками являются идеи М. Фуко [11] и особенно концепция символической власти П. Бурдьё [4], как власти устанавливать, что есть что и кто есть кто, и тем самым навязывать легитимные принципы понимания и разделения социального мира. Во-вторых, это этнографические и микроинтеракционистские исследования неофициальных, неформальных, «обыденных» практик классификации и категоризации, используемых обычными людьми.

Не менее плодотворным когнитивизм оказался и в трактовке понятия идентичности, связываемого с самоопределением личности, ее отнесением себя к некоей социальной общности. То, как человек идентифицирует себя – и как он идентифицируется другими, – может чрезвычайно различаться в зависимости от контекста; самоидентификации и идентификации другими являются в основе своей ситуативными и контекстуальными.

Так, в процессе протестного движения, особенно связанного с жесткими противостояниями власти, возникает сознание общности, в котором ведущую роль играет уже не общность интересов, а просто общее дело, самоотверженность, представление о чести. Примерно

так же формируется идентичность типа «военного братства». Людей сближают общие испытания, риск, взаимовыручка. Не исключено, что те же механизмы формируют и племенную, и клановую, а в конечном счете этнонациональную идентичность.

Не случайно в африканистике давно уже сложилось общее понимание, что этнические группы не существовали изначально, а стали продуктами истории, прежде всего – овеществления культурных различий через навязанные идентификации в период колониальных захватов. В доколониальную эпоху идентичность реализовывалась на основании принадлежности к роду, включающему потомков одного предка, которые учитываются по общественно принятой линии: по мужской, по женской или – реже – по двойной системе. Дети принадлежали к линии отцов, а отношения с родственниками матери хотя и не игнорировались, но не являлись частью системы происхождения. Не менее значимыми были торговые общности (в которых иногда вырабатывался смешанный язык, способствовавший общению между широким кругом «клиентов»), религиозные братства, общества посвящения, которым были неведомы языковые и культурные границы, поскольку они предлагают общую кодификацию социального опыта в рамках регионов для всего существующего в них культурного многообразия и политических различий. Собственно, этносы возникли только как результат кодификационной деятельности колонизаторов или противодействия им.

Идентичность как самопонимание и самоопределение непосредственно связана с позиционированием, самопрезентацией личности. Так или иначе, но в идентичности проявляется социальность личности, сознание этой социальности. Оно тесно связано самооценкой личности и может иметь двоякую природу: как чувство гордости своей принадлежности данной общности, так и как депривация типа чувства «подавленности национальностью» у немцев после Второй мировой войны или у участников конфликта в бывшей Югославии.

Но еще более значимо различие между самоидентификацией человека (его идентичностью) и его идентификацией и категоризацией другими людьми, особенно – формализованные, кодифицированные, объективированные системы категоризации, созданные мощными институтами власти, которая монополизирует не только физиче-

скую, но и символическую силу. Речь идет о силе именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто: присваивание индивиду определенных признаков через паспорт, отпечатки пальцев, фотографию, подпись и аккумуляцию таких идентифицирующих документов в государственных хранилищах; попытки современного государства охватить своих граждан классификационной сетью, идентифицировать и категоризировать людей в тендерном отношении, с точки зрения религии, рода деятельности, владения собственностью, этничности, грамотности, преступности, здоровья и психической нормальности. Переписи распределяют людей по этим категориям, а институты – от школ до тюрем – соответствующим образом отсортировывают индивидов. Согласно М. Фуко [11], эти индивидуализирующие и собирающие способы идентификации и классификации принадлежат к самой сердцевине управления в современном государстве.

Так, переписи населения внедряют мысль, что национальные общества суть ограниченные целые, состоящие из обособленных, взаимоисключающих этнических, расовых и культурных групп. Даже когда категории переписи изначально далеки от преобладающих самопониманий, они могут подхватываться, особенно когда они через государственную политику связаны с ощутимыми выгодами, могут приводить к «собираению народа» или «легитимации существования» новых типов личностей.

Переписи классифицируют людей анонимно и изменчиво; они не приписывают индивидов к категориям на постоянной основе и не наделяют конкретных людей устойчивыми, влекущими правовые последствия идентичностями. Однако другие формы государственной категоризации действуют как раз обратным образом, они навязывают людям этнические или расовые категории, вписывают их в документы и взваливают на эти официальные идентичности тяжесть последствий, иногда фатальных. Самые известные случаи – официальные схемы расовой классификации и идентификации, использовавшиеся в нацистской Германии и в Южной Африке. Официальные этнические идентичности, указанные в формальных удостоверениях личности, были использованы в процессах геноцида в Руанде. В Советском Союзе этническая национальность тоже была не только статистиче-

ской категорией, основополагающей единицей социальных подсчетов и отчетов, но и правовой категорией, которая вписывалась в личные документы, передавалась по наследству, фиксировалась при контактах с чиновничеством и в официальных операциях и использовалась в определенных контекстах как фактор регламентации доступа в высшие учебные заведения и допуска к определенным видам профессиональной деятельности.

Категории, используемые обычными людьми в обыденном взаимодействии, часто существенно отличаются от официальных категорий («черноногие» во Франции, «хачи» в нынешней России). Те, кто подвергается категоризации, сами постоянно следуют этому процессу, и критерии, используемые ими для осмысления себя и других, обязательно имеют что-то общее с категориями, используемыми государствами, какими бы могущественными они ни были.

В контексте сказанного сторонники когнитивистского подхода склонны употреблять вместо термина «идентичность» термины типа «чувство сопринадлежности», «сопричастности», «общности», «связности».

Так или иначе, но главное – социальность, социальная природа личности и социализация как практика: наделение компетентностью к социальной жизни и приобретение такой компетентности. Идентификация предстает с этой точки зрения отождествлением с этими практиками и способностями. А сама жизнь (жизнь и путь) – процессом таких освоений и применений. Политическая власть в этом процессе выполняет роль кодификации, контроля и возложения ответственности.

Когнитивный подход важен тем, что благодаря ему можно понять, как принципы понимания и разделения социального мира работают в нем, поскольку он показывает принцип их работы в обычных сознаниях и вроде бы незначительных повседневных практиках. Когнитивные установки обращаются к социальным и ментальным процессам, которые лежат в основании понимания и классификации социального мира в расовых, этнических или национальных терминах. Вместо того чтобы принимать «группы» за базовые единицы анализа, когнитивные точки зрения переносят внимание аналитиков на «создание групп» и «группирующие» деятельности, такие как классификация, категоризация и идентификация.

С другой стороны, когнитивизм в известной степени переносит дисциплинарное обоснование – как в плане предметной области, так и методологии – из сферы политологии и социальных наук в целом в психологию или, точнее, в современные когнитивные науки. Однако сам когнитивный поворот не связан с отчетливо когнитивными исследованиями в психологии и когнитивной антропологией, в большинстве случаев обсуждение категоризации и классификации лишено каких-либо явных отсылок к когнитивной деятельности.

Важным может быть уточнение, проводящее различие между когнитивным и дискурсивным подходами, сделанное Эдвардсом. Когнитивный подход рассматривает дискурс как осуществление основополагающих процессов и структур знания, а культуру как такую – своего рода социально-общей когнитивной организацией. Дискурсивный подход, напротив, трактует разговор и тексты как формы социального действия. Категоризация есть нечто, что мы делаем в разговоре, для того чтобы выполнить социальные действия (убеждение, неодобрение, отрицания, отказы, обвинения и т.д.). С этой точки зрения «ресурсы» языка не столько реализуют познавательные усилия понять и помыслить мир (как это имеет место в когнитивном подходе), сколько служат для выполнения их функций в разговоре и совершения ситуативных социальных действий.

В принципе традиционный и когнитивистский подходы не являются взаимоисключающими. Первый может способствовать разъяснению реальных или приписанных человеческих различий, а второй помогает объяснить, как эти различия приобретают значение и вес в конкретных контекстах. Они могут рассматриваться не как противоречащие друг другу, а как направленные большей частью на разные вопросы: один – на то, как мыслятся группы и создаются и поддерживаются «народные социологии», а другой – на функционирование групп в практических взаимодействиях. В этом случае даже примордиализм в понимании нации предстает достаточно когнитивистски – не натуралистическим анализом, а анализом натурализации: именно участники, а не аналитики являются настоящими примордиалистами, поскольку трактуют этничность как естественно данную и неизменную.

В определенном смысле различие когнитивизма и «группизма» может рассматриваться как одна из современных фаз фундаменталь-

ного философского спора об универсалиях, прошедшего через всю историю философии – статусе существования значений общих терминов (понятий). Еще на ранней стадии этого спора в Средние века сформировались две радикально отличные точки зрения. Первая, получившая название «реализма», восходит к Платону [8; 9], утверждавшему существование отдельного мира идей, которые представляют собой сущности вещей видимого мира. Поэтому такую позицию иногда еще называют платонизмом. Другая позиция – номинализм – отвергает существование некоего потустороннего мира, а общие понятия понимаются как некий технический прием использования имен для обозначения групп (множеств) вещей. Именно номиналистическая традиция породила ориентацию на опытное знание, поиск связей и отношений в мире физической реальности. Утилитаризм, аналитическая философия также принадлежат этой традиции. Достаточно очевидны и параллели реализма и номинализма в философских политических концепциях. Эти параллели представлены в табл. 1.

Таблица 1

Параллели «спора об универсалиях» в современной политической философии

<i>Спор об универсалиях</i>	<i>Универсализм (реализм, платонизм)</i>	<i>Номинализм</i>
<i>Картина мира</i>	Вещи, их свойства, отношения	Процессы, конкретные ситуации
<i>Структурирование социума</i>	Овеществление, группизм, эссенциализм	Дискурсивный подход, когнитивизм
<i>Понимание нации</i>	Примордиализм	Конструктивизм
<i>Базовая идеология</i>	Фундаментализм	Либерализм
<i>Точка отсчета в политическом</i>	Общее, «органическое» целое	Личность
<i>Базовая ценность</i>	Безопасность	Свобода
<i>Политический тренд</i>	Тенденция к тотальности	Тенденция к демократии

Справедливости ради следует заметить, что в философии была выработана и альтернатива противостоянию реализма и номинализма – концептуализм, впервые представленный П. Абеляром [1]. Согласно этой точке зрения, ключевую роль в формировании и использовании общих терминов играет мышление. Именно человеческое сознание, порождающее некие концепты, и дает возможность обобщения, классификации, анализа, выражению которых и служат общие термины.

И вот тут, похоже, выявляется главный методологический аспект проблемы. Стимулом развития всех научных теорий выступало обнаружение новой реальности, за которым стояли новые технические и технологические возможности.

Хорошо известна зависимость познания методов от используемых инструментов и аппаратуры, выраженная в соотношении неопределенностей Вернера Гейзенберга [6]: представление об элементарной частице – корпускула она или волна – зависит от используемых приборов и связанных с этими приборами теоретических конструктов. Другими словами, теоретическое знание о реальности – знание «что», то есть знание предмета – зависимо и производно от знания «как», знания методов и инструментов выделения, фиксации и описания этого предмета. Теория – рефлексия над реальностью, открывающейся с помощью техники.

В «нормальной» же политологии телега ставится впереди лошади. Даже обнаружив роль и значение дискурсивных практик, собственную зависимость от них, даже говоря о «прагматическом повороте», политическая наука оставляет этот «поворот» в рамках самих дискурсивных практик. А политологи снобистски поджимают губы, говоря о политических технологиях, в результате все более отдаляясь от изменяющейся и изменяемой политической реальности, становясь все менее понимаемыми и востребованными в этих технологиях и соответствующих реальных политических практиках.

1. Абеляр П. Теологические трактаты // Теологические трактаты / пер. с лат., вступ.статья, сост. С.С. Неретиной. М.: Прогресс; Гнозис, 1995.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Высшая школа экономики, 2012.

3. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007.
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: ИЛ, 1963.
7. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Платон. Гиппий // Платон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1968. Т.1. С. 149–186.
9. Платон. Тимей // Платон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 455–542.
10. Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem, 1999.

С. Н. Труфанов

История сознания и осознание истории

УДК 930.1

В статье рассматривается концепция всемирной истории Г.В.Ф. Гегеля. Показывается, что он объясняет историю человечества исходя из раскрытых им закономерностей развития сознания людей. На первой ступени предки человека осознавали себя лишь в объёме своего животного Эго: есть, пить, спариваться. На второй ступени они стали проявлять своё Я в его свободе от Эго. Для этого им пришлось образовать форму совместного неравного самосознания, которая привела к разделению людей на господ и рабов. На достигнутой к настоящему времени ступени всеобщего свободного равного самосознания каждый человек обретает способность проявлять себя (своё Я) в его свободе. Ту же самую последовательность ступеней самосознания проходит в процессе индивидуального развития каждый человек.

Ключевые слова: теория истории, историософия, философия всемирной истории, сознание, господство и рабство, Гегель.

Trufanov S. N. The history of consciousness and realizing history

The paper deals with G. Hegel's world history concept. The author demonstrates the way Hegel treats human history through the disclosed laws of the development of human consciousness. On the initial stage human ancestors identified themselves within the scope of their animal Ego which meant eating drinking and copulating. On the second stage they started to reveal their Selves as freed from Ego. To be able to do it they had to develop a form of mutual unequal self-consciousness which resulted in the segregation of people for masters and slaves. During the present day stage of total free equal self-consciousness an individual tends to be able to reveal himself as his free Self. Every individual goes through the above stages of self-consciousness in the process of personal development.

Key words: history theory, historiosophy, world history philosophy, consciousness, domination and slavery, Hegel.

*Известное вообще – от того, что оно известно,
еще не значит, что познано.*

Г.В.Ф. Гегель

Двадцатый век был периодом радикального обновления человечества, периодом массового перехода народов на ступень равноправия и свободы. Состоявшиеся перемены требуют теперь своего осмысления. Сова Минервы вылетает в сумерках, после того как все уже свершилось. Что произошло в минувшем столетии? Почему это произошло? Если история человечества – это история его достижений, то каков ее главный итог? Чего достиг современный мир? Какой вклад в его развитие внесли отдельные страны и Россия в частности? Ответ на эти вопросы призвана дать современная *теория исторического процесса* (синонимы: теория истории, понятие истории, философия истории, историософия).

События минувшего 2014 года убедительно показывают, что Западные страны давно и старательно создают из России отрицательный исторический образ (чему мы сами немало способствуем, бездумно оплёвывая свою советскую историю) и что этот образ уже приносит ожидаемые ими результаты. Для нас это горькие, трагические

результаты. Чтобы остановить эту идеологическую агрессию, России необходимо иметь свою собственную концепцию всемирной истории. Являясь великой державой, она должна сама предлагать народам планеты своё понимание истории развития человечества и той роли, которую она играла в ней. (Новый учебник российской истории, видимо потому, что он предназначен для внутреннего потребления, не дотягивает даже до уровня *оборонительного* идеологического оружия.)

Почему сегодня мы остались без теории истории?

В начале 1930-х гг. в нашей молодой советской стране стало ощущаться состояние некоторой мировоззренческой растерянности. Совсем недавно закончились революция и Гражданская война. Были отменены сословные привилегии и частная собственность. Шла коллективизация сельского хозяйства, и гигантскими темпами развивалась промышленность. Велась борьба с безграмотностью. В сознании людей господствовала вера во всеобщее равенство, братство и необходимость проводимых в стране преобразований. Однако эта вера не имела на тот момент общедоступного научного обоснования. Иначе говоря, осуществляемые в стране преобразования не были закреплены соответствующей им теорией исторического процесса. В первую очередь этот недостаток теории ощущали на себе работники партийно-советских и научно-образовательных учреждений на местах. Время, когда достаточно было одних лозунгов, прошло, и теперь им самим требовалось концептуальное понимание того, как следовало объяснять трудящимся прошлое, настоящее и будущее их страны. Конечно, в Москве, Ленинграде и ряде других городов происходили философские дискуссии и публиковались научные работы, но это мало сказывалось на состоянии умов. Более того, в силу своего полемического характера такие дискуссии могли скорее дезориентировать мировоззрение граждан, нежели укрепить его.

В целях преодоления такой ситуации при непосредственном участии И.В. Сталина был разработан и в 1938 г. опубликован краткий курс «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)». Во втором параграфе 4-й главы этого курса излагались основные положения философии «диалектического и исторического мате-

риализма», которые по определению авторов составляли «теоретический фундамент коммунизма и марксистской партии». Необходимость усвоения этих основ объявлялась «обязанностью каждого активного деятеля партии». В этом же году содержание параграфа было опубликовано в виде отдельной статьи в газете «Правда» за подписью И.В. Сталина.

Позднее на основе данного параграфа был разработан учебный курс «марксистско-ленинской философии», называемый иначе «диалектическим и историческим материализмом». Его несущий каркас составили шесть обозначенных И.В. Сталиным тем: 1. *Основной вопрос философии*. 2. *Диалектика*. 3. *Материалистическое понимание истории*. 4. *Общественно-экономическая формация*. 5. *Классы и классовая борьба*. 6. *Социальная революция*. Ключевыми являлись две последние темы. Все предыдущие работали на них. Сквозной идеей всего курса было теоретическое обоснование исторической необходимости *ликвидации частной собственности* на средства производства и построения нового строя на основе *общенародной собственности*. Данный курс философии монополично определял мировоззрение советских граждан на протяжении последующих пятидесяти лет.

Однако начавшаяся во второй половине 1980-х гг. перестройка, плавно перешедшая в комплексные демократические преобразования, привела к тому, что после семидесяти лет запрета в СССР вновь была разрешена частная собственность. Эта экономическая мера положила конец господству в образовательном процессе страны марксистско-ленинской теории истории человечества. Именно потому, что эта теория была нацелена (заточена) на доказательство необходимости отмены частной собственности, она не смогла адаптироваться к новым условиям и фактически осталась не у дел. (Некоторые ее фрагменты продолжают преподавать до сих пор, но делают это в основном в силу привычки и отсутствия альтернативы.)

В результате к началу текущего столетия все традиционные историософские вопросы вновь вышли на первый план. Вновь стало непонятно: в чем заключается смысл истории человечества, как надо понимать настоящее, чего следует ожидать от будущего? К ним добавились новые вопросы, относящиеся уже к советскому периоду нашей истории. Был ли этот период закономерным? Если да, то чем опреде-

лялась эта закономерность? Являлась ли отмена частной собственности ошибкой или она была необходимой? От ответа на эти вопросы напрямую зависит не только национальное самосознание тех народов, которые ранее входили в состав СССР, но и образ современной России, её мировой авторитет.

Если согласиться с тем, что советский строй был ошибкой, то придется признать, что наша страна на протяжении семидесяти лет не только сама шла по неверному пути, но и, возомнив себя мессией, заставляла идти по нему другие народы. К этому сводится суть всех тех обвинений, которые выдвигают сегодня в адрес России как внешние, так и внутренние (домашние) критики ее истории. В силу этого именно наша страна, как никакая другая, заинтересована в появлении новой теории исторического процесса, которая позволила бы понять не только общий ход истории человечества, но и логику событий XX столетия.

В целях поиска основ для создания такой теории автор данной статьи предлагает обратиться к теоретическому наследию Вильгельма Гегеля, познакомиться с его концепцией исторического процесса и оценить ее возможности в плане нахождения ответов на волнующие нас сегодня вопросы.

Неоценимой заслугой Гегеля является то, что он впервые в истории разобрал все арсеналы мыслительных определений, которыми пользуется в своей работе человеческий разум, и выстроил их в порядке *логической преемственности смысла*. Благодаря этому он расставил все понятия по своим местам, в силу чего каждое из них раскрылось во всем богатстве содержания. Выражаясь современным языком, он впервые описал *дерево понятий* нашего естественного человеческого разума.

Не менее важным является также то, что Гегель сделал это весьма своевременно. В годы его жизни научное знание находилось как раз на том уровне развития, когда работу по созданию всеобщей системы понятий уже не только пора было начинать делать, но еще и можно было сделать. В более поздние сроки проделать ее никому бы не удалось. В условиях начавшегося с середины XIX в. лавинообразного роста знаний эта задача стала превосходить возможности человеческого разума. Не говоря уж про наше время.

Особенность гегелевской концепции истории состоит в том, что она была построена не на основе анализа и обобщения исторических фактов, а на основе разработанного им *учения о сознании* человека. Иначе говоря, Гегель объясняет историю человечества исходя из раскрытых им закономерностей формирования сознания людей. Именно этот методологический подход всегда ставили ему в вину: якобы он считал, что миром правят дух, идея, сознание. Но все эти обвинения имеют *голословный* характер, поскольку никто из его критиков не взял на себя труд разобраться в сути того, что он, собственно, предлагает.

Свое учение о сознании Гегель изложил дважды: в «Феноменологии духа» и «Энциклопедии философских наук» (см.: Энциклопедия философских наук / Философия духа / Субъективный дух / Феноменология духа / §§ 413–439). Принципиальной разницы между этими вариантами нет. Общим же для них является то, что оба написаны очень трудным языком. Главная причина такого языка заключается в том, что в ту историческую эпоху еще не обо всех вещах можно было говорить и писать открыто. Поэтому Гегель (и не только он) вынужден был излагать свои мысли с большой осторожностью, применяя во многих случаях нарочито сложный, малопонятный язык, который позволял улавливать их суть лишь частично и по отдельным фрагментам. Если бы смысл разработанного им учения о сознании стал доступен его современникам, то сам он подвергся бы жесточайшим преследованиям как со стороны церкви, так и со стороны государства.

В настоящей статье в краткой доступной форме излагается содержание учения Гегеля о сознании, в ходе чего раскрываются основные положения его концепции исторического процесса.

Учение Гегеля о сознании

Предметом этого учения является индивидуальное Я человека. Иначе говоря, учение Гегеля о сознании ограничено только рамками *эгологии* – пониманием феномена человеческого Я.

Первым корнем индивидуального Я каждого человека является его *чувство самого себя*. Это чувство имеет телесную природу и проявляет себя по формуле: Я есть то, что я в себе ощущаю, а то, что я в

себе ощущаю, то и есть мое Я. Оно как мост связывает наше идеальное Я с каждым органом тела, с каждой его клеткой. Соответственно, все то, что выходит за пределы чувства самого себя и, следовательно, за пределы моего тела, то уже не есть Я или, выражаясь иначе, есть не-Я. Поэтому, когда я говорю о себе «Я», то при этом подразумеваю сразу две вещи: во-первых, что «Я есть», а во-вторых, что «Я есть» по отношению к «не-Я», к окружающему миру.

Наличие такой противоположности между «Я» и «не-Я» является необходимым условием для становления сознания человека. Снимается данная противоположность посредством осуществляемой нами (людьми) деятельности познания внешнего мира. Вне, помимо познания, сознания не существует. Сознание производит знания и состоит из них: *со-знание, con-sciences*.

Структура сознания.

Отношение противоположности человека к внешнему миру дает первую форму сознания – *сознание как таковое*, или Я.

Отношение противоположности нашего Я к самому себе дает вторую форму сознания – *самосознание*: Я – Я.

Отношение противоположности нашего Я к своему собственному содержанию – наполняющим его знаниям, дает третью форму сознания – *разум*.

1. Сознание как таковое

Формирование сознания как такового (нашего Я) происходит в процессе осуществляемой человеком деятельности познания окружающего мира. Сам процесс познания включает в себя три этапа.

На первом этапе субъект только непосредственно ощущает внешние предметы, что соответствует ступени *чувствующего сознания*.

На втором этапе он изучает их внутреннее строение и внешние связи, что соответствует ступени *воспринимающего сознания*.

На третьем этапе он постигает законы строения познаваемых им предметов, что соответствует ступени *рассуждающего сознания*.

Чувствующее сознание. Познавательная деятельность человека начинается с акта непосредственного ощущения им внешней вещи. Обратив внимание на свои ощущения, человек тем самым делает об-

раз вещи предметным для своего сознания. Такова суть ступени чувствующего сознания, где субъект только обращает внимание на непосредственно ощущаемую им вещь. На этой ступени мы знаем, что данная вещь: а) *есть*, б) *есть по отношению ко мне*, в) *есть еще в виде смутного ощущения*.

Воспринимающее сознание. Чтобы воспринять образ вещи в свое сознание, необходимо всесторонне исследовать ее: изучить ее форму, содержание и внешние связи. Благодаря наблюдению и более активным видам исследовательской деятельности (замерам, сравнениям и т.п.) сознание человека создает первичную базу знаний о вещах: об их сторонах, частях, деталях, свойствах и т.д. За счет этих знаний оно расширяет и углубляет само себя. Однако самому человеку, находящемуся на ступени воспринимающего сознания, еще кажется, что, приобретая знания об окружающем мире, он наполняет себя неким чуждым ему содержанием.

Рассуждающее сознание. На этой ступени сознание человека сводит все найденные им ранее различия предметов (части, стороны, свойства, силы и т.д.) к их необходимому единству. Найти такое единство – значит установить *закон* (теорию, научное положение, формулу и т.д.). Общим знаменателем всех законов является то, что выявленные внутри какого-либо предмета или системы предметов различия приводятся в них к своему единству. Иначе говоря, законом самих законов является единство выявленных различий. Не следует думать, что законами можно называть лишь те, которые мы изучаем в школе и других учебных заведениях. Наше сознание хранит тысячи законов и постоянно открывает для себя новые. Например, планировка данной квартиры – это ее закон. То обстоятельство, что одна дверь открывается *к себе*, а другая *от себя* – это их закон. Рецепт приготовления какого-либо блюда – закон. Схема переключения передач в автомобиле – закон. В подавляющем большинстве люди открывают и хранят в своей памяти самые простые, но необходимые им для жизни законы.

Но мало только сформулировать закон, его еще требуется доказать. Если в законе утверждается, что в данной системе мы имеем такое-то соотношение ее частей, то необходимость этого соотношения должна быть доказана. *Доказательство* – это неотъемлемый компо-

нент любого закона. Не суть важно, каковы масштабы постигаемых нами законов и к какой области знания они относятся. Не суть важно также, является ли тот или иной закон (теория, формула) истинным или ложным. Важно то, что они представляют собой результат самостоятельной деятельности нашего мышления. Формулируя законы, наше мышление проявляет себя в своей собственной очищенной от чувственной связи с внешним миром деятельности. Доказывая законы, оно противопоставляет эту свою деятельность самому себе, благодаря чему наше Я находит и осознаёт самого себя.

2. Самосознание

Сознание (Я) не существует без самосознания (Я – Я). *Самосознание* есть способ обслуживания нашим сознанием самого себя. Это для других людей Я каждого из нас выступает как нечто единое, но внутри самого себя оно существует и действует только в форме противоположности самому себе, в форме самосознания: Я – Я. Это значит, что оно является по отношению к самому себе одновременно и постановщиком задач, и их критиком, и командиром, и исполнителем, и судьей, и подсудимым, и т.д.

Форма развитого самосознания человека имеет вид: Я – Я. Но прежде чем достичь ее, оно (самосознание) проходит в своем становлении три ступени.

- а) *единичного возделющего самосознания;*
- б) *совместного неравного самосознания;*
- в) *всеобщего свободного равного самосознания.*

а) Единичное возделющее самосознание

Каждый вид животных наделен от природы узким кругом физиологических потребностей, которые сводятся главным образом к тому, чтобы есть, пить, спариваться. Человек в этом плане не составляет исключения, и, будучи с биологической точки зрения животным, он также несет в себе все эти потребности (вожделения).

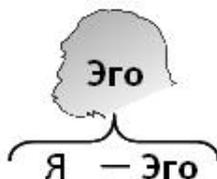
Питание. Обнаружив в окружающей природе необходимый предмет и употребив его в пищу, особь приходит к ощущению сытости. Однако чувство сытости в живом организме преходяще, и вожделение всякий раз просыпается в нем с новой силой. Соответственно,

особь вновь устремляется к необходимому ей предмету. Отыскав и проглотив его, она опять приходит к чувству согласия с собой.

В потребляемых предметах природы особи узнают самих себя. Через бесконечно повторяющуюся процедуру их пожирания они вырабатывают предметное отношение к самим себе: «Коль скоро я пожираю данные предметы, то, значит, я есть такой же реальный предмет». Именно процесс пропитания обуславливает собой первый шаг в развитии самосознания животных. Потребляя предметы природы, каждая особь осознает себя в своей *единичности*.

Половое отношение. Следующий шаг в развитии самосознания животных связан с половым отношением особей. В отличие от потребности в питании, где каждая особь действует сама по себе (у каждого свой желудок), удовлетворение половой потребности требует взаимных действий двух разнополых особей. В процессе спаривания и подготовки к нему особи вынуждены выходить за рамки своего единичного самосознания и признавать друг друга в качестве столь же осознающих себя. Самка признает, что самец осознает себя при совершении направленных на сближение с ней действий: подношение пищи, брачные танцы, воркование, прочие ухаживания. Самец признает, что самка также осознает себя при совершении ею встречных действий. Причем удовлетворение половой потребности происходит *без пожирания* того предмета, посредством которого она удовлетворяется.

Такова ступень единичного вожделеющего самосознания. Его формула имеет вид: Я – Эго, где Эго – это: есть, пить, спариваться. Господствующим здесь является *вождеющее Эго* животной особи, наряду с которым у неё, однако, уже имеется и *осознающее его (эго) Я*.

Борьба самцов за самок. Дальнейший прогресс в развитии самосознания животных, а стало быть и нашего, был обусловлен борьбой самцов за самок. Являясь репродуктивной единицей рода, каждый самец как факелоносец жизни нацелен на максимальное распростране-

ние своей субъективности в пределах сообщества. В силу этого самцы обречены вступать в отношение соперничества друг с другом. Необходимость такого соперничества является лишь промежуточным звеном на пути к самке, но именно на этой почве в сообществах животных (в стаях, стадах, прайдах) происходит перманентная борьба самцов за утверждение господства своего *Эго*: грызня, схватки, драки.

В ходе развернувшейся драки начинают страдать их тела, на которые обрушиваются удары соперника. Через чувство самого себя тело начинает взывать к своему *вождеющему Эго*, требуя, чтобы оно предприняло действия, направленные на прекращение этих ударов. Ради сохранения жизни и здоровья тела зависимое от него *Эго* уже готово отступить от своих претензий на самку и выйти из борьбы. Но помимо *Эго*, у каждого самца имеется еще и *осознающее Я*. Являясь лишь идеальным отражением своего *вождеющего Эго*, оно непосредственно не связано с телом. А это значит, что все страдания тела достаются не ему, а *Эго*. В силу этого *осознающее Я* может позволить себе продолжать борьбу. Более того, оно не только может, но и хочет этого, ибо только в ходе такой борьбы оно имеет шанс проявить себя в своей свободе от собственного *Эго*.

Тем самым внешнее противоборство самцов переносится внутрь их сознания. В голове каждого самца разворачивается борьба между его *вождеющим Эго* и его же *осознающим Я*. От того, какая из этих сторон окажется сильнее, зависит, станет ли он продолжать схватку или выйдет из нее. Если верх одерживает *вождеющее Эго* самца, то он проигрывает схватку. Если верх одерживает его *осознающее Я*, то он выигрывает ее. Кто не рискует, кто не идет на смерть, презирая своим *идеальным Я* свое же *утробное Эго*, тот не выигрывает сражений и не обретает свободы.

В подростковом возрасте наши дети также устраивают себе различные «испытания», суть которых сводится к тому, что они на деле стремятся проверить способность своего *идеального Я* проявить свободу по отношению к их же *телесному Эго*. Формой таких испытаний могут быть рискованные прыжки через преграду, ныряние в воду с опасной высоты, акт «перетерпения боли», первые алкогольные возлияния, просто драки и прочие «геройства», приводящие порой к плохим последствиям.

Страх смерти. Угроза возможной гибели заставляет более слабого самца прекратить борьбу и смириться с тем, что ему не удалось утвердить свою самостоятельность. Соответственно, победивший самец становится лидером сообщества. Его самосознание – единственное – признается свободным. Все остальные особи остаются на положении непризнанных в своей свободе. Они действуют с оглядкой на лидера (вожака). Впрочем, в большинстве случаев и между их самосознаниями также устанавливается определенная иерархия неравенства, которую биологи называют *порядком заклевывания*.

Благодаря установлению отношений неравенства стала возможной коллективная форма жизни животных. Вожак является единоличным выразителем *общих* интересов. Он контролирует численный состав группы и поддерживает в ней порядок. Внутри группы происходит некоторая специализация функций, выполняемых особями во время охоты, обороны, миграции и т.д. Появление такой специализации укрепляет сообщество изнутри. Однако по содержанию своей жизнедеятельности вся группа животных по-прежнему продолжает оставаться единым вожделем самосознанием.

б) Совместное неравное самосознание¹

В ходе дальнейшего развития своего самосознания нашим далеким предкам удалось решить триединую задачу.

Во-первых, оторвать свое *осознающее Я* от *вождеющего Эго*.

Во-вторых, ввести это *Я* в состояние противоположности к самому себе. Без образования данной противоположности оно так и продолжало бы подобно нитке за иголкой бегать за своим *Эго*. И лишь войдя в отношение противоположности к самому себе, оно создавало условие для своего превращения в подлинно свободное самосознание: Я – Я.

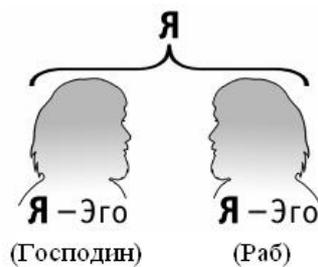
В-третьих, наполнить это *Я* принципиально новым содержанием, отличным от содержания *Эго*.

Требуемая противоположность *осознающего Я* самому себе образовывалась не внутри сознания каждого из наших предков – для этого там не было никаких условий, а через их внешнее объединение в одно

¹ У Гегеля данная ступень имеет название «Признающее самосознание».

общее самосознание. Схематически это выглядело следующим образом. Два индивида создавали путем объединения своих *осознающих Я* одно общее самосознание на двоих. При этом каждому из них доставалась функция только одной его стороны. *Осознающее Я* первого индивида брало на себя функцию постановщика задач, а *осознающее Я* другого индивида – функцию их исполнителя. В результате образовывалось одно *совместное самосознание* на двоих, стороны которого оказывались расположенными в разных индивидах: один – командует, другой – исполняет.

Реальной основой, позволившей сформировать такую форму самосознания, стал коллективный образ жизни наших предков с уже существующими у них отношениями неравенства самосознаний. Роль вождя стала наполняться тем положительным содержанием, что он своим *осознающим Я* осуществлял постановку задач, а рядовые общинники учились воспринимать его задачи и исполнять их. В результате форма совместного неравного самосознания привела к разделению наших предков на две неравные по своему положению группы. Те из них, кому выпадала функция постановщика задач, становились *господами, повелителями*. А те, кому доставалась функция исполнителя этих задач, – *рабами, повинующимися*. Формула совместного неравного самосознания имеет вид:

Благодаря установлению отношений господства и рабства наши предки приобрели следующее. Во-первых, *осознающее Я* каждого индивида отрывалось от *Эго*. Рабы действовали теперь не под диктовку своего *Эго*, а по приказу господина. А это значит, что между их *воздействующим Эго* и их же *осознающим Я* стояло теперь *Я* господина.

Во-вторых, отношения господства и рабства служили нашим предкам наглядным образцом того, как должно было работать свободное самосознание каждого из них. На примере повелений господина они учились ставить перед собой задачи и командовать собой.

На собственном примере и других рабов учились принимать и исполнять эти команды.

Для того чтобы каждый человек смог развить внутреннюю деятельную форму своего свободного самосознания (Я – Я), ему требовалось сначала увидеть обе ее стороны в их внешнем проявлении. Например, чтобы научить детей считать «в уме», их сначала учат выполнять это действие на реальных предметах: на яблоках, палочках, счетах и т.д. Освоив счет на таких наглядных примерах, дети в итоге становятся способными складывать и умножать мысленно. То же самое относится и к процедуре формирования свободного самосознания в целом. Чтобы *Я* каждого человека смогло научиться *командовать* самим собой и *исполнять* свои команды, ему необходимо было сначала увидеть обе эти стороны своего будущего свободного самосознания в их внешнем воплощении. Форма совместного неравного самосознания предоставляла такую возможность всем людям.

В-третьих, отношения господства и рабства показывали, как работает самосознание любого другого человека. Одно дело – иметь свое самосознание, и совсем другое – иметь представление о том, как работает самосознание других людей. Благодаря тому, что каждый человек проходит в своем развитии через отношения господства и рабства, мы знаем, что форма действия нашего самосознания имеет универсальный характер, что у всех людей она такая же, как и у каждого из нас: Я – Я.

Те немногие из числа комментаторов философии Гегеля, которые доходят до его учения о самосознании, объясняют суть установления отношений *господства и рабства* в том духе, что, становясь зависимым от другого человека, индивид сохраняет жизнь, но платит за это тем, что теряет свободу. До того как стать зависимым, он якобы был свободен, а оказавшись на положении раба, стал несвободен.

Данная точка зрения основана на неверном понимании свободы. В дикой природе свободы вообще не существует. Там царствует жестокая необходимость. Только человек свободен, но и он до этого должен был дорасти, для чего человечеству потребовался длительный период развития в условиях существования отношений господства и рабства. Попадая в услужение к другому индивиду и повинаясь его воле, первобытный человек впервые *начал обретать* свободу от сво-

его *животного Эго*, свободу от беспросветной заботы об утробе своей. Да, свобода раба еще сильно ограничена. Она минимальна. С точки зрения современного человека это – еще вовсе никакая не свобода, а неволя чистой воды, и тем не менее это было уже именно началом человеческой свободы, ее первыми ростками.

«Лучше быть *такой-сякой*, чем вообще никакой», – говорили женщины в былые времена, предпочитая состояние рабской зависимости от мужа состоянию одинокого существования. Эта фраза более удачно передает смысл существования отношений господства и рабства в истории человечества. Вне таких отношений предок человека продолжал оставаться животным, и, только вступив в них, он обретал начала своей человечности.

Применение орудий труда позволило нашим предкам решить третью задачу – наполнить свое *осознающее Я* качественно новым содержанием, отличным от содержания *Эго*. Орудия труда, даже самые примитивные, помимо своих прямых функций (добычи, обороны), выполняют также функцию инструментов познания мира. Они играют роль зонда, щупа, лупы, линейки, скальпеля и т.д. Благодаря орудиям расширилось поле контакта человека с природой, поле съема информации о ней. Производимые с их помощью *знания* не отбрасывались в сторону, а становились собственным содержанием *осознающего Я* человека.

Рассуждая сегодня о движущих силах антропогенеза, как правило, задаемся вопросом: почему наши предки взяли в руки палку? Но сам по себе этот вопрос представляет мало интереса. Они могли взять ее в силу случая, помноженного на древесно-наземный образ их жизни. Значительно больший интерес представляет вопрос: почему, взяв в руки палку, они затем так и не выбросили ее? Произошло это потому, что орудия труда позволяли нашим предкам не только проявлять свое *Я* отличным от *Эго* образом, но и наполнять его соответствующим ему содержанием – знаниями. Палка, следовательно, осталась в руках наших предков не только потому, что она давала «хлеб» их телу, но и потому, что приносила знания их *идеальному Я*, благодаря которым оно развивалось внутри самого себя.

Но мало только взять в руки палку, необходимо было еще найти пример того, как ею следовало действовать. Таким поставщиком при-

меров по использованию орудий труда являлась сама окружающая природа. Дятел клювом разрабатывает древесную шахту, бобры зубами срезают деревья и строят плотины, лианы обвивают стволы деревьев и т.д. Живой мир – это всегда открытая энциклопедия способов воздействия на окружающие предметы. Соответственно, практика применения нашими предками орудий труда могла развиваться на основе их *подражания* действиям других живых организмов. В ходе этого реализовывалась та же самая закономерность, которую мы иллюстрировали на примере обучения детей счету. Для того чтобы какой-либо прием орудийной деятельности стал *идеальным* достоянием сознания человека, его требовалось сначала увидеть во внешней, *реальной* форме проявления.

Таким образом, формирование в общинах наших предков отношений господства и рабства и овладение орудийной деятельностью позволило им:

- а) вывести свое *осознающее Я* из-под власти *Эго*;
- б) наполнить его собственным содержанием – знаниями;
- в) на базе этих знаний развивать свое свободное самосознание: Я – Я.

Поскольку отношения господства и рабства устанавливали неравенство между людьми, они утверждались с помощью *насилия*: телесных наказаний и казней.

Степень совместного неравного самосознания¹ создавала условия для формирования свободного сознания всех людей. Но при этом она удерживала их в состоянии зависимости друг от друга. Раб был зависим от господина, а господин был зависим от раба. В силу наличия такого противоречия данная форма самосознания имела временный, преходящий характер. Однако в реальном летоисчислении она просуществовала на протяжении нескольких тысячелетий. Период ее господства называется *историей* человечества.

¹ Форма совместного неравного самосознания, которую мы здесь рассматриваем, и так называемое состояние «несчастливого» или «расколотого» сознания, о котором Гегель пишет в «Феноменологии духа», – это не одно и то же. Форма *совместного неравного самосознания* является ступенью в развитии *сознания* человека, тогда как состояние *несчастливого сознания* – ступенью в развитии его *интеллекта*. Форма совместного неравного самосознания привела к возникновению отношений *господства и рабства*. Состояние несчастного сознания – к появлению *монотеистических религий*.

По мере успешного развития свободного самосознания каждого человека и создания в обществе условий для его реализации, отношения господства и рабства исчерпывали свое назначение. Долгое время они способствовали развитию сознания людей, но затем стали препятствовать ему. Человечество в лице передовых стран пришло к необходимости отрицания ступени *совместного неравного* самосознания. Когда цель достигнута, средство ее достижения – господство и рабство – остается в прошлом.

Переход на ступень всеобщего свободного равного самосознания. В системе неравных отношений раб взамен своего животного эгоизма приучался исполнять чужую волю, тогда как господин оставался еще привязанным к своему *Эго*. С точки зрения требований свободного самосознания положение раба являлось более прогрессивным, чем положение господина. А это значит, что отмена совместного неравного самосознания должна была произойти за счет ликвидации *господства*, тогда как *служение* – в форме служения интересам всего общества – должно было остаться. Соответственно, инициатива ликвидации неравных отношений исходила от тех, чье самосознание не признавалось равным, – от *рабов*.

*И настала пора, и поднялся народ,
Разогнул он могучую спину,
И, стряхнув с плеч долой тяжкий гнет вековой,
На врагов своих поднял дубину.*

При переходе со ступени совместного неравного самосознания на ступень всеобщего свободного равного самосознания необходимо было радикальным образом изменить все сферы жизнедеятельности людей, перевести их с принципов господства и рабства на принципы равенства и свободы. Вот такое всеобъемлющее преобразование общества получило название *социальной революции*. Начался этот процесс в середине XVII в. в Европе, но достиг своего пика лишь во второй половине XX столетия. Только тогда была преодолена критическая точка преобразований на планете – большинство народов заложили основы нового равноправного строя.

Энергия высвобождающегося самосознания. Освободив людей от отношений господства и рабства, революции пробуждали у них *энергию высвобождающегося самосознания*. Осознание завоеванной сво-

боды вызывало у индивида стремление проявить себя в новом качестве. Для этого каждому человеку требовалась реальная практика проявления своего Я в его свободе и равенстве. Только такая практика могла вытеснить старую психологию и заложить новую, сделать равноправные отношения между людьми столь же привычными, сколь привычными были отношения старого строя.

Массовый выход энергии высвобождающегося самосознания привел к таким явлениям в истории человечества, как колониальная деятельность и заселение новых материков (Англия и другие страны), наполеоновские походы во Франции, движение фашизма в Италии и ряде других стран, национал-социализм в Германии, волна экспансии в Японии, внутренние преобразования в СССР, Китае и других странах. Она же стала причиной Второй мировой войны, где столкнулась мощь высвобождающихся самосознаний народов целого ряда стран. Не осталась в стороне от этого процесса и Первая мировая война, с той лишь разницей, что через участие в ней главы государств того времени пытались погасить (сравить) нарастающую энергию масс.

Идеологические учения, сопровождавшие данные исторические явления, только направляли активность людей в определенное русло, а вовсе не вызывали ее. Скорее наоборот, провозглашаемые ими цели и лозунги были обязаны своим успехом требующей выхода энергии высвобождающегося самосознания масс.

Диктатура. При переходе со ступени совместного неравного самосознания на ступень всеобщего свободного равного самосознания необходимо было создать новый общественный строй и перевоспитать психологию всех людей. Одних надо было отучить быть рабами, других – господами, и всех научить быть равными. Для достижения этих целей, с одной стороны, требовался учитель, который приучал бы народные массы к новой модели поведения, с другой – архитектор и организатор нового строя. Тот человек, который принимал на себя исполнение этих функций, становился выразителем всеобщих интересов – вождем. Реализуя эти интересы на практике, организуя строительство нового общества и процесс воспитания нового человека, он превращался в диктатора. Его воля приобретала всеобщий и необходимый характер. Чтобы изжить в себе тысячелетнюю психологию неравенства и сделать привычными равные отношения между людьми,

всем народам в той или иной степени пришлось пройти через строгую дисциплину и подчинение воле одного человека. Соответственно, чтобы отучить людей от порядков, основанных на насилии, диктаторам приходилось применять насилие.

Именно диктатура выполняет всю грязную черновую работу по созданию основ нового строя и воспитанию новой психологии людей, соответствующей принципам всеобщего свободного равного самосознания. Именно она приучает людей к новому образу жизни, к новым отношениям, к новой морали. Когда же она сделает свое дело, ей на смену приходит демократия. Однако вместо того, чтобы сказать своей предшественнице спасибо, новоявленная преемница, наоборот, всячески делает вид, что не имеет к ней никакого отношения, что ни о каком родстве между ними и речи быть не может. Как сумасбродное дитя, она пытается уверить всех, что сама себя родила и вырастила. С этой целью она выставляет диктатуру в образе неведомо откуда взявшейся самозванки, от которой только беды исходят, а себя как спасительницу рода человеческого. Все хорошее, что было сделано за годы диктатуры, она приписывает героическому труду народа, а все плохое – преступному диктаторскому режиму. Диктаторам же приходится разделять участь героя фильма «Огни большого города». Они не знают благодарности от своих прозревших потомков. Впрочем, сами они не нуждаются в этом. Их призвала на эту тяжелейшую роль история, и она же вынесла им свою награду – бессмертную славу.

В период диктатуры общество бежало вовсе не *от* свободы, в чем пытается убедить нас так называемая психоаналитическая философия, с легкостью обвинившая целые народы в наличии у них садомазохистских наклонностей, а именно *к* свободе. Никого не минула эта участь. Еще в Древней Греции, в ходе обретения человечеством первого опыта демократии (демократии для некоторых), после того, как Солон дал афинянам законы, к власти пришел тиран Писистрат. Опираясь на насилие, он приучил граждан Афин к уважению и исполнению законов. И лишь после того, как повиновение им пустило корни, господство тирании стало излишним. Такова же была роль диктаторских режимов в новой и новейшей истории. Исчерпав свое предназначение, они сами сходят с исторической сцены.

Эстафета революций. Преобразование жизнедеятельности общества с принципов совместного неравного самосознания на принципы всеобщего свободного равного самосознания – это то общее, что совершалось в ходе всех революций. Но в этом мировом революционном процессе была и своя *эстафета преемственности*. Каждая новая революция отталкивалась от достижений предыдущих и своими собственными свершениями вносила очередной вклад в его развитие. Российской революции выпало на долю довести этот процесс до его полного завершения.

Все предыдущие революции – нидерландская, английская, французская, других европейских стран – приводили лишь к частичному преобразованию существующего строя. В ходе них феодальные порядки изменялись постепенно, сохранялись в значительной степени отношения неравенства. Психология свободного самосознания и равноправные отношения между людьми утверждались при большом сопротивлении господствующих классов. Как, например, отозвался Талейран о вернувшихся после 25 лет вынужденной эмиграции французских аристократах: «Они ничего не забыли и ничему не научились». Нередко происходили откаты. И хотя в целом процесс преобразования неумолимо шел вперед, тем не менее в этих странах еще продолжали преобладать отношения совместного неравного самосознания.

В ходе революционных преобразований в России были отменены и уничтожены не только феодальные порядки, но и все прочие основания для сохранения неравенства между людьми. Одним актом было провозглашено абсолютное равноправие всех и по возрасту, и по полу, и по вере, и по национальности, и по экономическому положению, и т.д. Для этого народу России пришлось пойти в том числе и на полную отмену *частной собственности*, благодаря чему была ликвидирована вся система внеэкономического принуждения, весь основанный на неравенстве строй. Само государство было поставлено на воспитание свободных в своем самосознании и равноправных граждан. Тем самым именно России суждено было завершить процесс отрицания ступени совместного неравного самосознания, довести его до той точки, до которой он должен был дойти согласно своему понятию. Достигнутые ею результаты оказали решающее воздействие на про-

цесс преобразования остального мира, включая и те страны, в которых он начался намного раньше.

Каждому дается крест по силам его. И тот факт, что осуществить эту сложнейшую работу по преобразованию человеческого духа выпало на долю народов Советского Союза, следует понимать так: свои труднейшие дела на этой земле Создатель доверяет только сильным!

Не нам посыпать голову пеплом и не нам стесняться своей истории. Не нам надо каяться и извиняться, а нас должны благодарить. Ценой невероятных усилий и больших жертв России удалось сделать то, перед чем остановились другие народы. Она смогла преодолеть последний тяжелейший отрезок на пути восхождения человечества к вершине обновления своего духа. Без прохождения через такое чистилище род человеческий так и продолжал бы одной ногой оставаться на ступени совместного неравного самосознания, соседствуя там со стадами приматов. И только пройдя через него, он окончательно утверждал себя на ступени всеобщего свободного равного самосознания. В этом заключается всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Советский период – это *героическая* эпоха в истории России, благодаря которой она вошла в когорту стран-творцов современного мира.

Коммунистическая идеология. Ключевую роль в ходе социалистических преобразований играла марксистско-ленинская коммунистическая идеология. Конечно, далеко не все ее положения были реализованы на практике. Многие из них были отвергнуты жизнью либо как преждевременные, либо как завышенные, по существу. Но это не отменяет ее главной заслуги. Именно коммунистическая идеология при всех ее недостатках помогла в сжатые сроки всего за 70 лет глубочайшим образом изменить нашу большую и очень сложную страну, а вместе с ней и весь мир.

Состоявшийся в 1990-е гг. возврат к частной собственности не следует рассматривать как некий откат к тому, от чего ушли в октябре 1917 г. На протяжении 70 лет народы Советского Союза уходили не от частной собственности как таковой, а от тысячелетних отношений господства и рабства. Отказ от частной собственности в пользу всеобщей национализации имущества страны представлял собой временную меру, потребовавшуюся для освобождения сознания

людей от психологии неравенства. Поэтому возврат к праву частной собственности следует рассматривать не как отмену осуществленных в стране преобразований, а как *констатацию* их успешного завершения.

То же самое следует сказать и в отношении религии, роль которой в деле воспитания человеческих душ незаменима и неустранима в принципе. Но, поскольку в России до того не было духовной реформации, революции пришлось взять на себя исполнение и этой функции. Очищение духа людей от всевластия религиозных представлений являлось необходимым условием для успешного развития их свободного самосознания. Подлинно свободным может быть только образованный человек.

Такие формулировки, как «падение социализма», «крах Советской системы», «развал СССР», хороши для обывательских разговоров, но не для научной оценки событий 90-х гг. Никакого краха не было. Инициированная М.С. Горбачевым перестройка, приведшая к созданию правового государства, многопартийной системы, либерализации экономики и т.д., стала закономерным следствием ранее осуществленных в стране преобразований.

Точно так же состоявшийся распад Советского Союза на 15 суверенных и вполне жизнеспособных государств явился естественным результатом трехвековой истории существования российско-советской империи. За этот период входившие в нее народы достигли цивилизованного уровня развития: сформировали свои государственные институты, создали экономику, национальную культуру и т.д. Поэтому их выход из состава СССР следует рассматривать как конструктивный шаг на пути их восстановления в качестве самостоятельных узлов на линии мер человечества¹.

При смене исторических эпох всегда находятся люди, которые с охотой начинают обличать то, что раньше возносили. Однако нагнетаемая сегодня атмосфера очернительства советской истории имеет под собой еще и иные причины. Первая – это внешнеполитические интересы других государств, которые стремятся обелить себя и представить события минувшего века в выгодном для них сегодня свете. Вторая – это интересы тех граждан современной России, которые

¹ Об узловой линии мер человечества читайте: Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении. Самара, 1999. С. 69–71.

стали владельцами созданной за годы советской власти собственности. Им надобно, чтобы у простых людей сложилось впечатление, что только теперь, наконец-то, все встало на свои места. А то, что было прежде, являлось сплошным недоразумением.

в) Всеобщее свободное равное самосознание

Данная ступень означает утвердительное знание каждым человеком того, что все другие люди являются такими же, как и он сам, что у всех у них существует равное ему свободное самосознание. Достигнув этой ступени, род человеческий приходит к осознанию своего субстанциального единства, полагаемого уже не только общностью генов, но и общностью своего свободного равного самосознания.

Я, Ты, Он, Она.

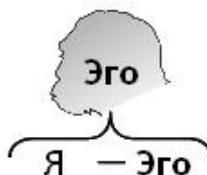
Вместе – целая страна!

Вместе – дружная семья!

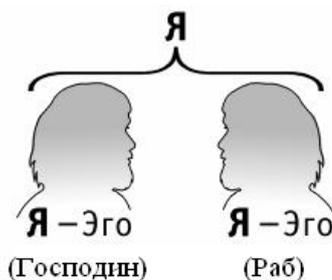
В слове «Мы» – сто тысяч «Я».

Общество, основанное на принципах всеобщего свободного равного самосознания, – это мы с вами, уважаемый читатель, и современные демократические правовые государства. Многие страны уже завершили построение такого государства, многие еще находятся на пути к нему. В правовом государстве также сохраняются отношения командования и подчинения, но теперь они основаны на свободном волеизъявлении граждан, которые по собственной инициативе определяют свое место в обществе. Иначе говоря, на ступени всеобщего свободного равного самосознания отношения «господин – раб» преобразуются в отношения «руководитель – исполнитель», конкретное содержание которых оговаривается договором трудового найма.

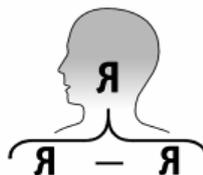
Такова история развития самосознания людей. На первой ступени предок человека осознавал себя лишь в объеме своего животного *Эго*, состоящего из узкого круга его физиологических потребностей: есть, пить, спариваться.

На второй ступени наши предки стали проявлять свое *Я* в его свободе от *Эго*. Для этого им пришлось образовать форму *совместного неравного* самосознания, стороны которого оказались размещенными в разных индивидах: один повелевал, другой исполнял его повеления.

На достигнутой теперь ступени *всеобщего свободного равного* самосознания *Я* каждого человека обретает способность проявлять себя в своей подлинной свободе, благодаря чему формула самосознания принимает законченный вид.

Ту же самую последовательность ступеней самосознания мы находим и в процессе индивидуального развития каждого человека.

От рождения до 3–4 лет ребенок еще находится на ступени *вождедующего* самосознания. Далее между ним и родителями (воспитателями, учителями) устанавливаются отношения *совместного неравного* самосознания, где взрослые выступают в качестве «господ», а дети – «рабов». На примере повелений родителей дети учатся ставить перед собой задачи. А на собственном примере и других детей учатся исполнять их. Только пройдя через послушание, только научившись принимать и исполнять команды взрослых, ребенок в дальнейшем способен стать командиром самому себе и другим. К 18–20 годам молодой человек восходит на ступень *всеобщего свободного равного* самосознания и становится полноправным членом своего общества.

Переход от единичного вождедующего самосознания к совместному неравному самосознанию – первое отрицание животности человека, и, соответственно, это лишь начало становления его *человечно-*

сти. Переход от совместного неравного самосознания на ступень всеобщего свободного равного самосознания – это второе отрицание животности человека и, следовательно, утверждение его *человечности*. Слова Гегеля о «конце истории» следует понимать только в смысле завершения эпохи развития людей на ступени совместного неравного самосознания. Иначе говоря, эти слова означают, что заканчивается период *детства-отрочества-юности* человечества и оно входит в возраст *зрелости*.

Современная национальная идея. В зрелом возрасте человек живет интересами того дела, которому служит. Но для того, чтобы это дело у него было, ему требуется сначала определить его и закрепить за собой. Аналогичная задача стоит сегодня и перед всеми странами мира. Состоявшийся в минувшем столетии массовый переход народов на ступень всеобщего свободного равного самосознания создает необходимую субстанциальную основу для интеграции человечества в единый всепланетный организм. Собственно, это сейчас и происходит. Соответственно, задача каждой страны определиться с тем, какую функцию она будет выполнять в этом организме, в каких отраслях мировой экономики, культуры, науки она будет занимать ведущие позиции.

Эта же задача стоит сегодня и перед нашим Отечеством. Что нам достанется в мировом хозяйстве? Какие сферы производства мы будем развивать и контролировать? На что будем жить и реализовывать свой творческий потенциал? Необходимость скорейшего определения этих сфер и закрепления их за собою – это и есть современная национальная идея России. Ее не надо придумывать, она лежит на поверхности. Но, чтобы эта идея заработала, необходима мощная общенациональная государственная *идеология*, которая позволит соединить созидательную энергию граждан с координирующей и направляющей силой государства. Наивно полагать, что какие-то сторонние фирмы, инвесторы и ученые создадут для России что-то подлинно новое и прорывное да еще помогут утвердить это на мировом уровне.

3. Разум

Разум – это единство сознания как такового и самосознания. Сознание как таковое возникает у человека через отношение его противоположности к окружающему миру: Я – не-Я. Самосознание образуется благодаря отношению противоположности нашего Я к самому себе: Я – Я. Представляя собой единство сознания как такового и самосознания, разум формируется через вхождение нашего Я в отношение противоположности к своему собственному содержанию – наполняющим его знаниям. Задача разума – приводить имеющиеся в наших головах знания в осмысленный порядок, соответствующий реальному положению дел в мире.

Заключение

Таковы основные положения учения Гегеля о сознании и таков общий смысл его концепции исторического процесса. Более подробно он раскрыл ее содержание в своих лекциях по «Философии всемирной истории». Суть этих лекций можно выразить следующими словами. Всемирная история – это переход людей из состояния животной необходимости, в котором они пребывали, имея форму единичного вожделеющего самосознания, в состояние свободы, которого они достигают, обретая форму всеобщего свободного равного самосознания. Данный переход представлял собой последовательный ряд ступеней. Каждая такая ступень преодолевалась за счет усилий какого-то одного народа, особенный характер которого наиболее полно соответствовал решаемым на ней задачам. Его достижения в снятом виде воспринимались другими народами, которые в тот период оставались более или менее пассивными. Сыграв свою роль, этот народ уступал лидирующие позиции следующему историческому народу.

Поскольку сущность человека заключена в его сознании, то гегелевская концепция истории – *единственная* – имеет не внешний, а внутренний сущностный характер. Только она дает объяснение, почему в далёком прошлом людям пришлось разделиться на две неравные по своему положению группы (господ и рабов) и на протяжении нескольких тысячелетий развиваться в условиях существования таких отношений. Особенно ценным для нас является то, что гегелевская

концепция позволяет понять смысл советского периода истории России и его значение для революционного преобразования всего человечества. При этом она выступает в роли *непредвзятого судьи*, поскольку была разработана задолго до всех тех событий, которым суждено было произойти в XX столетии¹.

Борьба идеологий была, есть и будет. Она часть общей геополитической борьбы государств «за место под Солнцем». Государство для того и существует, чтобы выражать всеобщие интересы своего народа в форме особенных интересов страны. Одной из основных площадок этой борьбы является *историософия*, назначение которой – объяснять людям общий смысл человеческой истории и ту роль, которую играли в ней отдельные государства. Если мы и дальше будем бездействовать на этом направлении, то это приведёт нас – русский мир – к новым бедам и потерям. Свято место пусто не бывает. Не будем делать мы, значит, это сделают за нас.

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Соч. : в 14 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. IV.

2. Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук : в 3 т. М.: Мысль, 1977. Т. 3.

3. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. : в 14 т. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. Т. VIII.

4. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 1938 г. Репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. М.: Писатель, 1997.

¹ Вот то небольшое, но весьма показательное, что Гегель написал о нашей стране. Россия «уже занимает значительное место во всемирной истории, и без сомнения, имеет перед собой ещё более великое предназначение. Остальные современные государства более или менее достигли цели своего развития; у многих, быть может, кульминационная точка уже оставлена позади и положение их стало статическим. Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди всех прочих, в лоне своём скрывает небывалые возможности развития своей интенсивной природы». Из письма Гегеля Фон Икскулью от 28.11.1821 г. // Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. С. 407.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Л. П. Беленький

Исследование авторской песни применительно к понятию «культурный хронотоп»

УДК 008+784.7

Является ли феномен «авторская песня» в чём-то уникальным, что позволяет выделить его в особый класс культурных объектов? Такой вопрос возникает поначалу у многих исследователей. Положительный на него ответ не столь очевиден, так как зависит от ракурса рассмотрения.

Исследование авторской песни применительно к понятию «культурный хронотоп», введённому в научный оборот М.М. Бахтиным, предоставляет возможность осветить данную проблему путём учёта общественно-политических реалий, присущих культуре советского периода во временном интервале с конца 40-х по 90-е гг. прошлого столетия.

Ключевые слова: *песенная культура, авторская (бардовская) песня, профессиональное искусство, культурный хронотоп, среда бытования, стартовая модель.*

Belenky L.P. Study of an author's (bard) song in relation to the concept of "cultural chronotope"

What is the uniqueness of the phenomenon of "author's song", which allows to allocate it in a special class of cultural objects? This question arises initially from many researchers. Positive the answer is not so clear, as it depends on the specifics of consideration.

The knowledge of the author's song in relation to the concept of "cultural chronotope", introduced into scientific circulation M. M. Bakhtin, provides the opportunity to highlight this issue into account the socio-political realities inhe-

rent in the culture of the Soviet period in the time interval from the late 40's through the 90-ies of the last century.

Key words: *song culture, author's (bard) song, professional art, cultural chronotope, Wednesday existence, initial model.*

Преамбула

Авторская песня рассматривается как феномен песенной культуры, ведущей начало с древних времён существования человечества, а не по принадлежности к сфере музыкального искусства, исторически более поздней, к которой относилась советская песня, та, что создавалась усилиями профессиональных композиторов и поэтов-песенников. Введение в аппарат исследования понятия «песенная культура» как категориального, почти не встречающегося в отечественных научных публикациях именно в таком аспекте, позволяет позиционировать русскую «авторскую песню», создаваемую на русском языке и людьми, думающими на нём, как параллельную песенную культуру советского периода второй половины XX века. Она отличается по методу творчества и неофициальна по сути, а потому подвергается разбору в противовес официальной «советской песне». Не случайно в научной среде и в общественном мнении после долгих споров и дискуссий за создателями этих песен закрепилось средневековое название барды, а не композиторы и поэты-песенники, в результате чего слово «барды» и словосочетание «авторская песня» стали восприниматься смысловым единством: авторские песни сочиняют барды, а барды выступают перед публикой с авторскими песнями.

Является ли этот феномен в чём-то уникальным, что позволяет выделить его в особый класс культурных объектов? Вот один из главных вопросов, возникающих поначалу у любого исследователя. Положительный ответ на него не столь очевиден, так как зависит от ракурса рассмотрения.

Действительно, если брать во внимание только непрофессиональную (самодеятельную, любительскую) природу авторских (самодеятельных) песен и пытаться оценивать их качество по критериям «профессионального» песенного искусства, ответ окажется однозначным: песня возможна двух типов: хорошая или плохая. А кто сочинил – профессионал или самодеятельный автор (дилетант или любитель),

не принципиально. Требования ко всем одинаковы. Такого мнения придерживались многие участники дискуссий 60-х гг. прошлого века. Несколько конкретных примеров. М. Табачников: «В интересной в целом статье Л. Переверзева “О современных “бардах” и “менестрелях” [24, с. 3] есть суждения, с которыми я не согласен по существу. Прежде всего, я не вижу принципиального водораздела между композиторами профессионалами и самодеятельными» [25, с. 3]; Л. Ошанин: «Думаю, что надо подходить к авторам студенческих, туристских и иных песен как к поэтическому и музыкальному резерву» [26, с. 3]; Б. Мокроусов: «<...> неважно – идёт песня из-под пера композитора-профессионала или самодеятельного менестреля. Важен результат. Победителя, как говорят, не судят» [27, с. 3]. Вдобавок приведу точку зрения музыковеда А. Сохора: «Что же касается “менестрельного” творчества, то оно ведь бытовало всегда, во все времена. В этом ничего нового нет» [44, с. 21].

О «культурном хронотопе»

Высказывания профессионалов советского искусства выглядят убедительными, если не рассматривать специфику временного периода зарождения и становления рассматриваемого феномена во взаимосвязи с местом-пространством, в котором состоялись культурные события. Но, исходя из несколько иной философской платформы, исследователь приобретает возможность постигать нетривиальные особенности изучаемого объекта, опираясь на понятие *культурный хронотоп* (от др.-греч. χρόνος, «время» и τόπος, «место»), воспринимаемое в органичном «содружестве» свойственных ему разных смыслов, поскольку, согласно М. Бахтину, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов», соединяя сознание и «все мыслимые пространственные и временные отношения» в единый центр [4, с. 407]. «Переосмысливая категории пространства и времени в гуманитарном контексте, – даёт оценку значимости этого понятия Л. Микешина, – М. Бахтин, взяв термин “хронотоп” из естественно-научных текстов А.А. Ухтомского¹, ввёл понятие хронотопа как кон-

¹ Ухтомский Алексей Алексеевич (13 (25) июня 1875 – 31 августа 1942) – российский и советский физиолог, создатель учения о доминанте; академик АН СССР (1935).

кретного единства пространственно-временных характеристик для конкретной ситуации», не ограничившись при этом «натуралистическим представлением о хронотопе как физическом единстве, целостности времени и пространства», а напротив, наполнив «его гуманистическими, культурно-историческими и ценностными смыслами» [22, с. 512–513]. Под «культурным хронотопом» мы будем понимать «единство пространственных и временных параметров, обнаруживающее, выражающее и во многом определяющее своеобразие культурных систем» [46, с. 576]. В нашем случае речь идёт о слегка расширенном временном диапазоне второй половины XX века, охватывающем годы с 1948-го (и чуть более ранние) до 1987-го (начало «горбачёвской» перестройки), и об обширном пространстве Советского Союза с теми его территориями, где думали и общались на русском языке.

Старт хронологии

Отсчёт времени начнём с первых послевоенных лет с охватом начала 1950-х.

Атмосферу послевоенной обстановки, сопутствовавшей взрыву массового песенного творчества, поясним двумя фрагментами. Первый относится к участникам Великой Отечественной войны, попавшим на фронт со школьной скамьи или с первых курсов института, – к поколению тех будущих «бардов», которым в 1941-м было в пределах от 17 до 22 лет и у которых молодые годы стали фронтовыми. Это Е. Агранович (г.р. 1919), М. Анчаров (г.р. 1923) и Б. Окуджава (г.р. 1924). Чуть постарше – А. Галич (г.р. 1918), работавший в годы войны в Передвижном театре, который ездил по фронтам. «*Когда б вам знать, // Как мне нужны они // Четыре года / Четыре года*», – споёт Б. Окуджава об этом времени в песне «Четыре года» [11. С. 94] (1958), написанной спустя 13 лет после долгожданной Победы. Поколение тех, кому повезло вернуться живыми, жадно стремилось к знаниям, чтобы восполнить годы, отнятые у них войной из мирной жизни, и, имея льготы фронтовиков, выбирало себе институты по призванию. Е. Агранович восстановился в Литературный¹, М. Анчаров, до

¹ Литературный институт имени А.М. Горького.

войны поступивший в Архитектурный¹, после демобилизации в 1947-м сначала проходит по конкурсу на живописное отделение ВГИКа² (1948), но после месяца учёбы перебирается в Московский институт им. В.И. Сурикова³ на факультет живописи, а Б. Окуджава, обладая поэтическими склонностями, но будучи «сыном врага народа»⁴, тем не менее как фронтовик поступает на филологический факультет Тбилисского государственного университета (1945). Послевоенный темперамент, жажда действий по свежим впечатлениям художественно отображены М. Анчаровым в «Балладе о мечтах» [18, с. 17] (1946): *«Потом он вычистит поля / От мусора войны, – / Поля, обозами пыля, / О ней забыть должны. / Заставит солнце круглый год / Сиять на небесах, / И лёд растает от забот / На старых полюсах».*

Получилось так, что старшее поколение бардов могло всего на два-три года разминуться, а то и пересечься, как М. Анчаров, с поколением «детей войны», воспетым позже Ю. Визбором в песне «Среденский двор» [18, с. 74] (1970): *«Много знали мы, дети войны, / Дружно били врагов-спекулянтов / И неслись по дворам проходным / По короткому крику «атанда!» / Кто мы были? Шпана не шпана, / Безотцовщина с улиц горбатых, / Где, как рыбы, всплывали со дна / Серебристые аэростаты».* В это поколение, чьё песенное творчество начиналось в 1950-е гг., попадают Г. Шангин-Березовский (г.р. 1930), В. Вихорев (г.р. 1931), А. Дулов (г.р. 1931), В. Берковский (г.р. 1932), Б. Полоскин (г.р. 1932), С. Богдасарова (г.р. 1933), Б. Вахнюк (г.р. 1933), А. Городницкий (г.р. 1933), Ю. Визбор (г.р. 1934), Н. Матвеева (г.р. 1934), А. Якушева (г.р. 1934) и Д. Сухарев (г.р. 1930), на стихи которого написано множество авторских песен, как ранних, так и более поздних.

Соединив фрагменты, получим общую картину конца 1940-х – начала 1950-х. Вот её краткое описание: «Окончилась война. Страна восстанавливала разрушенные города, сёла, заводы, шахты, плотины. Аудитории университетов, институтов и техникумов, комнаты студенческих общежитий заполнили недавно демобилизованные воины,

¹ Московский архитектурный институт.

² Всесоюзный государственный институт кинематографии.

³ Московский государственный художественный институт имени В.И. Сурикова.

⁴ В 1937 г. отец Шалва Степанович Окуджава был расстрелян, а мать сослана в лагерь.

вчера ещё солдаты, и почти их сверстники – вчерашние школьники. Поколение людей, лишённое из-за войны многих привычных радостей детства и потому рано повзрослевшее, – стремилось к знаниям, к творчеству, к интересной, насыщенной жизни во всем её вновь представившемся разнообразии. В каждом институте, как позже вспоминал Ю. Визбор, обязательно что-то придумывалось. “Чтобы не только аудиторный потолок, а и звёздный полог почаще бы висел над студенческими головами...” Новоявленным студентам хотелось всего настоящего: работы, любви, удач, песен...» [45, с. 68]. Именно такой творческо-эмоциональный пейзаж активного мирного времени благоприятствовал зарождению явления самодеятельной песни в СССР, позже названного неформальным движением [12, с. 4], [26, с. 3], [28, с. 3]. Студенческой песни, или туристской, или какой-то иной, как её ни называй, главное, по меткому выражению музыковеда В. Фрумкина, «рождённой свободной» [47, с. 71]. Существовали и иные факторы, влияющие на этот вид творчества, как стимулирующие, так и препятствующие. Хотя, как знать, порой препятствующий в силу ряда обстоятельств трансформировался в стимулирующий согласно пословице «Запретный плод сладок». Чтобы разобраться в ситуации, детализируем культурный хронотоп «авторская песня как феномен русской культуры второй половины XX века» в его временных границах.

Четыре периода

Рассматриваемый временной интервал в общественно-политической жизни СССР можно условно представить четырьмя периодами, каждый из которых отмечен рядом важных событий, существенно влиявших на духовную жизнь граждан страны. Ограниченный объём статьи не позволяет дать более подробное описание этих периодов, чем приведённое ниже, с упором на области идеологии и культуры.

До оттепели. 1946-1953. Правая граница (март 1953 г.) – смерть И.В. Сталина. Отмечен: резким ужесточением политики в области идеологии и культуры; репрессиями многих известных учёных и дея-

телей искусства, особенно еврейской национальности¹; осуждением композиторов В. Мурадели, Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Н. Мясковского и других за формализм в музыке [37] (1948).

Оттепель. 1953-1964. Период в жизни страны, названный с лёгкой руки писателя И. Эренбурга, «началом которого являлась смерть тирана, массовое освобождение безвинных людей из заточения, осторожная, но казавшаяся шоковой критика культа личности» [48, с. 3]. Некоторые события (либеральные, обещающие послабления, и репрессивные, рисующие в политике границы открытости): Двадцатый съезд КПСС, известный осуждением культа личности Сталина (14-25 февраля 1956 г); преследование Бориса Пастернака²; заметное ослабление цензуры в литературе³, кино⁴ и других видах искусства; распространение телевидения на большую часть территорию страны (1955-1964); выход в свет ежемесячного литературно-художественного журнала для молодёжи «Юность» (1955) и ежегодного альманаха «День поэзии» (1956); проведение в Москве VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов (1957); появление радиостанции «Юность», в создании которой принял участие Ю. Визбор (1962).

Откат оттепели. 1964-1968. Связан с освобождением Н.С. Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР и члена Президиума ЦК КПСС (13 октября 1964 г.) и приходом к партийной власти Л.И. Брежнева (14 октября 1964 г.). Основные тенденции и события: восстановление то-

¹ По данным И. Г. Эренбурга, до 1953 года был арестован 431 еврей – представитель литературы и искусства: 217 писателей, 108 актеров, 87 художников, 19 музыкантов.

² Исключение из Союза писателей СССР за публикацию романа «Доктор Живаго» в Италии (1957) и преследование за получение Нобелевской премии (1958).

³ Публикация романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), прозы В. Астафьева и В. Тендрякова, стихов Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в «Новом мире» (1962, №11).

⁴ Григорий Чухрай первым в киноискусстве затронул тему десталинизации и оттепели в фильме «Чистое небо» (1963). Важными культурными событиями стали фильмы: «Карнавальная ночь» Э. Рязанова (1956), «Весна на Заречной улице» Ф. Миронера и М. Хуциева (1956), «Человек-амфибия» В. Чеботарёва и Г. Казанского (1961), «Я шагаю по Москве» Г. Данелии (1963), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» Э. Климова (1964), «Застава Ильича» М. Хуциева (1965) и другие.

талитаризма и негласной рестаилизации; замораживание процесса демократизации советского общества; суд над поэтом И. Бродским, опиравшийся на закон о тунеядстве (1964); судебный приговор в 1966 г. по делу писателей А. Терца (А. Синявского) и Н. Аржака (Ю. Даниэля); начало формирования правозащитного движения (1965); решение о вводе войск стран Варшавского договора в Чехословакию (20–21 августа 1968 г.) и демонстрация группы из семи советских диссидентов на Красной площади с протестом против этого (25 августа 1968 г.).

Застой (период «развитого социализма»). 1969-1985. Общая характеристика: страна добилась огромных успехов в науке, покорении космоса, спорте, культуре и во многих других сферах жизни; выросло материальное благополучие граждан, произошло улучшение жизненного уровня людей, укрепилась их уверенность в завтрашнем дне; отсутствовали серьезные политические и экономические потрясения. В то же время: консервация сложившегося политического режима; усиление партийного контроля и роли КГБ во внутренней и внешней политике; возрастание роли военной сферы; рост урбанизации и упадок сельского хозяйства¹; отставание страны в высокотехнологических областях, низкое качество продукции, неэффективное производство и низкий уровень производительности труда; рост коррупции; законодательное оформление преследования инакомыслия. «Возникло кастовое, глубоко циничное и, как я считаю, опасное (для себя и всего человечества) больное общество, – так характеризует этот период А.Д. Сахаров, – в котором правят два принципа: “блат” (сленговое словечко, означающее “ты – мне, я – тебе”) и житейская квазимудрость, выражающаяся словами – “стену лбом не прошибешь”. Но под этой застывшей поверхностью скрывается массовая жестокость, беззаконие, бесправие рядового гражданина перед властями и полная бесконтрольность властей – как по отношению к собственному народу, так и по отношению ко всему миру, что взаимосвязано» [39]. Об этом периоде в пародии барда И. Михалёва есть такие строчки: «На старой кобыле по кличке Застой / Мы ехали долго дорогой не той, /

¹ Именно в этот период вошла в традицию помощь города колхозникам по уборке урожая, отображённая В. Высоцким в песне «Товарищи учёные» [58, с. 258–259] (1972).

Не в правом, не в левом, не в среднем ряду, / К тому же зачем-то с ослом в поводу. / Эй-ей-ей-е-е-ей» [23, с. 189] (1988).

Вслед за «Застоем» последовала «Перестройка» (1987–1991), опять же обусловленная приходом нового партийного лидера, на этот раз М.С. Горбачева, – она в надежде построить социализм «с человеческим лицом», желая как лучше, привела страну к отказу от социалистического пути в сторону капиталистического развития и к распаду СССР.

Результат обобщения

Сопоставляя первые из четырёх обозреваемых периодов, можно с большой долей уверенности предположить, что во всех из них присутствовали единые социально-политические реалии в сфере государственной идеологии и централизованного управления, что, конечно, не могло обойти стороной и художественную культуру. Вот главные:

- однопартийная система в лице Коммунистической партии Советского Союза;
- тоталитарный характер центральной и местной власти;
- стремление органов власти напрямую или косвенно управлять основными процессами в культуре и искусстве и, как следствие, контролировать духовную жизнь граждан страны;
- государственная регистрация всех средств массовой информации в разрешительном порядке и наличие в них государственной цензуры.

Перечисленные реалии, полагаем, станут понятнее, если их снабдить дополнительными комментариями. Действительно, в стране издавать книги, журналы, газеты и другие печатные издания и реализовывать их населению могли только государственные издательства союзного или территориального уровня либо издательства государственных учреждений и официально признаваемых общественных организаций. Существовало понятие «издательское право», оно присваивалось уполномоченным государственным органом, имевшим в разные годы статус комитета или министерства, который также осуществлял функции планирования издательской деятельности.

«Хотя формально в СССР такого явления, как “цензура”, не существовало и в публикациях, посвящённых советской действительности, данный термин нельзя было использовать, – вспоминает В. Симаньков, работавший в «цензуре» с 1947 года на протяжении 44 лет, – однако имелась организация <...>, занимавшаяся именно цензурой». «Последний из “титолов” организации: “Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР” (Главлит СССР). Существовало два этапа проверки: предварительный контроль на всех стадиях подготовки к печати и контроль последующий, когда цензоры вычитывали уже отпечатанные книги и брошюры. Работникам Главлита полагалось проверять перед каждым очередным изданием даже сочинения классиков: Пушкина, Лермонтова, Толстого. Под грифом “Совершенно секретно” в Главлите имелся список лиц, все произведения которых подлежали изъятию. В нём насчитывалось около 2000 фамилий, среди них много опальных партийных и советских деятелей. Конечно, существовала политическая цензура. Постановление ЦК КПСС о Главлите гласило: “Не оставлять без внимания политически ошибочные формулировки и положения, встречающиеся в печати”. А в официальном “Положении о Главлите” имелась расплывчатая формулировка: “Не разрешать к публикации материалы, дезориентирующие общественное мнение”» [20]¹. По этому поводу автором данной статьи вспоминается случай из личной журналистской практики. Готовился к печати очередной выпуск в рубрике «Возьмёмся за руки, друзья» для репертуарного сборника «Молодёжная эстрада» под названием «О студенческих песнях». Среди песен, предлагаемых к публикации, оказалась лирическая «Облако» [3, с. 543-544], сочинённая И. Левинзон, где присутствовали такие, казалось бы, безобидные строчки: *«Оно подушкой ляжет мне под голову, / Оно котёнком греется у ног, / И я все окна закрываю в комнате / И ветер не пускаю за порог»*. Однако редактор решительно отказался публиковать песню со словами: «Ни в коем случае!» На просьбу мотивировать отказ, он ответил: «А вы что, правда, не понимаете?» Ведущий рубрики правда не понимал. Тогда редактор произнёс: «Нас неправильно поймут, подумают, что песня о чернобыльской катастрофе».

¹ В изложении.

Более подробно преемственность и традиции цензурного режима в России и СССР на протяжении двух столетий раскрыты в монографии Г. Жиркова [15].

Управление культурой напрямую осуществлялось через профильные министерства или комитеты: союзные и республиканские, а опосредствованное руководство искусством – через систему творческих союзов. Советская песня проходила по «ведомствам» – Союз писателей СССР и Союз композиторов СССР¹, которые, как и все другие общественные организации (среди них профсоюзные и комсомольские), фактически действовали под девизом советской песни: «Партия – наш рулевой» [16, 355–359]. В учреждениях культуры, работающих с публикой, – кинотеатрах, театрах, концертных залах – существовали худсоветы, ответственные за художественный и идеологический уровень фильмов, спектаклей, концертных программ и, соответственно, за допуск произведений искусства к массовому зрителю или слушателю². Без утверждения худсоветом выступление или показ не разрешались. В особо ответственных случаях, например при принятии спектаклей и фильмов, созданных режиссёрами с «сомнительной» репутацией, окончательное решение могло зависеть от личного мнения государственного или партийного чиновника самого высокого ранга³,

¹ Союз писателей СССР – организация профессиональных писателей СССР. Создан в 1934 г. на Первом съезде писателей СССР, созванном в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. Уставом давалось определение социалистического реализма как основного метода советской литературы и литературной критики, следование которому было обязательным условием членства в СП.

Союз композиторов СССР (СК СССР, в 1932-1957 – Союз советских композиторов) – общественная творческая организация, объединяющая композиторов и музыковедов СССР. Создан в 1932 г. Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. "О перестройке литературно-художественных организаций". Основные задачи СК СССР – объединение его членов в целях создания высокоидейных и художественно значительных произведений, утверждающих принципы социалистического реализма, развивающих традиции национальных культур народов СССР; воспитание композиторов и музыковедов в духе коммунистической идеологии, содействие их творческому росту и развитию профессионального мастерства.

² В состав художественных советов (худсоветов) входили деятели культуры, а также представители партийных и государственных органов.

³ Так поступали со многими спектаклями Ю. Любимова в Театре драмы и комедии на Таганке. В одном из интервью (2002 г.) он говорил: «Я не понимаю, почему меня называли диссидентом. Я никогда не ставил политических спектаклей, не считал, что у меня политический театр. Я не ставил конкретно спектаклей против Советской власти. У меня всегда было своё художественное кредо. Просто безумная однотонность и одно-

причём такие фильмы или спектакли допускались к зрителям ограниченным показом¹. На тех же принципах действовали государственные концертные объединения и филармонии, организовывавшие по всей стране выступления солистов и исполнительских коллективов в строго регламентированных видах и жанрах искусства.

Монополию на грамзаписи осуществляла государственная фирма «Мелодия», которая с основания (1964) и до второй половины 1980-х гг. являлась единственной в стране по массовому производству и распространению сначала грампластинок, а затем компакт-кассет. В фирме и её отделениях также существовали худсоветы.

Таким образом, в советской культуре художественное творчество, свободное от идеологического контроля государства, прямого или косвенного, никак не предполагалось.

Подобный тип культуры Л. Ионин называет моностилистической. Её характерным признаком являются изменения в ходе эволюции культуры и смены доминирующих мировоззрений «характеристик групп, стоящих на вершине культурной иерархии и вырабатывающих схемы и правила культурных интерпретаций, обязательные для низлежащих уровней», но оставляющие саму иерархическую систему неизменной. Так, в Советском Союзе «партийные идеологи и бюрократы из министерства культуры (которых также можно назвать партийными идеологами) при помощи государственных и общественных организаций регулировали и регламентировали культурную жизнь общества вплоть до мельчайших повседневных деталей» [17, с. 182].

О своеобразии авторских песен

Появление в большом числе каких-то песен, не похожих на музыкально-поэтические произведения советских композиторов и поэтов-песенников, – привычных, идеологически выдержанных, прошедших «цензуру», – поначалу вызвало естественное изумление, что достаточно живо описано Б. Окуджавой в его автобиографической

цветность соцреализма загоняли в угол. Выход был в другом понимании эстетики. Авторов я выбирал не по политическим, а исключительно по эстетическим критериям. Если они были созвучны моим представлениям о КРАСОТЕ».

¹ Яркий пример – фильмы режиссёра А. Тарковского «Зеркало» (1974) и «Сталкер» (1979).

прозе «Подозрительный инструмент», где под псевдонимом Иван Иваныч отображена двойственность ситуации. С одной стороны, «Иван Иванычу было уже за тридцать, когда его жизнь резко переменялась. <...> Иван Иваныч <...> не просто запел, а стал придумывать мелодии к собственным стихам, и получалось что-то похожее на песни». Как же к этому отнеслись окружающие? Отнеслись по-разному. «И хотя на гитаре он знал всего лишь три аккорда, но в целом во всём этом что-то такое было <...> это всё любители записали на самые первые, только что тогда появившиеся магнитофоны, а с них тут же кто-то переписал, а у него – другие, и так оно пошло и пошло...». С другой, иначе на его занятие реагировало начальство, у которого «его песни вызывали заметную неприязнь», особенно «у партийных начальников. Им казалось, что Иван Иваныч как-то слишком грустен и как-то упадочен в пору всеобщего жизнерадостного возбуждения, что он не тому служит, чему следует служить, играет на руку врагам и не туда ведёт» [33, 260].

Между тем специалистам, разбирающимся в ценностных смыслах искусства, становилось всё яснее, что «новые» песни решительно не похожи на принятые худсоветами и рекомендуемые как массовые для советских людей. На те, что звучат по радио, телевидению, с эстрады и в кино – в исполнении признанных и проверенных артистов и актёров. В чём их коренное отличие? – многие догадывались, но опасались свою догадку произнести вслух, так как догадку эту те, кому следует..., могли посчитать подрывом идеологических устоев, сложившихся десятилетиями, тех, что описаны выше как единые во времени социально-политические реалии советского строя. Уточним: догадка ставила под сомнение принцип партийности в искусстве и признание метода социалистического реализма, прописанного во всех уставах творческих союзов единственно верным и универсальным для советских деятелей культуры и искусства¹. Ради сохранения таких ус-

¹ Уставом Союза писателей СССР давалось определение социалистического реализма как основного метода советской литературы и литературной критики, следование которому было обязательным условием членства в СП. Основные задачи Союза композиторов СССР – объединение его членов в целях создания высокоидейных и художественно значительных произведений, утверждающих принципы социалистического реализма, развивающих традиции национальных культур народов СССР; воспитание композито-

тоев можно было коллективно осуществлять «травлю» Б. Пастернака, М. Зощенко, А. Ахматовой, А. Твардовского, надуманно «осуждать» В. Мурадели, Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Н. Мясковского, выдавливать в эмиграцию В. Аксёнова, А. Гладили-на, В. Войновича, А. Солженицына, А. Галича, отправлять в ссылку А. Сахарова.

«Служить делу коммунизма» – название программной статьи композитора А. Новикова¹, создателя «Гимна демократической молодёжи мира» на слова Л. Ошанина [16, с. 234-237] (1947), написанной по впечатлениям от встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией (17 декабря 1962 г.). Состоялся «искренний и дружеский разговор о литературе и искусстве», – восхищается А. Новиков. Какую же партийную установку, дошедшую «до сознания и сердца каждого художника» и вызвавшую «ответный поток мыслей и чувств, страстное желание работать», получила советская интеллигенция? «Высшее общественное назначение литературы и искусства – поднимать народ на *борьбу* (выделено мной. – Л.Б.) за новые успехи в строительстве коммунизма. В этих словах Никиты Сергеевича Хрущёва, – торжествует композитор, – выражено самое существо нашего искусства, его общественная роль и значение» [30].

Ладно, стихи писать могут многие, пусть не обязательно окончившие Литинститут, но создавать песни – «наше оружие», как их возвеличивают В. Сиротенко [40, с. 77] или Н. Мейсак [21, с. 3–4], вправе только люди, специально тому обученные и идейно подготовленные, а не представители какой-то «самоделкины», по выражению В. Орлова [34, с. 4].

Полагаем, догадка проста. Полагаем, истина проста. Песни «бардов», этим коротким словом их будут называть позже, искренни и честны, в них нет фальши и подобострастия, они не пишутся «на заказ» по случаю очередной государственной даты, юбилея, съезда в надеж-

ров и музыковедов в духе коммунистической идеологии, содействие их творческому росту и развитию профессионального мастерства.

¹ Новиков Анатолий Григорьевич (1896–1984) – советский композитор, хоровой дирижёр, педагог. Народный артист СССР (1970). Герой Социалистического Труда (1976). Лауреат двух Сталинских премий второй степени (1946, 1948). Секретарь правления СК РСФСР (1960–1968), советник министра культуры СССР по вопросам музыки (1962–1965). Член КПСС с 1952 г.

де получить звание, награду, госпремию и т.п. Они служат не «делу коммунизма», а подлинному доверию между людьми. Отечественных бардов не устраивает принцип «говорить одно, думать другое, а делать третье». Им хочется хотя бы в собственных песнях не обманывать самих себя. В статье «Авторская песня как литературный факт» филолог Вл. И. Новиков отмечает: «...тот тип песни, о котором у нас идёт речь, сформировался именно в годы так называемой “оттепели” и отчетливо противопоставлял себя песням другого типа. Авторская песня возникла как альтернатива “советской массовой песне” – жанру тоталитарного искусства, создававшегося композиторами, поэтами и певцами» [2, с. 7]. Полагаем, такое суждение небезосновательно, но выглядит несколько упрощённым. В песенном творчестве наших бардов, по крайней мере у многих, вряд ли содержался умысел противопоставлять свои песни каким-то иным песням или устраивать кому-то альтернативу. Скорее всего, «современным бардам» просто хотелось сочинять и петь, как на душу ложится или у кого-то, «как Бог на душу положил». Именно так рождается всё подлинное: стихи настоящих поэтов, музыка талантливых композиторов, картины творчески состоятельных художников. И не вина отечественных бардов, что советская песня – тоже атрибут песенной культуры – из-за её особых свойств воздействия на людей, массовости и доступности обрела в нашей стране наряду с кино форму одного из самых идеологизированных видов искусства. Ведь спектакль в театре посмотрят лишь несколько сотен людей, но песня, многократно тиражируемая радио и телевидением, исполняемая в кинофильмах массового проката, может проникнуть глубоко в души миллионов, а если потребуются, то и «зомбируя» их. «Не отдавай оружия, товарищ», – пишет журналист В. Сиротенко, осознавая цену проблемы (40, с. 77).

Но многим людям пришлось по вкусу именно *другие* (выделено мной. – Л.Б.) песни, оказалось, что их слушают и поют с увлечением даже школьники. Пример – дискуссия в газете «Московский комсомолец», к участию в которой вместе с композиторами Я. Френкелем и А. Островским, поэтом М. Таничем, авторами песен А. Дуловым и С. Крыловым были приглашены старшеклассники, «чтобы подумать о современной песне, поспорить о ней, а может быть, и предложить свой путь к неведомым островам» [12]. Оказалось, подростки среди-

ны 1960-х умели и творчески мыслить, и свои мысли внятно излагать. «Профессиональные песни просто иначе пишут, – считает Катя Дрёмина. – Их рассчитывают на массу, на много народу сразу. А самодеятельная песня обращается к одному и потому доходит до многих. В этом, по-моему, секрет популярности самодеятельных песен». «Самодеятельных песен очень много. Но почему они именно сейчас стали так популярны? – рассуждает Володя Лавинский. – Мне кажется, что жизнь человека стала богаче, шире, ему есть о чём сказать. А появилась потребность – появляются и средства для её удовлетворения. Человек берёт в руки гитару и говорит то, что другие за него не скажут» [12, с. 4]. Так рассуждали подростки в дискуссии – просто, конкретно и понятно.

Массовое песнетворчество, совершаемое представителями самых разных профессий, поставило перед учёными, журналистами, деятелями культуры и искусства – исследователями и практиками – простой на первый взгляд, но, как оказалось, достаточно сложный вопрос: что с ним, этим явлением, реально существующим, продолжающим развиваться, теперь делать? Поддерживать, запрещать или не обращать внимания, дожидаясь, когда оно, истощившись, само себя прикроет, – ведь раздавались и такие советы. Интерпретируя третий закон Ньютона к сложившимся обстоятельствам, заметим: на каждое действие обязательно найдётся противодействие. Или по-иному: на каждый минус в противовес обнаружится свой плюс. И они быстро нашлись. Ситуация для решительных противников новоявленных песен, считающих их «поделками», «песенной безвкусицей», осложнялась объективным фактом, что вокруг означенного песнетворчества без какого-то понуждения сверху стало образовываться неформальное движение (выделено мной. – Л.Б.) поклонников и любителей «новых» песен, предпочитавших их песенному результату профессионалов.

Об уникальности самого феномена

Если бы песни студенческие и туристские, они же потом – самодеятельные и авторские, растворились в общей массе привычных советских песен и не выпячивались какими-то индивидуальными особенностями, тогда некоторые из них можно было бы признать фактом

художественной самодеятельности [41, 630], другие – современным городским фольклором, и популяризировать как современное народное творчество, восхищаясь художественным талантом молодёжи, участвующей в строительстве коммунизма. Остальные, не вписываемые в такой «формат», – подвергнуть жесткой критике и «пресечь на корню». Так нет же. Эти «барды и менестрели» возомнили, что занимаются иным песенным жанром, а то и другим искусством. Показательны в этом плане серьёзные, на профессиональном уровне, рассуждения о сути авторской (самодеятельной) песни М. Анчарова, Ю. Визбора, А. Галича и Ю. Кима в круглом столе «Недели» [35, с. 20–21] (1966), а также две ранние статьи автора песен А. Якушевой, да не где-нибудь, а в журнале «Молодой коммунист» [49, с. 50] (1966, 1967). Нелишне заметить, что с конца 50-х гг. прошлого столетия в столице, а не в глубокой провинции стали проводиться песенные конкурсы, организуемые общественностью, как межвузовские с присвоением званий «лауреатов» и «дипломантов». Дальше – больше. Новоявленное движение захотело иметь свои песенные клубы с помещениями, где любители этих песен имели бы возможность общаться друг с другом и, конечно, с их авторами. И причём на принципе самоуправления. Как следствие, в СССР под девизом строчки из песни Б. Окуджавы «Возьмёмся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке» [45, с. 388–389] формировалась особая «песенная страна» со своими этическими и эстетическими принципами, названная позже Д. Сухаревым «Государство КСП» [1, с. 28–29]. А это уже перегиб – с позиции всевозможных стражей догматической идеологии, общеобязательной в стране. «Идеология проникает в людей так же незримо, как радиация, – пишет о том времени поэт П. Вегин. – Чем она тотальной, тем радиоактивней. Чем больше в ней слов и пафоса, тем опасней она для человека. Высоцкий был, при всей его актуальности и остроте, человеком идеологически свободным» [9, с. 214–215]. К спасению духовности подключились новоявленные «барды», которых так тогда ещё не называли.

Противодействием монополизму и цензуре выступил научно-технический прогресс, позволивший наладить серийный выпуск бы-

товых магнитофонов по доступным для населения ценам¹. Столь важное событие сразу подорвало монополию государства на эфирное вещание и фирмы «Мелодия» на грамзаписи, предоставив любому желающему слушать эти песни у себя дома, отбираемые по собственному вкусу, а не решениями цензоров и худсоветов. «Потому и начались перебои с магнитофонной плёнкой, потому и принял так распахнуто народ и “Синий троллейбус” Окуджавы, и “Облака плывут в Абакан” Галича, – добавляет П. Вегин. – Гитары всё звонче и дружней начинали звучать по России, но не всё принимал и переписывал на свои допотопные, зачастую самодельные магнитофоны народ. Средняк не проходил» [9, с. 209].

Между тем противоборствующая критика пыталась нападать с двух сторон: от партийных и комсомольских функционеров, например Г. Воронцова [10, с. 34–37], и от ряда профессионалов-песенников. «И, право же, не было бы ничего страшного в том, что кто-то сочиняет незамысловатые вирши и не то поёт, не то декламирует их, – рассуждает классик советской песни В. Соловьёв-Седой, – если бы многие наши ребята не считали это рифмоплётство эталоном поэтического новаторства, хриплый простуженный голос – вершиной вокального искусства, а монотонное треньканье на двух гитарных струнах – образцом современного музыкального стиля. Беда в том, что некоторые стороны творчества наших “менестрелей” и “бардов”, получив непомерно большое распространение, разрушают и дезорганизуют систему подлинно эстетического воспитания, портят музыкальные вкусы» [43, с. 3]. Полагаем, профессионалы не без оснований считали «самодеятельных авторов» конкурентами на возвышенном пьедестале советского искусства, устойчивое место на котором было ими занято по праву членства в творческом союзе, а потому, – обеспечивающего плановые гонорары, почести и награды. К примеру,

¹ В СССР доступные бытовые магнитофоны распространились примерно со второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. В это же время возникло особое социальное явление – магнитофонная культура или «магнитиздат». Легкость копирования магнитных записей позволила почти неограниченно распространять произведения, не одобрявшиеся официальной идеологией, но популярные в народе: песни бардов и первых полуподпольных рок-групп, западную популярную музыку, неофициальные выступления писателей-сатириков и т. п. Магнитофоны быстро вытеснили с рынка кустарную грамзапись – грампластинки, записанные на использованной рентгеновской плёнке («музыка на ребрах»).

«попытка в 1968 году выпустить в свет в издательстве «Музыка» сборник из 25-и песен Б. Окуджавы не увенчалась успехом, – вспоминает В. Фрумкин слова Б. Окуджавы [47, с. 87], – не из-за вмешательства ЦК¹, а из опасений самого издательства, убоявшегося “гнева советских песенников – композиторов и поэтов, ревниво и нервно следивших за бурным развитием “магнитиздата”. Так и получилось, что первое музыкальное” издание песен Окуджавы вышло не на родине поэта, а в Польше» [51] (1970).

Выше описаны причины, которые привели к единению создателей песен иного рода с их средой бытования, характерные именно для того периода нашей страны, когда в ней доминировал тоталитарный режим, что, как описано ранее, было свойственно советской власти вплоть до 1987-го, до «горбачёвской» перестройки. Их следствие: формирование в стране во второй половине прошлого столетия *параллельной песенной культуры (выделено мной. – Л.Б.)*, по существу отличной от той, что творилась профессиональными композиторами, поэтами и артистами. А значит, о рассматриваемом феномене уместно говорить не как об особой ветви поэзии и не о традициях бытовой музыки, тем самым пристраивая авторскую песню к чему-то известному, понятному и общепризнанному, а о чём-то ином. О чём именно? – требуется обстоятельное разбирательство в объёме не одной статьи. Здесь же ограничимся особенностями взаимосвязи культурного хронотопа «авторская песня» с его средой бытования.

«В других странах, например, во Франции, в Германии, в США, в условиях свободного, а не тоталитарного общества, формирование некоей среды, способствующей развитию внешне схожего песенного творчества (*chanson, country, folk*) и одновременно защищающей его от идеологических нападков, вряд ли бы потребовалось» [5]. К свободному выпуску огромного числа сборников песен, CD и DVD с их записями, при отсутствии цензуры и худсоветов наша страна подошла только ближе к концу XX столетия, уже называясь Россией. А до того, в обозреваемом временном интервале, среда бытования авторской песни долгие годы являлась её социальной опорой и поддержкой, выполняющей в том числе многие инфраструктурные функции этого вида песенной культуры.

¹ Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

Возвращаясь ещё раз к цензуре, заметим, что в недавней статье «Плюсы и минусы СССР» в числе особых минусов выделено: «цензура в СССР охватывала все области жизни, включая СМИ, литературу, музыку, кинематограф, театр, балет и даже моду. Выдающиеся писатели и поэты – Солженицын, Войнович, Довлатов, Бродский и др. – были вынуждены покинуть родину» [36, 24]. Оставшись без средств к существованию, А. Галич был вынужден эмигрировать, тоскуя по родине на чужбине. Вот строки из его песни «Когда я вернусь», написанной уже в эмиграции (декабрь 1973 г.): *«Когда я вернусь, / Засвистят в феврале соловьи / Тот старый мотив – тот давнишний, забытый, запетый. / И я упаду, побеждённый своею победой, / И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои! / Когда я вернусь... / А когда я вернусь?!»* [18, с. 255–256].

Но, взяв на себя функцию стимулирования создания и бытования этих песен в стране, вокруг них, духовно свободных и не подвластных цензуре, сформировалась особая среда, которая, будучи разнородной, тем не менее сумела собрать воедино значительное число любителей и ценителей авторской песни. А равно организаторов творческих встреч, концертов и конкурсов, собирателей магнитофонных записей и других архивистов, участников городских и загородных фестивалей, диспутов и конференций... Всех тех, кто справедливо считал, что как раз эта песня «строить и жить помогает», что именно с ней он «никогда и нигде не пропадёт». Множество неформальных способов песенного общения создавали уверенность, что «эту песню не задушишь, не убьёшь»¹, какие бы на то попытки ни предпринимались идеологами советской власти или ревнивыми представителями официального искусства. *«Но, слава Богу, думать мы свободны, / О чем угодно и когда угодно»*, – мысль, получившая обобщение в песне Г. Васильева [28, с. 209–2010] (1984).

Среда бытования авторской песни формировалась усилиями добровольных энтузиастов в организованных (КСП, конкурсы, слёты, фестивали и пр.) и произвольных формах (посиделки у костра, твор-

¹ Пародируются строчки из песни «Марш весёлых ребят» из к/ф «Весёлые ребята», музыка И. Дунаевского, слова В. Лебедева-Кумача (1934), и песни «Гимн демократической молодёжи», музыка А. Новикова, слова Л. Ошанина (1847). Избранные русские советские песни. М.: Музыка, 1967. Вып. 1. С.155; Вып.2. С.237.

ческие встречи в домах культуры и клубах, домашние концерты, индивидуальное и совместное прослушивание магнитофонных записей и пр.). Эта среда была не только слушающей, но и поющей [5]. Со временем слёты и фестивали собирали в загородных палаточных условиях тысячи, а то и десятки тысяч людей, приехавших из разных уголков страны, чтобы пообщаться друг с другом посредством «нашей» песни [13]. «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» [13, с. 110] – строчка из песни О. Митяева (1979), написанной под впечатлением от Ильменского фестиваля, стала то ли гимном, то ли девизом многих фестивалей, слётов, концертов, парадов и других массовых форм общения в авторской песне.

Несколько слов о внутренней «кухне» клубов самодеятельной песни. «Всю работу обычно ведет ядро организаторов, – рассказывает Н. Вайнонен. – Есть свои художники, свои технические специалисты (например, по звукозаписывающей аппаратуре), свои журналисты стенной печати, машинистки, стенографистки, казначеи, архивариусы, специалисты по технике безопасности людей и природы на загородных слётах, свои летописцы, фотографы, кинооператоры» [8, с. 37]. Факт появления инфраструктуры феномена *авторской песни* примерно пятнадцатью годами раньше отмечал Б. Добровольский: «Широко развернулось и “самодетельное” коллекционирование песен в магнитофонных записях и списках текстов. Рядом любителей проводится сбор материалов по истории создания песен, ведётся библиография статей и публикаций текстов и нот» [14, с. 199].

«Круг любителей и ценителей этих песен по общекультурному уровню оказался адекватным их создателям и проявлял высокую требовательность к качеству произведений, прежде всего, – к искренности и точности передачи настроений и чувств» [6, 46] реального, живущего среди нас человека, а не выдуманного поэтом-песенником, каким он должен быть. «Самодетельный автор, или, как иногда его называют, человек с гитарой, как правило, пишет о пережитом, о пережитом, – размышляет композитор Я. Френкель. – Я не хочу сказать, что всё это отсутствует у нас, у профессионалов, но иногда некоторым из нас свойственна такая болезнь: они пишут о том, что искренне считают важным, нужным, но что вовсе необязательно волнует их самих. Современный “менестрель” начинает именно с себя, с

того, что волнует и тревожит его в жизни» [12, с. 4]. Так сложилось, что среда бытования действовала активно, а её участники не просто были зрителями и слушателями, а становились фактическими со-участниками творческого процесса.

В то же время эта среда оказалась «своего рода фильтром» – заслоном, который «может признать автора своим, а может решительно отвергнуть, даже если тот стал лауреатом какого-нибудь конкурса. Так же она поступает и по отношению к песням. Наша песня или не наша, хорошая или плохая? – но по нашим, пусть и интуитивным критериям, что бы при этом ни говорили критики и исследователи» [7, с. 132] и даже авторитетное жюри, состоящее из признанных и уважаемых бардов. По отдельности ошибаться, руководствоваться собственным вкусом может каждый. Но подлинного таланта в авторской песне, к какому бы стилю или направлению он ни был расположен, среда бытования авторской песни всё равно из своего внимания не упустит. Если одна группа любителей песни его не воспримет, так другая – непременно приметит, ведь внутри среды бытования жанровые и стилевые направления в авторской песне имеют своих устойчивых поклонников. «Любителям авторской песни невозможно навязать мнение сверху, от кого бы оно ни исходило: доброжелателей или недругов. Разумеется, и здесь существовал принцип: сколько людей, столько мнений. Но мнений по частностям, а не по главным ценностным критериям» [7, с. 132], интуитивно воспринимаемым, но трудно формулируемым. «Словосочетание “наша песня”, вошедшее в обиход в этой среде, стало для многих синонимом сначала названия *самодельная песня*, а затем термина *авторская песня*» [6, с. 46–47].

«Конкретно от имени среды бытования не выступала какая-то личность, какой-либо орган или институт, даже если кто и пытался. И никто не выдавал сертификатов. Сертификатом, если здесь такое слово уместно, являлось коллективное признание, возникавшее естественным путём, эволюционно» [5], а не установленное кем-то сверху или назначенное со стороны. Коллективы могли быть большие и малые, но в их неисчислимой совокупности непременно действовал закон больших чисел.

Аксиоматика стартовой модели

Такой взгляд на авторскую песню с неизбежностью приводит к аксиоматике, определяющей стартовую модель объекта исследования: *«среда бытования авторской песни на некотором временном интервале эволюционно и объективно фиксирует этот феномен и принадлежность к нему тех или иных песен и тех или иных авторов. Соответственно, претензия на объективность такой модели диктует правило: никакая признанная авторская песня или признанный автор не должны быть искусственно исключены из рассматриваемого феномена или ограничены в правах в нем, исходя из субъективного мнения исследователя.* Критерием принадлежности песен и их авторов к авторской песне является факт общественного признания, то есть средой бытования. Задача же теоретиков – выяснить, почему такое произошло» [6, с. 47], в каждом конкретном случае или обобщённо.

Схожий принцип действен и относительно терминологии. Если среда бытования восприняла термины *авторская песня* или *бардовская песня*, название *бард* или другие, значит – узаконила. А почему такие слова здесь прописались? – опять же вопрос для исследователей. Новообразования и смысловые изменения привычных слов могут идти от каких-либо субъектов, но их фиксацию – принять или не принять, результативно определяет среда бытования. Описанный подход схож со взглядом на бытование народных песен. Их эволюционно признаёт и хранит народ, а фольклористы, филологи и музыковеды лишь констатируют и анализируют собственно факт признания.

Исследовательский подход к авторской песне с включением понятия «культурный хронотоп» во взаимосвязи со средой бытования концептуально отличен от другого принципа, в основе которого содержатся *ядро* представительных бардов и группирование остальных вокруг этого *ядра*. В частности, известен исследовательский проект, в центр внимания которого Вл. И. Новиковым выдвинуты три поэта-барда: Окуджава, Высоцкий и Галич (аббревиатура ОВГ) [31, с. 233–240]. По мнению филолога, именно они воплотили в своём творчестве ведущие тенденции бардовской поэзии в целом. Схожей точки зрения придерживаются А. Кулагин [19, с. 7] и И. Соколова [42, с. 52]. Однако с таким лимитом не согласен И. Ничипоров, резонно отмечая, что «узкая сосредоточенность исследователей лишь на этих

трёх фигурах, которая доминирует, например, в выпусках альманаха “Мир Высоцкого”, существенно обедняет общую картину бардовской поэзии, не способствует объективной оценке реального места различных авторов в этом поэтическом направлении» [29, с. 23]. С И. Ничипоровым фактически солидаризируется Р. Шипов, который в классиках бардовской песни, а судя по его вступительной статье *бардовская и авторская* для него синонимы, числит уже восемь бардов, добавив к трём, обозначенным В. И. Новиковым, ещё М. Анчарова, Ю. Визбора, А. Городницкого, Ю. Кима и Н. Матвееву [18]. Оба они, говоря о «классике», оставляют как бы вне внимания А. Дулова, В. Берковско-го, С. Никитина и других творцов авторских песен на стихи близких им по духу поэтов. В то же время Б. Окуджава, берущий для себя «в расчёт только поэтов, поющих свои стихи» [28, с. 3], допускает мысль, что авторская песня – понятие «более широкое – охватывает и молодых самодеятельных композиторов, сочиняющих музыку к чьим-то стихам, и, как правило, к хорошим стихам, и исполнителей, поющих кем-то созданные песни, но в данной традиции» [32, с. 36]. Осмелимся утверждать, что критерии принадлежности известных бардов к такому *ядру* до сих пор никем убедительно не сформулированы. Однако это не может помешать сторонникам принципа *ядра* выдвинуть встречное сомнение в объективности факта признания средой бытования создателей песен и их песенных произведений. Возможно ли эту объективность подтвердить какими-то дополнительными аргументами? – вправе они потребовать. Положительным ответом может стать неоспоримый факт: большинство нотных и текстовых изданий авторских песен, выпущенных в СССР, когда это было невозможно трудно, и в России, когда это стало гораздо доступнее, составлено и подготовлено к изданию представителями как раз этой самой среды бытования, что убедительно показано в библиографическом сборнике «Пятьдесят российских бардов» [38]. Из публикаторов авторских песен разных лет достойны упоминания многие, но в силу ограниченности объёма статьи, назовём далеко не всех. Это Н. Курчев и С. Рабинов, Г. Захарова, Д. Соколов, А. Крылов, Л. Беленький, А. Азаров, Р. Шипов, В. Романова, А и М. Левитаны, В. Юровский, В. Шабанов, А. Костромин. Антологии и сборники авторских песен, выпущенные в свет этими как бы «непрофессионалами», учитывают разнообразие

вкусов и пристрастий среды бытования, внутри которой они созидательно действовали.

1. Авторская песня: антология / сост. Д.А. Сухарев, переиздание, испр. и доп. Екатеринбург: Фактория, 2003.
2. Авторская песня. М.: Олимп; АСТ, 1997. (Школа классики).
3. Антология бардовской песни. М.: Эксмо, 2008.
4. Бахтин М.М. Очерки времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической риторике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Искусство, 1975.
5. Беленький Л.П. Авторская песня как особое явление отечественной культуры в форме художественного творчества [Электронный ресурс] // Сетевой научно-культурологический журнал Relga. 2009. №4 [184] 10.03.2009. URL: <http://www.relga.ru>.
6. Беленький Л.П. На подступах к теории авторской песни // Вопросы культурологии. 2014. № 6. С.45–50.
7. Беленький Л.П. Секрет успеха. О природе художественного творчества в авторской песне // Образование личности. 2014. № 3. С. 128–138.
8. Вайнонен Н.В. И массовость, и мастерство // Андреев Ю.А., Вайнонен Н.В. Наша самодеятельная песня. М.: Знание, 1983.
9. Вегин П. Певец. Этюды о Владимире Высоцком // Стрелец. Альманах литературы, искусства и общественно-политической мысли. Париж – Нью-Йорк – Москва: Третья волна и Книга, 1991. С. 204–233.
10. Внимание – песня. Дискуссия в журнале // Молодой коммунист. 1965. № 2. С. 30–37.
11. «Возьмемся за руки, друзья». Б. Окуджава // Молодежная эстрада. 1986. № 4. С.94.
12. Гитара, магнитофон и мы // Московский комсомолец. 1966. 15 декабря. С. 4.
13. Грушинский. Книга песен: сборник / сост. В.К. Шабанов. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во (по заказу Московского городского центрального туристского клуба), 1990.
14. Добровольский Б. Современные бытовые песни городской молодежи // Фольклор и художественная самодеятельность. Л.: Наука, 1968. С. 176–200.

15. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. : учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2001.
16. Избранные русские советские песни. Выпуск второй. М.: Музыка, 1977.
17. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1966.
18. Классика бардовской песни / сост., авт. вступ. ст. Р. Шипов. М.: Эксмо, 2009.
19. Кулагин А.В. У истоков авторской песни: сборник статей. Коломна, 2010.
20. Леснов С. Главлит – это звучало грозно и загадочно // Труд. 2013. 5 декабря.
21. Мейсак Н. Песня – это оружие // Вечерний Новосибирск. 1968. 18 апреля. С. 3–4.
22. Микешина Л.А. Время, пространство, хронотоп в социальном и гуманитарном знании // Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.В. Миронова. М.: Гардарики, 2006. С. 507–514.
23. Михалёв И.П. Выбранные места из разговоров с друзьями: сборник / сост. Э.Б. Крельман. М.: Прескурантиздат, 1990. (Б-ка авторской песни. Большая сер.)
24. Молодость, песня, гитара. Дискуссия в «Литературной газете». А. Островский, Л. Переверзев // Литературная газета. 1965. 15 апреля. С. 3.
25. Молодость, песня, гитара. Дискуссия в «Литературной газете». И. Дзержинский, М. Табачников // Литературная газета. 1965. 24 апреля. С. 23.
26. Молодость, песня, гитара. Дискуссия в «Литературной газете». Л. Ошанин // Литературная газета. 1965. 29 апреля. С. 3.
27. Молодость, песня, гитара. Дискуссия в «Литературной газете». Б. Мокроусов // Литературная газета. 1965. 27 мая. С. 3.
28. Наполним музыкой сердца. Антология авторской песни. Песенник / сост. Р.А. Шипов. М.: Советский композитор, 1989.
29. Ничипоров И.Б. Авторская песня в русской поэзии 1950–1970 гг.: творческие индивидуальности, жанрово-стилистические поиски, литературные связи. М.: МАКС Пресс, 2006.
30. Новиков А. Служить делу коммунизма // Советская культура. 1963. 17 декабря. С. 2.

31. Новиков Вл.И. Окуджава – Высоцкий – Галич. Проект исследования // Мир Высоцкого : Исследования и материалы. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1999. Вып. III. Т.1. С. 223–240.
32. Окуджава Б. Жанр и время / Беседу вела Г. Друбачевская // Советская музыка. 1988. № 9. С. 36.
33. Окуджава Б.Ш. Заезжий музыкант. Проза. М.: Олимп, 1993.
34. Орлов В. Самодельщина // Советская культура. 1968. 13 апреля. С. 4.
35. Песня – единая и многоликая // Неделя. 1966. № 1 (26.12.65–1.01.66). С. 20–21.
36. Плюсы и минусы // Аргументы и факты. 2013. № 52. 26 декабря–8 января. С. 24.
37. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. // Правда. 1948. 11 февраля.
38. Пятьдесят российских бардов / сост. Р. Шипов. М.: Вагант-Москва, 2001.
39. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_35.html.
40. Сиротенко В. Не отдавай оружие, товарищ // Молодой коммунист. 1964. № 5. С. 77.
41. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. Т. IV.
42. Соколова И.А. Авторская песня: от фольклора к поэзии / ГКЦМ В.С. Высоцкого. М.: Благотворительный фонд Владимира Высоцкого, 2002.
43. Соловьёв-Седой В. Модно – не значит современно // Советская Россия. 1968. 15 ноября. С. 3.
44. Сохор А. Массовая, бытовая, эстрадная... // Советская музыка. 1965. №10. С. 18–23.
45. Среди нехоженых дорог одна – моя: сб. туристских песен / сост. Л.П. Беленький. М.: Профиздат, 1989.
46. Теория культуры: учебное пособие / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. С.-Петербург: Питер, 2008.
47. Фрумкин В. Певцы и вожди. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2005.
48. Чупринин С. Оттепель: время больших ожиданий // Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы / сост., автор вступ. ст. и «Хроники важнейших событий» С.И. Чупринин. М.: Московский рабочий, 1989. С. 3–15.

49. Якушева А. Любовь моя, песня // Молодой коммунист. 1967. № 8. С. 119–122.
50. Якушева А. Песня большая и малая // Молодой коммунист. 1966. №1. С. 108–110.
51. Bulat Okudzava. “20 piosenek nag los i gitare”. Krakov, 1970.

Н. В. Бортникова

**Сакральное пространство этнокультуры:
смысловые доминанты и культурологические подходы**

УДК: 304.2

В статье рассматривается сакральное пространство этнокультуры как объект системного моделирования, результатом которого выступают бинарные модели как идеальные схемы процессов или объектов окружающего мира. В современном информационном мире данные культурные доминанты сакрального пространства могут выступать как объединяющее начало этнических ценностей и накопленного духовного опыта прошлого, но в новой своей сущности.

Ключевые слова: этнокультура, сакральное пространство, бинарные оппозиции, метод системного моделирования.

N.V. Bortnikova. Sacred space of ethnoculture: semantic dominants and cultural approaches

The article discusses the sacred space of ethnic culture as an object of system simulation, the result of which serve as the ideal model of binary circuit processes or objects of the world. In today's information world data cultural dominance of sacred space can act as a unifying ethical values and lessons of the spiritual experience of the past, but in the new essence.

Key words: ethnic culture, sacred space, binary oppositions, the method of system modeling

Этническая культура является одной из основополагающих категорий культуры. Ее можно характеризовать как совокупность традиционных ценностей, имеющих свою особую структуру и стереотипы поведения, выраженных в социальной, материальной и духовной жизнедеятельности, формирующей в различных формах самоутверждение и самоидентификацию каждого этноса. Культура этноса является ценным источником многогранной информации, которая в процессе своего формирования в различные временные периоды вбирала и аккумулировала знания человека о постоянно изменяющейся окружающей действительности. Поэтому этнокультуру стоит рассматривать как некую систему, которая на социальном уровне обеспечивает взаимодействие системы «человек – общество – природа – культура». Выявление внутренних структур этнокультуры на символическом уровне позволит не только реконструировать модель этнокультуры (рис. 1), но и проследить ее трансформацию, выявить факторы формирования этнической специфики, что является актуальной и перспективной задачей в современном информационном мире.

Осмысление феноменов этнокультуры с позиций культурологического знания возможно через обращение к фундаментальным категориям пространства и времени. Пространство и время как координаты упорядоченности культурного мира существуют в тесной взаимосвязи между собой. Характеризуя такое неразрывное единство, М. М. Бахтин ввел в гуманитарное знание понятие «хронотоп», под которым понимал существующую взаимосвязь временных и пространственных отношений [6]. По утверждению психолога В. П. Зинченко, хронотоп соединяет в себе «пространственно-временные в физическом смысле этого слова телесные ограничения с безграничностью времени и пространства, то есть с вечностью и бесконечностью» [2, с. 275]. Поэтому пространство и время рассматриваются с позиций духовного измерения жизни в системе культуры, они направлены на выявление доминирующих в ней ценностных ориентиров, формирующих картину мира определенной этнокультуры, которая в архаичном понимании расценивалась как упорядоченная вселенная (система, образец), но в рамках социума.

Рис. 1. Формирование специфики этнокультуры

Ю.М. Лотман рассматривал пространство как базовую категорию культуры. Он писал: «Одной из универсальных особенностей человеческой культуры, возможно, связанной с антропологическими свойствами сознания человека, является то, что картина мира неизбежно получает признаки пространственной характеристики. Сама конструкция миропорядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие ее уровни» [4, с. 389].

Одним из таких уровней (слоев) пространства можно назвать культурное пространство – это «своеобразное поле, порождаемое взаимодействиями ценностей культур и культурных систем и расположенное в духовном мире социума и личности» [6]. Культурное пространство охватывает достаточно широкий пространственный диапазон, имеющий свои границы и центр. Этническое культурное пространство, созданное многовековыми традициями и человеческой деятельностью, является неотъемлемой частью общего культурного

пространства, включающего многообразие культурных текстов и форм, транслируемых на духовном уровне. Именно этот пласт культурного пространства наиболее полно и глубоко воздействует на человека и социум, определяя стереотипы его поведения и образа жизни. Соединение таких разноплановых пластов общего и частного (особенного) определяет основу многообразия и многоликости этнокультурного пространства, где духовное (сакральное) является смысловой доминантой.

Сакральное пространство представляет собой измерение культурного универсума, аккумулирующее представления субъекта культуры о мире священного и способах контакта с ним. Культурологическое обоснование сакрального пространства предполагает использование системной методологической базы, позволяющей более полно осмыслить данное понятие как целостное взаимодействие множества взаимосвязанных элементов. При объединении их в систему появляются новые свойства, которых не было у элементов по отдельности. Суть комплексного (системного, структурного) подхода к изучению культуры и ее элементов сформулировал Ю.М. Лотман: «Особенность структурного изучения состоит в том, что оно подразумевает не рассмотрение отдельных элементов в их изолированности или механической соединенности, а определение соотношения элементов между собой и отношения их к структурному целому. Оно неотделимо от изучения функциональной природы системы и ее частей» [5, с. 18].

Системный подход к исследованию сакрального пространства культуры позволяет решить данную задачу в логике синтеза множества разноплановых понятий и принципов, одним из которых является системное моделирование. При этом ученые говорят, что, «моделируя, мы “подбираемся” к сути объекта, как мы ее понимаем. Принципиально важно, чтобы модель воплотила это движение, стала внутренне пластичной, открытой для альтернативных моделирующих логик» [1, с. 52–65]. Возможно, именно так думали и понимали свою культуру и окружающее пространство в целом народы в древности. Они воспринимали этот мир как некую цельную неразделенную субстанцию, наделенную глубинными смыслами бытия, с помощью которых этническая культура представляет свой специфический уникум в многообразии мировых культурных феноменов.

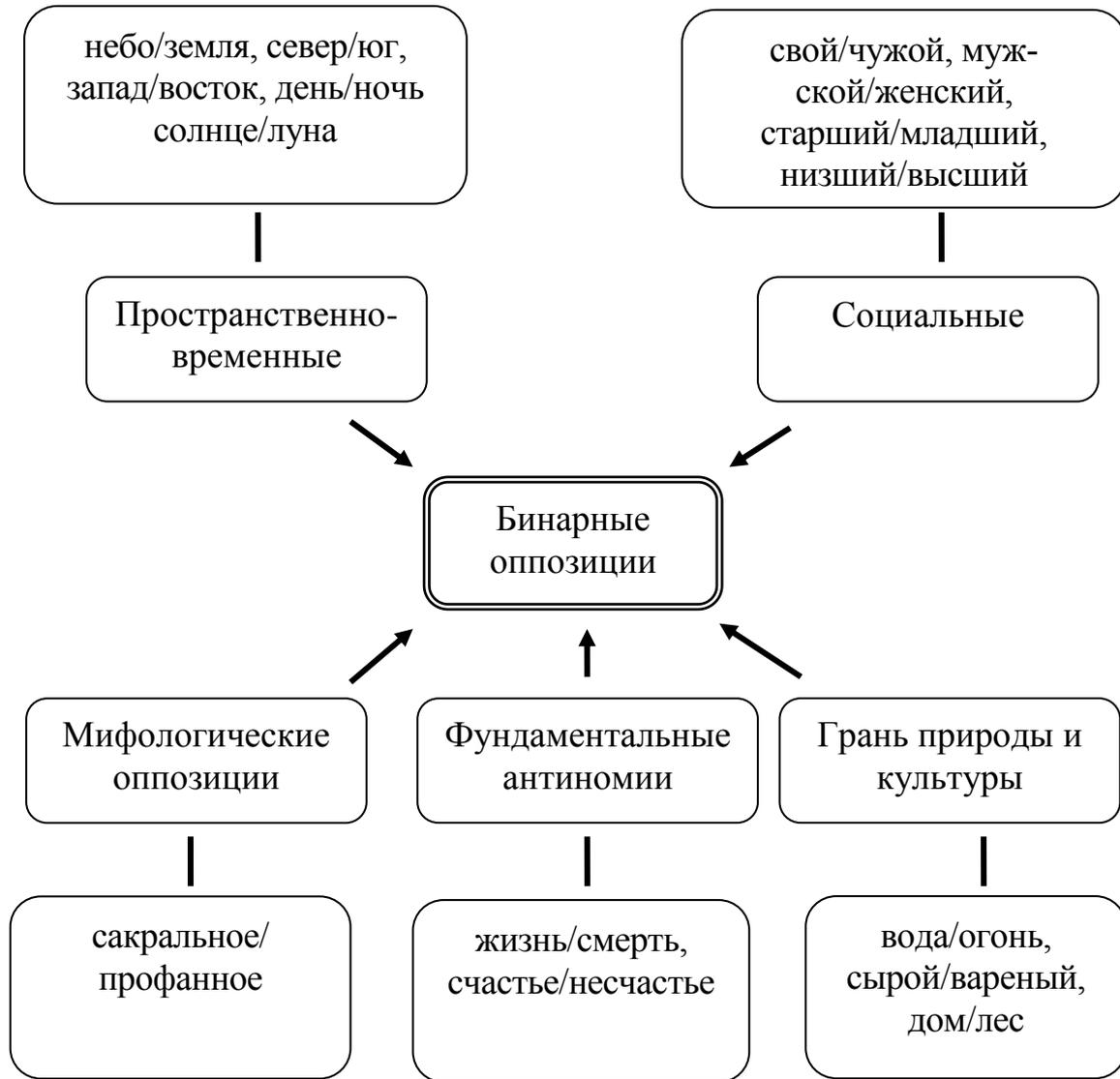

Рис. 2. Структура бинарных оппозиций [3]

Результатом системного моделирования являются модели как идеальные схемы процессов или объектов окружающего мира. Используя метод системного моделирования, этнокультурное сакральное пространство можно представить как модель, базирующуюся на следующих бинарных оппозициях: природное/культурное, материальное/духовное, мужское/женское и т.д. Подчеркнем, что данные оппозиции находятся и внутри культурного сознания этноса, но в менее структурированном виде. Одна из задач данного исследования – их четкое структурирование и системный анализ. При этом необходимо отметить, что полюса указанных оппозиций генерируют особое «силовое поле», в котором культурные смыслы рождаются «между», на границах. Куль-

турное сознание этноса рождает их в попытке примирить разнородные феномены, гармонизировать бытие в культурном универсуме.

Система бинарных оппозиций в этнокультуре (рис. 2) носит универсальный характер: внутренний/внешний, правый/левый, верх/низ, близкий/далекий и т.д. Приобретя статус объекта, эти бинарные оппозиции стали рассматриваться с пространственно-временных позиций (небо/земля, север/юг, запад/восток, день/ночь, солнце/луна и т.д.), социальных (свой/чужой, мужской/женский, старший/младший, низший/высший и т.д.), на грани природы и культуры (вода/огонь, сырой/вареный, дом/лес и т.д.), фундаментальных антиномий (жизнь/смерть, счастье/несчастье и т.д.), а также мифологической оппозиции сакрального/профанного [3, с. 30].

В рамках такой классификации рассмотрим смысловые доминанты сакрального пространства этнокультуры.

Природное/культурное

Под «природным» понимается естественное, божественное происхождение всего живого. Это то, к чему не прикасалась рука человека (например, естественный природный ландшафт: священные рощи, леса, водоемы, поля; небесная сфера: солнце, звезды; и т.д.). Под «культурным» понимается специально созданное, облагороженное человеком дикое (естественное) пространство (например, постройки; одежда; предметы; пища; и т. д.) (рис. 3).

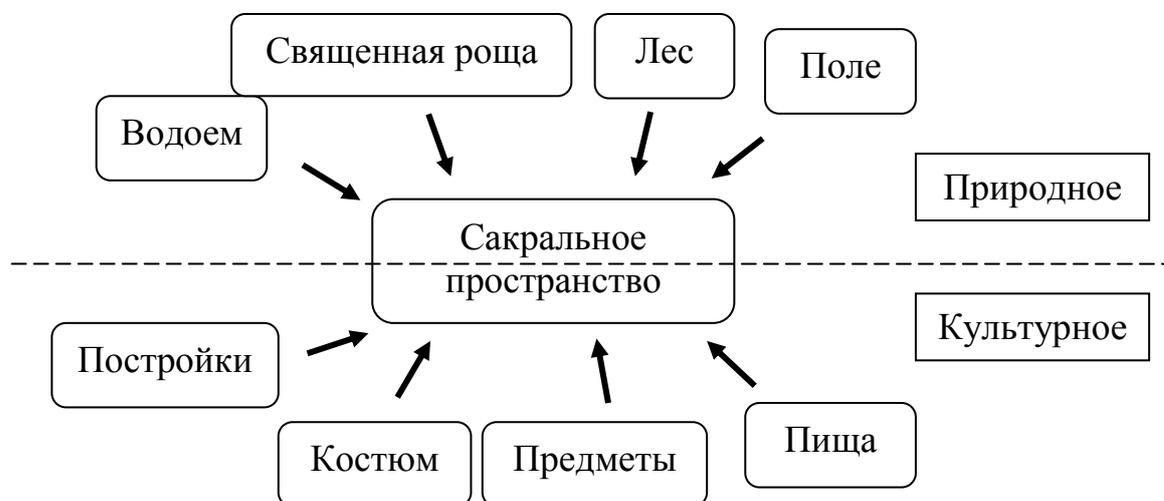

Рис. 3. Бинарная оппозиция «природное/культурное»

Материальное/духовное

Под «материальным» понимается искусственно созданные человеком объекты (например, постройки, одежда и т. д.). «Духовное», в отличие от «материального», не воплощено в предметах и объектах. «Духовное» больше связано с чувствами, эмоциями, переживаниями человека (например, нормы поведения, религия и т. д.) (рис. 4).

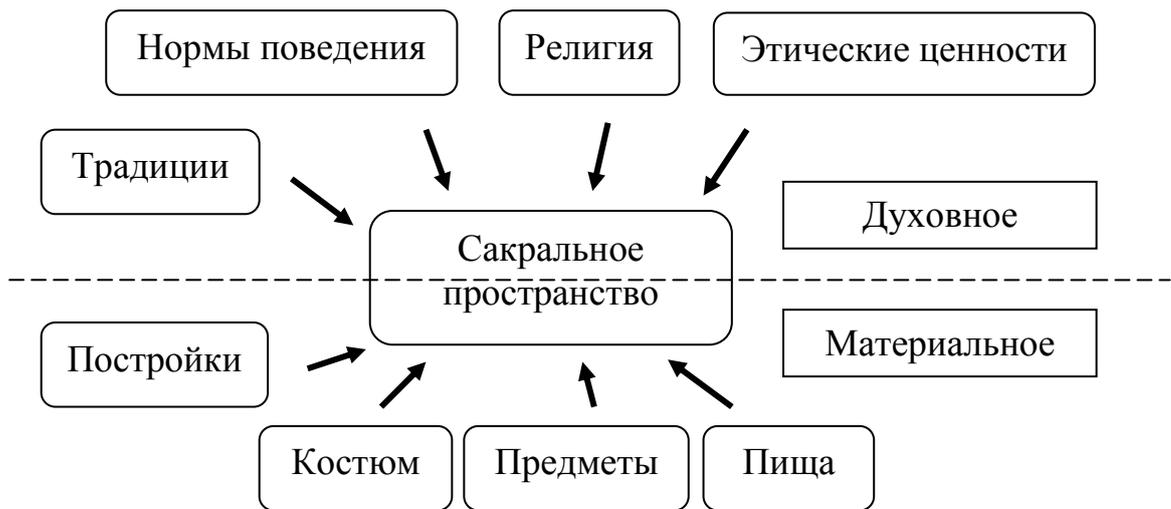

Рис. 4. Бинарная оппозиция «материальное/духовное»

Статичное/динамичное

Статика и динамика характеризуют диалектическое единство состояний покоя и его трансформации. Динамика культурного пространства характеризуется изменчивой структурой, трансформацией внутри пространства, его элементов через влияние извне (например, обряды, ритуалы, танцы, игры). В статичном состоянии пространство является законсервированным, передавая динамичное в статичной форме (например, мифы, легенды, сказки, песни) (рис. 5).

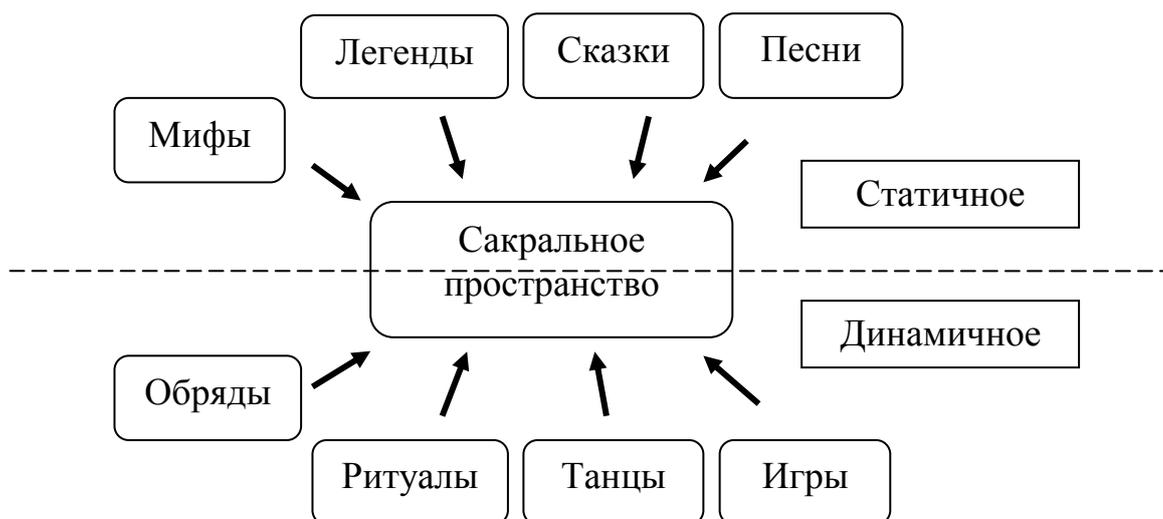

Рис. 5. Бинарная оппозиция «статичное/динамичное»

Свой/чужой

Данные понятия варьировались в зависимости от субъекта, его расположения. Маркером «своего» выступало все освоенное человеком пространство (например, дом), где он чувствовал себя защищенно, под покровительством божеств и духов, а также член семьи, рода и т.д. Маркером «чужого» выступало все не освоенное человеком пространство, за пределами «своего», а также человек, который не являлся членом данной семьи, рода, этноса. В данном случае «свое» воспринималось как нечто положительное, светлое, божественное, сакральное; «чужое» – как отрицательное, наделенное плохой, злой энергетикой, темное, потустороннее, находящееся под властью злых духов (рис. 6).

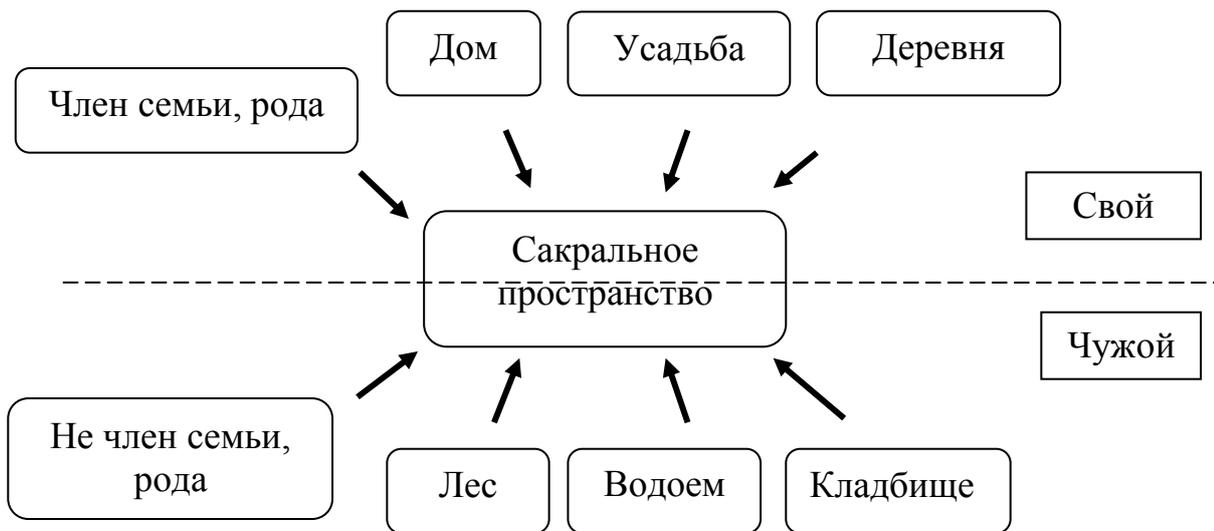

Рис. 6. Бинарная оппозиция «свой/чужой»

Мужское/женское

«Мужское» воспринимается как активное, прогрессивное, агрессивное, динамичное, доминантное начало в природе и культуре. В то время как «женское» является пассивным, темным, чувственным, подчиненным началом. «Женское» призвано к накоплению и сохранению генетической информации, а «мужское» – к ее изменению. В рамках такого проектирования моделей бинарная оппозиция «мужское/женское» пронизывает все сферы сакрального пространства и может быть представлена в логике системного моделирования как его особое измерение.

В этнической культуре данные оппозиционные начала не имеют четкой границы, они сосуществуют в сознании субъекта культуры. В древности человек не отделял себя от природы, он считал себя ее неотъемлемой частью, что обуславливало гармоничное единство сакрального пространства, в то время как современный человек уже оторван от понимания этнической культуры, ее смыслов бытия, естественного лона природы. Изменения условий существования человека, вхождение его в новое информационное пространство способствовали утрате многих этнических ценностей, накопленного духовного опыта, разрыву с прошлым. Культурные доминанты сакрального пространства могут выступить как объединяющее начало, но в новой своей сущности.

На основании вышесказанного следует отметить, что сакральное пространство этнокультуры представляет собой модус культурного мира во всем богатстве его проявлений. Культурологическое обоснование сакрального пространства через системное моделирование дает возможность осмыслить его в новой сущности и тем самым сохранить уникальность его многовековых духовных богатств (традиционное мировоззрение, религиозные верования, священные места и т.д.) в современном информационном мире.

Таким образом, изучение сакрального пространства традиционной этнокультуры позволило глубже осмыслить ее специфику и реконструировать многие этнокультурные процессы. Дальнейшее изучение данной тематики открывает достаточно широкие исследовательские горизонты в русле современного социогуманитарного дискурса.

1. Елисеева Ю.А. Методологические поиски современной культурологии: потенциал системного моделирования // Многообразие культурных миров: Научная школа профессора Н.И. Ворониной: монография / под общ. ред. проф. Н.И. Ворониной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011.

2. Зинченко В.П. Посох Осипа Манделъштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. 336 с.

3. Лобок А. М. Антропология мифа. Философский андеграунд. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1997.

4. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992.

5. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10–257.

6. Пространство и время культуры как хронотоп [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/hronotop.html> – (дата обращения: 10.12.2014).

П. В. Рокицкая

**Понятие личности в музыкальном искусстве
в эпоху Возрождения**

УДК 008+78

В статье рассматривается понятие личности художника в музыкальном искусстве эпохи Возрождения. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить общую картину музыкальной культуры и эстетики того периода. Большой интерес представляет в работе творчество композиторов и теоретиков К. Джезуальдо, О. Лассо, Иоанн де Грохео, оказавших существенное влияние на развитие музыкального искусства эпохи Возрождения.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, гуманизм, личность, *Ars nova*, К. Джезуальдо, О. Лассо, Иоанн де Грохео.

This article discusses the concept of the personality artist in musical art of the Renaissance. The article describes the overall picture of the musical culture and aesthetics of the period. Much attention is given to and is considered in the article of composers and theorists K. Gezualdo, O. Lasso, John de Groheo, have a significant impact on the development of musical art of the Renaissance.

Key words: Renaissance era, humanism, personality, *Ars nova*, K. Gezualdo, O. Lasso, John de Groheo.

Эпоха Возрождения, или эпоха Ренессанса, горячо обсуждается среди исследователей и теоретиков искусства как нашего, так и прошлого времени. Существует обширный список литературы, анализирующий данный вопрос.

Изначально термин «возрождение» возник как смысл Возрождения традиций античной культуры, утверждение новых идеалов, где происходит изучение и исследование памятников античной культуры,

как считал Галилей, «обновление современной музыки должно произойти посредством возрождения искусства древних» [3]. По мнению А.Ф. Лосева, эпоха «гуманизма» берет свои истоки из восточной культуры, плавно переходя к западной. Мы подробнее остановимся на Западном Возрождении. Согласно исследованиям Лосева, термин «Ренессанс» в точном смысле слова относится лишь к Италии XV и XVI вв., и «подлинная и основная эстетика Западного Ренессанса никогда не выступала в чистом виде. Её настоящие представители всегда, волей или неволей, оказывались выразителями и прежнего, вполне довозрожденческого эстетического сознания, а также и такого сознания, которое по-настоящему развивалось только в последующие века» [7, с.16].

Представители эпохи Возрождения считали человека – его благо и право на свободное развитие личности – высшей ценностью. Их отличало постоянное стремление к самопознанию, любознательность к себе и окружающему миру. Искусство в этот период становится неотъемлемой частью общественной жизни. Эпоха Ренессанса подарила огромное количество гениальных мастеров как в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре, скульптуре, так и в музыкальном искусстве, где появляется ряд различных национальных школ – итальянская, нидерландская, французская и др. Для мастеров той эпохи главной целью становится передача и изображение спокойной и идеальной красоты, поэтому они искали ее повсюду.

В середине XV в., когда в живописи происходит расцвет, музыкальная культура только начинает развиваться. Наиболее полно и ярко черты раннего Возрождения в музыке выявились в искусстве итальянского направления *Ars nova* XIV в., главным представителем которого был Франческо Ландини. В своем творчестве Франческо Ландини стремился сделать акцент на светское профессиональное искусство, где он основывается на народную песню, написанную на национальном языке, а не на латинском, так как именно латинский являлся основным литературным языком средневековья.

Итальянские представители той эпохи были вдохновлены мыслью показать всю тонкость и изысканность античного искусства. Прежде всего, это старались показать художники, архитекторы, скульпторы, но и музыканты пытались развить единую общую идею –

возрождение античных классических традиций. Однако в выражении гуманистической идеи в музыкальном искусстве вызывало некоторые сложности.

Одним из ярких представителей итальянского Возрождения в музыкальном искусстве можно по праву считать Карло Джезуальдо (род. примерно около 1560 – умер в 1562 г.), который родился недалеко от Неаполя. С юных лет Джезуальдо умел играть на различных инструментах и обладал неплохими вокальными данными.

Обращаясь к наследию композитора, необходимо отметить, что в его творчестве преобладает в основном вокальная музыка, и главным наследием являются мадригалы, впервые вышедшие в 1594 г. Им написано шесть пятиголосных мадригалов, предназначенных для светского общества, и две духовные книги – «Духовные песнопения» (*Sacrae cantiones*), «Респонсории». К сожалению, судьба «*Sacrae Cantiones*» была весьма сложной. Итальянский музыковед и композитор Гв. Паннаин, исследуя данное произведение, обнаружил, что не хватает двух партий: *bassus* и *sextus*. В 1954 г. И. Стравинский решил переложить мадригалы Джезуальдо для инструментов, но затем отложил свою идею, вернувшись к ним только в феврале 1960 г. В сочинении «*Sacrae Cantiones*» И. Стравинский дописал партии голосов к трем песнопениям, пытаясь как можно ближе приблизиться к стилю композитора: «когда я вписал в партитуру пять существующих партий, мной овладело непреодолимое желание дополнить гармонию Джезуальдо, смягчить некоторые шероховатости [...] сохранившийся материал послужил мне только отправным пунктом; исходя из него, я по новому восстановил (*recomposed*) весь мотет» [8, с. 213].

В своих мадригалах Джезуальдо обращался к текстам различных поэтов, некоторые из них неизвестны, есть также предположения, что сам композитор писал тексты на свои произведения. 14 сочинений были написаны на слова Тассо, 8 сочинений – на стихи Гварини, 6 сочинений – на тексты Гатти, Арлотти и на тексты неизвестных авторов.

Карло Джезуальдо одним из первых стал вводить новшества в гармонию, используя диатонику и хроматику в своих мадригалах. Автор пытался предельно точно передать смысл текста. В своем хроматическом мадригале композитор использует следующие слова:

Ты меня убиваешь, жестокая, любви безжалостная убийца,

И хочешь, чтобы я умирал не жалуясь...

Данные строки очень характерны для той эпохи. В словах, смысл которых был связан с трагическими переживаниями, со страданием и смертью, композитор старался использовать хроматику, а там, где речь шла о радости, использовал диатонику. В своей книге Н.О. Казарян пишет: «Все темы радости [...] имеют единый музыкальный строй, выраженный в подвижном характере, ясном диатоническом кружеве имитаций, в единоладовости, консонантности, поступенности, обильной вокализации. Все темы страдания [...] также выдержаны в едином ключе: хроматические полутоновые интонации, ходы на уменьшенные и увеличенные интервалы – намеренно невокальные, подчас со скачками в пределах колючих септим и ион, остродиссонирующие аккорды, неприготовленные задержания, соединение далеких (3,5,6 знаков) гармоний» [4, с. 34].

В сочинениях композитора хроматизм становится одним из главных средств воплощения чувств его творческой индивидуальностью. Карло Джезуальдо по праву можно считать новатором в области стилистики и гармонии, использовавшим новые образы в итальянских мадригалах. По-новому Джезуальдо использует не только гармонию, но и мелодию. Т. Ливанова пишет: «склад мелодии [...] зависит от новых музыкально-поэтических задач, диктующих композитору то смело драматический возглас, то интонации страстной скорби или нежной томности увядания, то взрыв отчаяния, то мольбу о пощаде ... Джезуальдо остро индивидуализирует интонационный склад мелодии, столь непохожей у него на мелодическое развертывание, типичное для полифонии строгого стиля» [7, с. 222].

Современники Джезуальдо опирались в основном на канонизированные церковные напевы или мелодии популярных мелодий, композитор же стремился индивидуализировать свой тематизм в мадригалах, начиная свои произведения с драматичных возгласов. В произведениях Джезуальдо ярко выражается глубина переживаний того периода – страдания, любовь, трагизм и пр., которые отличаются особым музыкальным языком, где сосредоточено «столько необычности и видимой противоречивости, причем культивируемых совершенно сознательно» [3].

Волна трансформации в области музыкального искусства происходит и в других странах Европы: Испании, Чехии, Англии, Польше, но более широкое распространение направление *Ars nova* получило во Франции. Так, по мнению зарубежных музыковедов, на смену периоду *Ars nova* во Франции приходит новое направление – период маньеризма, или «изысканного искусства», – *ars subtilior*. А.Ф. Лосев пишет: «Сущностью маньеризма в эстетике Ренессанса является та рефлексия над искусством, которая уже ставит вопрос о соотношении творящего субъекта и сотворенного объекта. В основном проблема эта решается в духе обще-возрожденческого неоплатонизма: божество мыслит и потому имеет идеи; в чистейшем виде эти идеи отражены у ангелов; в более сложном и материально-чувственном смысле эти идеи даны в человеке и бессознательно – в природе; человек мыслит и творит на основании чувственных данных, констатируя и проверяя их при помощи данных ему от бога и потому прирожденных внутренних форм» [7, с. 454]. На первый план в тот период выходит идея отношения личности к материи. Главной эстетической идеей маньеризма является «субъективная внутренняя идея художественного образа, рождающаяся в душе художника» [2]. Представители данного направления обращаются к произведениям искусства великих мастеров (например, Рафаэля или Микеланджело) и по-своему трактуют «гармоничное начало, культивируя представления об эфемерности мира и шаткости человеческой судьбы, находящейся во власти иррациональных сил» [2].

Музыкальная культура Франции в эпоху Возрождения связана с именами таких известных композиторов, как Гийом де Машо, О. Лассо, Я. Обрехт Г. Дюфай, Й. Окегем, Ж. Депре. Наиболее значимой фигурой того периода из всех перечисленных имен был Орландо Лассо (Ролан де Лоссю) (род. около 1532 – умер 1594). Его богатое творческое наследие включает в себя около двух тыс. произведений. Основными сочинениями в его творчестве являются мессы, мадригалы, шансоны, псалмы, мотеты. Композитор часто обращался к поэзии античного искусства – Вергилия, Горация, но и использовал тексты поэтов своего времени – Ф. Петрарки, Л. Ариосто, Т. Тассо, П. Ронсаре, Ж. Дю Белле, Ф. Вийона. Его произведения являются вершиной в области старинной полифонической музыки, где он смог использовать

сложную по технике полифонию и «прозрачную» фактуру, позволяющую хорошо услышать богослужебный текст. В своих сочинениях О. Лассо мастерски сочетает протестантский хорал с любовной лирикой, морализирующий мотив – с сатирой.

О. Лассо был великим полифонистом, в своих произведениях композитор по-новому показывает тематизм в данной форме, как пишет Т. Ливанова, «в стремлении преодолеть его отвлеченность, его внеличный характер, внес в него [тематизм] многообразие, непосредственно сблизил его с реальными звучаниями жанрово-бытового круга, конкретизировал, освободил от типов мелодического движения, принятых в строгом стиле» [7, с. 259].

В творческом наследии композитора преобладают в основном произведения вокального жанра а capella, где «в них самих зачастую заложено потенциально инструментальное начало – их фактура не ограничена вокальным складом» [6]. О. Лассо опирался на традиционный жанр того времени – жанр мессы, обращаясь к различным первоисточникам, композитор в своих двадцати мессах применяет как свой материал, так и материал различных композиторов, таких как Палестрина, Киприан де Роре, Сертоно, Клеменс-не-Папа, Сермизи и др. В творчестве О. Лассо в основном преобладают четырехголосные и пятиголосные мессы, меньше всего композитор пишет шестиголосные мессы и восьмиголосные. По своей форме мессы кратки – от двадцати до сорока тактов, в дальнейшем О. Лассо расширяет форму цикла, но старается не применять длинные ноты.

Фактурное изложение в мессах О. Лассо весьма богато, в них показываются все стороны полифонического мастерства, композитор чаще всего использует полнозвучный аккордовый склад.

О. Лассо – один из ярких представителей нидерландской школы, завершающий историю полифонической школы. В его творчестве прослеживается влияние итальянских мастеров-полифонистов, где происходит слияние нидерландских и итальянских стилей.

В XIV в. появляется трактат о музыке, написанный теоретиком Иоанном де Грохео (или Жан де Груши), рассматривающий яркую картину французской музыкальной жизни. В своем труде автор писал: «Те, кто склонен рассказывать сказки, говорили, что музыку изобрели музы, около воды обитавшие. Другие говорили, что она изобретена

святыми и пророками. Но Боэций, человек значительный и знатный, придерживается других взглядов... Он в своей книге говорит, что начало музыки открыл Пифагор. Люди как бы с самого начала пели, так как музыка им от природы врождена, как утверждают Платон и Боэций, но основы пения и музыки были неизвестны до времени Пифагора...» [цит.: по 5].

В своем трактате автор также рассуждает о социальной значимости музыки, влиянии ее на чувства субъекта. Так, теоретик классифицирует по-своему музыку и разделяет её на три категории:

- простая, или гражданская;
- мензуральная, сложная, или ученая;
- церковная.

Автор труда считает, что народная музыка выполняет «психотерапевтическую функцию, облегчая жизнь простых людей, набирающих духовных сил благодаря музыкальным повествованиям о деяниях героев и мучениях первых христиан» [1, с. 167].

Эстетика эпохи Возрождения по-новому трактует сущность музыки в данную эпоху и по-новому рассматривает саму личность художника. Исследователи той эпохи считали, что необходимо объединение теории и практики, и обладателем данного тождества, по мнению теоретиков, является художник – музыкант и композитор.

Эстетика эпохи Возрождения делает большой акцент именно на воспитании и образовании человеческой личности художника. Так, В.П. Шестаков считает: «Теоретики Возрождения считают, что композитору следует обладать широкими естественно-научными представлениями. Его эстетические суждения об инструментальной музыке должны базироваться на знании математической и акустической природы музыки, его оценка вокальной музыки – на знании грамматики, диалектики и риторики, на изучении древних языков. С другой стороны, композитор-теоретик должен владеть практикой музыкального исполнения, суметь на слух определить разницу между различными ладами или тональностями» [9].

Эпоха Ренессанса оказала сильное воздействие на музыкальное искусство западноевропейских стран с ее гуманистическим влиянием на субъект. Главной идеей эпохи становится воспитание и изучение

глубоких чувств личности, что, в свою очередь, помогло раскрыть и реализовать сильные свойства музыкальной специфики.

Вследствие изменения взгляда на сущность музыки в эпоху Возрождения по-новому начинает рассматриваться и личность самого художника. Исследователи той эпохи считали, что художнику необходимо было обладать единством теории и практики, а также единством, а также единство искусства и науки.

1. Акопян К.З. Мировая музыкальная культура. Творчество, исполнители, слушатели. М.: ЭКСМО, 2012.

2. БСЭ [Электронный ресурс]: URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/106536/Маньеризм>

3. Григорьева М.А. Античные идеи в музыке Итальянского Ренессанса. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.21israel-music.com/Renessans.htm>

4. Казарян Н. О мадригалах Джезуальдо // Из истории зарубежной музыки. М.: Музыка, 1980. Вып. 4.

5. Киле П. Музыка эпохи Возрождения. URL: <http://www.renclassic.ru/Ru/34/666>

6. Ливанова Т.Н. История западноевропейской музыки до 1789 года (Эпоха Возрождения). М.: Музыка, 1983.

7. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978.

8. Стравинский И.Ф. Диалоги. Л.: Музыка, 1971.

9. Шестаков В.П. Музыкальная эстетика эпохи Средневековья и Возрождения. URL: <http://lib.vkarp.com/2013/05/28/шестаков-в-п-музыкальная-эстетика-сре/>

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ю. П. Шабает

Этнополитология и этнополитика в современной России: теория и политические практики

УДК 32.001

В России, где проживает большое количество самых разных этнических групп, этничность является не только неким символическим и культурным ресурсом, но и ресурсом политическим. Более того, в последние два десятилетия политизация этничности приобрела значительные масштабы. В стране сформирована достаточно основательная законодательная база, регулирующая взаимодействие между государством и этническими группами, оформилась доктринальная основа этнополитики. Но между доктринальным уровнем, институтами этнополитики и политическими практиками нет достаточно продуманных и необходимых связей, а уровень этнополитической и правовой подготовки чиновников, занятых регулированием отношений между государством и этническими группами, весьма низок.

На основании собственного опыта исследований и преподавательской практики, автор указывает на то, какие акценты необходимо сделать при построении названного учебного курса и обосновывает необходимость изменения статуса дисциплины, а также этнополитологической подготовки кадров управленцев, занятых реализацией государственной национальной политики/этнополитики.

Ключевые слова: этнополитология, этнополитика, этничность, идентичность, мультикультурализм, государство.

Yu.P. Shabayev. mEthnopolitology and ethnopolitics in modern Russia: theory and political practice

In Russia, where a large number of different ethnic groups, ethnicity is not only a kind of symbolic and cultural resources, but also a political resource. Moreover, in the past two decades, the politicization of ethnicity has become a considerable scale. In a country formed quite thorough legislative framework governing the interaction between the government and ethnic groups, was formed doctrinal basis of ethnic policy. But between the doctrinal level, institutions of ethnic policy and political practice is not enough thoughtful and necessary links, and the level of ethno-political and legal training of officials engaged in the regulation of relations between the state and ethnic groups is very low.

Based on our experience in building called the course of research experience and teaching practice, the author points out, what emphasis should be named in the construction of the course and the necessity to change the status of the discipline, as well as etnopolitologicheskoy training managers involved the implementation of state policy, to national / ethnic policy.

Key words: *Ethnopolitology, ethnic policies, ethnicity, identity, multikulturalizm, state.*

Введение

Прошедший 18 сентября 2014 г. референдум о независимости Шотландии, споры вокруг легитимности аналогичного референдума, состоявшегося в том же году в Каталонии, неприятие большинством стран мира референдума, приведшего к отделению от Украины Республики Крым, громкие заявления о крахе мультикультурализма, которые слышатся из уст западных лидеров и одновременный рост влияния в Европе националистических, а на Ближнем Востоке и в Африке исламистских движений – все эти события являются явным свидетельством крайней актуализации этнополитических проблем в современном мире.

При этом как на Западе, так и в России перед исследователями стоят во многом общие проблемы, поскольку поликультурность и поликонфессиональность являются неизбежным атрибутом сложносоставных обществ и стран, вовлеченных в глобальное хозяйство, глобальные рынки и глобальную культуру.

Разница лишь в том, что в одном случае поликультурность и поликонфессиональность соперничают с идеей гражданской нации и

принципом солидаризма, которые являются идейной основой демократически организованных сообществ, а в другом – актуализация культурной отличительности делает еще более сложными попытки перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии, строительству гражданской нации, которое осуществляется не путем диалога между социальными и культурными группами, между ними и государством, а главным образом за счет усилий бюрократии.

Политизированная этничность в России

В последние годы в России шли активные и бесплодные дискуссии по поводу государственной идеи и государственной идеологии, но одновременно из массового сознания усилиями политиков разного уровня «вымывались» идеи толерантности (в советской версии – интернационализма), гражданской солидарности и гражданского единства (в советской версии – единого советского народа) и, наоборот, активно навязывалась этничность. Население отдельных регионов и российский социум в целом не рассматривались политиками и различными антрепренерами (включая этнических антрепренеров) как целостные гражданские сообщества, но представлялись лишь как некая сумма этнических групп, имеющих разные исторические судьбы и специфические культурные ценности.

Мобилизованная этничность находила отражение в политических практиках региональных властей и закреплялась в законодательных актах, декларациях этнополитических организаций, нередко носивших откровенно дискриминационный характер, а порой близких к расизму. Стремление вольно или невольно противопоставить одни этнические общины другим, доказать уникальность и несхожесть культур этнических сообществ логически не только вело к усилению внимания к их культурной самобытности, но и порождало интолерантность, усиливало эрозию гражданской солидарности россиян.

Политизированная этничность и отсутствие целенаправленной политики по укреплению гражданских идеалов в совокупности и создали ту «питательную среду», которая породила всплеск ксенофобии, интолерантности, бытового расизма, а нередко и откровенного фашизма, борьбу с коим пытаются организовать, тиражируя антифаши-

стские/антирасистские комитеты и декларации. Неосведомленность политических менеджеров, общественных активистов и самой общности о границах и допустимых пределах политизации этничности проистекает из того, что в стране нет действенного этнологического и особенно этнополитического образования. Самым показательным примером может являться трактовка понятия «национальность». Во всем мире это понятие является синонимом гражданства, в России со времен СССР – синоним «этнической принадлежности». Отвергнув еще на закате горбачевской перестройки концепт советского народа как политической общности, российская политическая элита ничего не предложила взамен. Точнее, взамен, как и после большевистского переворота 1917 года, был предложен этнический национализм. «В этническом национализме, «национальность» становится синонимом этничности, – как пишет Л. Гринфельд, – а национальная идентичность часто понимается как отражение или осознание «примордиальных» или наследственных групповых характеристик, компонентов этничности, таких как язык, обычаи, территориальная принадлежность и физический тип» [51, р. 2].

Концепт нации-этнуса положен в основу идеологических конструкций почти всех этнополитических (которые принято называть «национальными») движений в России и взят на вооружение многими политиками. Важно заметить, что абсолютизация этнических оснований региональных сообществ, ориентация на принцип крови в политической жизни способствуют стиранию тонкой грани между идеями культурной самобытности (культурного самоопределения) и расизмом. Так называемый новый расизм не придает основное значение физическим различиям между людьми, а концентрирует внимание именно на культурном/национальном характере и уникальности культурных сообществ [52, р. 255], а следствием такого подхода становятся политические проекты, призванные разделять политические интересы этнических и расовых общин.

Такой проект уже имел место в политической практике финно-угорского движения: в итоговых документах I съезда АФУН (Ассоциации финно-угорских народов России), состоявшегося в 1992 г. в Ижевске, было записано предложение добиваться того, чтобы в региональных парламентах «финно-угорских регионов» одна из палат

формировалась исключительно из представителей титульных этносов, т. е. по принципу крови [22, с. 251]. Сходный проект пытались реализовать в ЮАР после 1983 г., когда начался закат эпохи апартеида, а парламент страны начали реформировать под давлением мирового сообщества и создали там палаты для белых, для цветных и для индийцев [17]. Естественно, что подобная форма представительства не удовлетворила критиков апартеида, поскольку разделение расовых и этнических групп лишь облекалось в новую форму.

Следует иметь в виду и то, что идеологи этнополитических движений в своих программных документах последовательно «вычлениют» этнические сообщества из гражданской общности россиян и противопоставляют этничность гражданству [48]. Восприятие этнических общностей как неких культурно изолированных от остального населения государства образований приводит к следующему логическому шагу: эти сообщества становятся в политических конструкциях этнических антрепренеров экстерриториальными, и их пытаются воспринимать как органическую часть более крупных внегосударственных культурных сообществ, конструируемых по лингвистическому или религиозному признаку. Примерами такого рода квазисообществ являются «арабский мир», «тюркский мир», «славянский мир» и так называемый финно-угорский мир, последний из которых как этнополитический проект появился лишь в конце XX в., т. е. тогда, когда другие аналогичные паннационалистические проекты уже, очевидно, изжили себя. Идеологи этнонациональных движений финно-угров (шире – уральцев) заявляли неоднократно о необходимости «воссоздания» такого мира, а сегодня утверждают, что финно-угорский мир стал реальностью.

Для конструирования общего финно-угорского пространства с 1992 г. проводятся Всемирные конгрессы финно-угорских народов (к примеру, первый Всеславянский конгресс был проведен в Праге в 1848 г.), финно-угорские фольклорные фестивали, съезды финно-угорских писателей, фестивали финно-угорских театров и т. д. Более того, этнизируются те сферы общественной жизни, которые всегда были вне этнических традиций. Стало создаваться этническое искусство (в основном изобразительное), проводятся этнические спортивные турниры (хотя спорт должен по своему предназначению сбли-

жать народы, а не разделять их на культурные группы), на которые спортсменов отбирают по принципу крови, приобрели популярность этнические конкурсы красоты, на которых главными являются не универсальные каноны женской красоты, как на конкурсах «Мисс мира» или «Мисс вселенная», а приверженность этническим традициям (как и на конкурсах «Мусульманка мира», где главным критерием является приверженность религиозной традиции), проводятся конференции финно-угорских журналистов, хотя жанр журналистики универсален... Во всех так называемых финно-угорских республиках (где финно-угры составляют меньшинство населения) РФ, равно как и в Венгрии, Эстонии и Финляндии, стали каждую осень праздновать Дни родственных народов, призванные подчеркнуть культурную общность финно-угров. Получалось, что культурная близость между народами России, которая складывалась веками, менее очевидна, чем между финнами, венграми, эстонцами, с одной стороны, и коми, карелами, удмуртами, марийцами, мордвой, хантами и манси – с другой.

Не менее показательны и идеологические конструкции татарского национального движения. Как и идеологи финно-угорского движения, татарские идеологи полагали, что национальные организации следует рассматривать как некую параллельную власть. Созданный в 1991 г. Милли Меджлис (а точнее, воссозданный, ибо первый подобный орган был сформирован в ноябре 1917 г.) был объявлен высшим представительным органом татарского народа, выполняющим эту функцию между Всетатарскими народными курултаями, и было заявлено, что он обладает правом отмены законов и указов президента Татарстана.

Идеологической платформой Милли Меджлиса стал разработанный с мая 1994 г. по начало 1996 г. документ, получивший название «Татарского канона» (принят 20 января 1996 г.). В «Татарском каноне» мир делится на три части: Запад, Восток и Евразию. В данном геополитическом трактате Запад (или «западная цивилизация», «иудаистско-христианский мир») оценивается как цивилизация, в основе которой лежит латинско-католический образ жизни. Восток опирается на мистико-трансцендентальные духовно-этнические ценности, на которых и базируется восточный образ жизни. Евразия (территория бывшего СССР) с точки зрения конфессиональной маркируется

как православно-исламское, а с точки зрения этнической – как тюрко-славянско-финно-угорское духовно-этническое пространство. Авторы «Татарского канона», признавая, что среди татар велика доля людей, ориентированных на Запад, признают «правоверными татарами» (кануни татар) только тех, кто живет, опираясь на «Коран, Сунну, Хадисы, законы шариата; на прошедшие вековую проверку обычаи и обряды тюрков»... Именно из таких татар и должны состоять органы национального управления, которые будут вырастать снизу, из глубин народа. А ориентация современного Татарстана и татар должна быть однозначной – тюрко-исламский мир. При этом радикалы рассматривают Канон как своеобразную «Конституцию татарского народа», т.е. основополагающий документ, фиксирующий политический выбор этнического сообщества [10].

Особая роль в консолидации татар, в формировании идеологии татарского движения и в культурном позиционировании татар принадлежит Всемирным татарским конгрессам. Конгрессы становятся своеобразным инструментом (одним из них) закрепления особого статуса Татарстана в рамках Российской Федерации, инструментом идеологического обоснования того, что «геополитические приоритеты Татарстана никак не могут выстраиваться в узких рамках русско-православной Евразии», что политические притязания его политической элиты требуют сохранения «особого акцента на общетюркские и мусульманские начала своей культуры и идентичности» [10, с. 90]. По мнению И. Мирсияпова, «"Всемирный конгресс татар" является вторым по своему значению центром после национального государства – Республики Татарстан, который выполняет фундаментальную консолидирующую роль в жизни всемирного татарства, является фактором роста национального самосознания и стремления к национальному единству» [13, с. 141].

Оценивая деятельность и сущность подобных конгрессов, директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков заявил следующее: «Всемирные» этнические съезды, а также «казачьи круги» и прочее есть порождение ослабевшей государственной власти и кризиса гражданской идентичности. Это своего рода квазигосударственность, когда не хватает собственно государственности в строго гражданском понимании» [27].

Другой попыткой формирования квазигосударственных институтов является активно дискутировавшаяся активистами этнонациональных организаций малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока идея создания в России Парламента коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Идея такого парламента не получила поддержки в политических кругах России и трансформировалась в идею создания при Государственной Думе Общественной палаты по делам коренных малочисленных народов Российской Федерации [23].

Все вышеназванные организации так или иначе вычленяли народы, которые они представляли, из политического и культурного ландшафта России. Порой это было оговорено в идеологических конструкциях, порой сама логика политической деятельности данных организаций способствовала такому «вычленению».

И идеологическая дистрофия политической элиты России (ее этнополитическая близорукость), и усилия этнополитических организаций по этнической сегментации российского общества привели в итоге к кризису гражданской солидарности в стране и самой этнополитики.

Постсоветская этнополитика и этнополитические институты

За постсоветский период в федеральной и региональной государственной национальной политике (этнополитике) сложились три основных подхода, на основе которых формируется законодательная база и политические практики, призванные регулировать отношения между государством и этническими сообществами: *алармистский, лоялистский, интеграционистский*. В политической практике каждый из этих подходов имеет право на существование, но между ними необходимо было найти некий разумный баланс, который пока не найден. Анализ деятельности управленческих структур в субъектах РФ убеждает, что этнополитика в основе своей опирается только на два первых подхода.

Алармистский подход – это констатация угрозы сохранению культурной отличительности групп и разработка комплекса мер, призванных обеспечить сохранение культурных границ между группами с помощью различного рода мер, включая меры защиты

образа жизни, территорий традиционного природопользования, а также преференции, предоставляемые представителям этнических меньшинств, культивирование культурных отличий и культурных иерархий, способствующих, с одной стороны, сохранению культурной самобытности местных сообществ, но одновременно «работающих» на усиление культурных дистанций между культурными группами.

Лоялистский подход – это демонстрация лояльности власти и общества к культурному многообразию России и публичные формы пропаганды этого многообразия.

Интеграционистский подход опирается не на идею отличий, а на идею общности, а потому в его основе должны лежать механизмы, способствующие укреплению общероссийской идентичности и гражданской солидарности россиян.

Поскольку баланса между названными подходами в реальной политической практике до сих пор нет, постольку этнополитика на местах нередко выглядит не как долгосрочная и продуманная стратегия, а как своеобразная форма реагирования региональных властей на текущую ситуацию, на решение частных проблем, удовлетворение претензий, возникающих со стороны этнических антрепренеров и организаций. Подобное положение дел, с одной стороны, не позволяет реализовывать долгосрочные стратегии (в частности, стратегию формирования общероссийской идентичности), а с другой – дает основания радикально настроенным активистам этнонациональных движений утверждать (особенно в социальных сетях), что в России нет реальной государственной национальной политики.

При этом следует признать, что региональная этнополитика находится под значительным влиянием именно этнических антрепренеров, чьи интересы и намерения далеко не всегда совпадают с интересами общества и государства. Этнические антрепренеры в массе своей являются проповедниками алармистских идей, поскольку они рассматривают этнокультурные процессы, происходящие на территории проживания своих народов, не как естественное межкультурное взаимодействие, следствием которого становится формирование все более унифицированных форм поведения и культурного потребления, а не-

редко как культурный апокалипсис, итогом которого станет/становится «вымирание» народов [44]. В другом алармистском сценарии этнические сообщества, которым объективно не грозит ассимиляция, пытаются маркировать как народы-жертвы, в отношении которых допущена историческая несправедливость и которые должны получить за них экономические, политические и культурные «компенсации» [15].

Региональные политические институты и лидеры, конечно, не могут взять на себя ответственность за «вымирание народов», а поэтому они вынуждены поддаваться давлению этнических антрепренеров и плодить все более многочисленные фольклорные фестивали, создавать различные этнокультурные центры, декоративные этнические деревни и парки, спонсировать проведение многочисленных этнических съездов и конференций, демонстрируя лояльность титульным этническим группам (но реально лишь этническим антрепренерам) и изымая тем самым из бюджетов регионов ресурсы, которые с успехом можно было бы потратить на строительство новых школ в районах с компактным проживанием этнических меньшинств, на создание в этих же районах эффективных производств, на строительство жилья, т. е. на решение актуальных местных проблем.

Анализируя современную российскую этнополитику как таковую, важно учитывать и логику работы органов регионального управления. Во многих регионах созданы специальные ведомства, которые по своим функциональным обязанностям должны нести ответственность за реализацию государственной национальной политики. Для того чтобы отчитываться перед региональными властями и московскими кураторами, им *необходимо иллюстрировать свою деятельность перечнем конкретных мероприятий, осуществленных за отчетный период, – мероприятий зримых и очевидных*. При этом важно заметить, что кропотливая, последовательная, но малозаметная работа по формированию российской идентичности зримым достижением быть не может, а различные фольклорно-фестивальные мероприятия, часто демонстрирующие не столько многообразие культур, сколько культурную отличительность и культурные границы внутри российского социума, есть очень удобная форма отчета, которая удовлетворяет чиновников в регионах и федеральном центре. Бюро-

кратическая традиция заставляет не только «визуализировать» национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках, что никак не помогает решать *наиболее сложные проблемы реальной этнополитики*.

Что относится к данным проблемам? Очевидно, что в числе таких следующие:

1. Профессиональный анализ этнокультурных и социально-экономических процессов на региональном уровне и принятие на основе этого анализа *комплекса управленческих решений*, обеспечивающих социальное благополучие местных культурных групп и исключаящих совмещение этнической топографии с топографией бедности и неблагополучия.
2. Мониторинг и профилактика межэтнической и межконфессиональной конфликтности.
3. Интеграция российских регионов в единое экономическое и политическое пространство, формирование российской *гражданской нации* как основы российской государственности с помощью целенаправленной интеграционной политики в центре и на местах.
4. Укрепление культуры толерантности, воспитание гражданской солидарности, формирование общероссийской идентичности.
5. Защита культурных прав граждан и удовлетворение их культурных интересов.

В региональных моделях этнополитики, а особенно в региональных политических практиках, как правило, нет четкой ориентации на решение названных проблем, хотя концептуальные документы в области государственной национальной политики во многих регионах и прежде всего в республиках официально утверждены.

В связи с этим возникает противоречивая ситуация: на общем доктринальном уровне есть понимание проблем этнокультурного развития страны и ее регионов, сформулированы стратегические цели в области этнополитики, а общественная практика демонстрирует устойчивое *воспроизводство ксенофобских и интолерантных настроений* в местных сообществах, а нередко и усиление межэтнической конфликтности (чаще всего латентной). Свидетельством неблагополучия в области регулирования отношений между этническими группами являются события, которые имели место в городе Кондопоге в Республике Карелия, городе Пугачеве в Саратовской области, на Манежной площади Москвы, в московском районе Бирюлево и многих

других местах. При наличии сформированной в последние годы серьезной законодательной базы, институтов, отвечающих за реализацию этнополитики, общего понимания значимости этого направления у политического руководства страны, межэтнические конфликты не только не предотвращаются, но, наоборот, приобретают системный характер. Возникает закономерный вопрос: с чем это связано, насколько эффективно действуют региональные институты этнополитики?

Эффективность таких институтов можно продемонстрировать, если отвлечься от политических концепций и формальных программ «совершенствования межнациональных отношений» и обратиться к рассмотрению конкретных ситуаций, которые требуют оперативного вмешательства институтов этнополитики, принятия действенных решений, которые бы позволяли разрешать имеющиеся проблемы и снижать потенциал конфликтности как на местном, так и на общерегиональном уровнях. Здесь у нас нет места для глубокого анализа подобных ситуаций, поэтому мы сошлемся на наши последние публикации, в которых подобный анализ присутствует. Этот анализ показывает, что ни оперативности, ни глубины понимания как конфликтных ситуаций, так и очевидных проблем, которые стоят перед культурными группами, у чиновников, которые сегодня заняты реализацией региональной этнополитики и из которых формируются региональные институты этнополитики, нет [42; 46; 47; 48]. Кадры этих институтов плохо подготовлены для реализации этнополитики, а сами они являются некими неустойчивыми и часто неконсолидированными структурами, о чем свидетельствует опыт их функционирования в России.

Становление современных институтов этнополитики в РФ

Проблема формирования моделей этнополитики, создания механизмов их реализации и институтов, которые будут формировать и совершенствовать эти механизмы, стала очевидной еще в конце 1980-начале 1990-х гг., когда на политическую арену вышли многочисленные этнополитические организации, объявившие о стремлении к «возрождению» народов, интересы которых они намеревались отстаивать. Как на федеральном, так и на региональном уровнях нача-

лось формирование неких управленческих структур, сферой ответственности которых должна была быть региональная этнополитика.

В 1989 г. в структуре российского правительства был образован Государственный комитет по национальным вопросам, переименованный в 1990 г. в Государственный комитет по делам национальностей, а в 1991 г. – в Государственный комитет по национальной политике (с марта 1993 г. – Государственный комитет по делам Федерации и национальностей). В январе 1994 г. комитет был преобразован в Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ). В 2001 г. Миннац был упразднен. С декабря 2001 г. по март 2004 г. министром («без портфеля») по вопросам межнациональных отношений был В.Ю. Зорин. В 2004 г. вопросы межнациональных отношений были переданы в Министерство регионального развития Российской Федерации, в котором образован специальный департамент [29]. Наконец в сентябре 2014 г. Минрегионразвития был упразднен, а функции регулирования межнациональных отношений переданы в Минкультуры.

Аналогичные федеральным управленческим структурам, что вполне логично, еще ранее стали появляться в российских республиках. Так, в 1991 г. был создан Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете министров Республики Карелия, в 1993 г. был создан Государственный комитет по делам национальностей в структуре правительства Коми, в 1995 г. Комитет по делам национальностей появился в Удмуртии и в структуре правительства Мордовии. В Республике Марий Эл, как и во многих других регионах, департамент по делам национальностей был создан в составе Министерства культуры, а само это Министерство стало именоваться Министерством культуры и по делам национальностей. В Башкирии нет специального министерства, а государственную национальную политику курирует управление общественно-политического развития администрации Главы РБ.

В областях институты этнополитики начали возникать позднее и, как правило, не являлись самостоятельными структурами.

На пике активности этнонациональных движений в 1990-е гг. статус и значение институтов этнополитики постепенно повышался.

Так, в Коми Комитет по делам национальностей был преобразован в Министерство национальной политики.

Инициировавшие создание региональных институтов этнополитики этнонациональные движения и организации выступали в качестве основных контрагентов данных институтов, и не случайно при Министерствах в национальных республиках и при областных администрациях создаются Советы национально-культурных автономий и объединений. В Коми при Министерстве национальной политики такой совет был создан в 1997 г.

В Архангельской области, к примеру, Совет национальностей Архангельской области, объединяющий представителей 13 национально-культурных автономий, был сформирован в 1999 г. Главной его целью являлась организация межкультурного диалога. Совет выступает организатором и координатором таких мероприятий и акций, как визиты официальных представителей бывших республик СССР в Архангельск, фестивали музыки композиторов зарубежных стран, национальные праздники (например, еврейский Суккот, татарский Сабантуй и др.). При его содействии в 2008 г. открылся еврейский общинный центр, в 2010 г. заложен первый камень под строительство синагоги, а мусульмане Архангельска добились возвращения в собственность исторического здания мечети. С 2009 года при поддержке Правительства Архангельской области проводятся Межнациональные форумы. Но, как правило, названные форумы носят сугубо декоративный, формальный характер и не оказывают влияния на культуру повседневной толерантности. Примером может служить хотя бы факт выселения из Архангельска группы цыган, прибывших туда из Волгограда и построивших на окраине города полтора десятка домов. При поддержке мэра города в 2006 г. начался сбор средств на организацию выселения. Это движение поддержали местные депутаты, общественность, а голосов протеста не раздавалось. В том числе и из уст лидеров национально-культурных автономий [37, с. 15–16].

Институты этнополитики, активно участвующие в официально одобренных акциях, нередко самоустраиваются от участия в разрешении действительно сложных межэтнических коллизий или местных проблем, связанных с решением насущных вопросов, влияющих на жизнь локальных культурных групп. Подобная ситуация во многом

связана с неформальным характером компетенций и сферой ответственности институтов этнополитики.

Сфера компетенции и организационная структура

Ссылаясь на Концепцию государственной национальной политики 1996 г. и «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации...» [25], принятую в 2012 г., можно утверждать, что сфера компетенций институтов этнополитики должна быть довольно широкой. Однако практика показывает, что в сфере компетенции региональных институтов этнополитики оказалось именно взаимодействие с национальными объединениями, организация различных фольклорно-фестивальных мероприятий, конференций довольно узкая сфера деятельности, связанная прежде всего с культурным развитием и образованием или теми областями, которые являются объектами управления региональных департаментов культуры и образования, т. е. возникло дублирование функций управленческих структур.

Сами же институты этнополитики часто не выделены в самостоятельные структуры, не имели достаточных финансовых ресурсов, не определили четко сферу своих компетенций и функций.

Так, в Архангельской области проблемами национальной политики занимается Министерство по развитию местного самоуправления, курируемое заместителем губернатора по региональной политике. Хотя оно создает различные целевые программы, но не обладает ни квалифицированными кадрами в сфере этнополитики, ни достаточными финансовыми ресурсами, а его деятельность не опирается на ясную и глубоко обоснованную стратегию региональной национальной политики. В Ненецком автономном округе этнополитика «разорвана» двумя ведомствами – Управлением коренных малочисленных народов Севера и Управлением внутренней политики. В Пермском крае создано специальное Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, которое решает все вопросы, связанные с его развитием. Но, собственно, этнополитикой ведает Отдел этнокультурной политики, само название которого вполне определенно свидетельствует о довольно узкой направленности его деятельности.

В Мурманской области обеспечением защиты прав коренных малочисленных народов, проблемами их социально-экономического развития занимается с 2010 г. Комитет по взаимодействию с общественными организациями и делам молодежи Мурманской области, а в 2011 г. в дополнение к нему создана рабочая группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений при правительстве области. С 2009 г. действует Совет по коренным малочисленным народам Севера при областном правительстве.

В Вологодской области с 2012 г. делами общественных объединений, в том числе национально-культурных автономий, ведает Департамент внутренней политики правительства области.

В Кировской области развитием национальных культур и поддержкой национально-культурных автономий занимается Департамент культуры.

В других российских областях, краях с институтами этнополитики (которые однозначно маркировать подобным образом не всегда корректно) ситуация сходная.

Помимо организационного многообразия институтов региональной этнополитики следует отметить еще и неустойчивость форм названных институций, о чем можно судить как по федеральным учреждениям, так и по региональным. Так, к примеру, институт этнополитики в Коми прошел сложный путь эволюции от Комитета до самостоятельного Министерства, которое в 2005 г. было упразднено, а функции руководства этнополитикой были переданы Министерству культуры, в составе которого был организован специальный отдел. Но в 2007 г. Министерство национальной политики было образовано вновь и существует до сих пор. Республика Коми в этом отношении не одинока, поскольку институты этнополитики не отличаются устойчивой организационной структурой и в других регионах, к примеру в Мордовии.

Организационное многообразие и неустойчивость самих институтов этнополитики часто сопровождается не только ограниченностью финансовых ресурсов, находящихся в их ведении, но еще и ограниченностью и неопределенностью их функций именно как институтов этнополитики.

К примеру, когда в 2007 г. в Коми воссоздавалось Министерство национальной политики, было утверждено новое положение о министерстве, которое определяло его функции и сферу компетенций. Стоит заметить, что к этому времени был накоплен уже довольно большой опыт региональной этнополитики, который позволял адекватно определить круг функций и задач, которые предстояло решать воссоздаваемому министерству. В названном положении перечислено большое количество функций, включая технику безопасности, гражданскую оборону, награждение граждан, взаимодействие с международными организациями в сфере национальных отношений, содействие культурно-языковой адаптации мигрантов, содействие мероприятиям, направленным на поддержку традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера и т. д. [39, с. 65-67]. Но как сами названные функции выглядели крайне неопределенно, так и их перечень явно не соответствовал актуальным проблемам этнополитики. В числе функций отсутствовали такие важные направления деятельности, как межведомственная координация в реализации государственной национальной политики, ибо очевидно, что этнополитика не может реализовываться силами и средствами одного министерства и по сути своей она является сложной комплексной задачей. Нет в числе функций и такого важного направления, как проведение целенаправленной политики, нацеленной на формирование общероссийской идентичности и укрепление российской *гражданской нации*, которая должна стать важнейшей составляющей в деятельности институтов этнополитики, поскольку укрепление гражданской солидарности и гражданских ценностей объективно ведет к снижению рисков межэтнического и межконфессионального противостояния. Нет и еще одной ключевой функции, связанной с анализом этнокультурных и социально-экономических процессов на региональном уровне, – осуществление на основе этого анализа комплекса управленческих решений, обеспечивающих социальное благополучие местных культурных групп. Это функция, связанная с созданием условий на местном уровне для воспитания культуры толерантности и гражданского согласия, т. е. функция обеспечения межкультурного диалога на личностном уровне (а не на уровне формальных и не имеющих серьезной общественной поддержки этнических организаций). Для реализации подоб-

ной функции необходимо тесно взаимодействовать со СМИ в целях продвижения социальной рекламы, работающей на пропаганду повседневной толерантности, с органами образования, для создания школьных программ по обучению и воспитанию толерантных форм взаимоотношений в полиэтнических и поликонфессиональных коллективах и т.д.

Стоит заметить, что не только в Коми, но и в других субъектах РФ функции институтов этнополитики не вполне адекватны тем задачам, которые эти институты ДОЛЖНЫ решать.

Политические практики

Многочисленные конфликтные ситуации, которые имеют место в России в сфере межэтнического взаимодействия, различные сложные коллизии, связанные с реальными проблемами, напрямую затрагивающими жизнедеятельность различных этнических групп, характерны тем, что очень часто участия в их разрешении региональные институты этнополитики, как сказано выше, не принимают. Более того, многие названные проблемы оказываются вообще вне зоны внимания данных институтов.

Тот факт, что зачастую реальные проблемы, касающиеся благополучия местных культурных сообществ, выпадают из сферы внимания региональных институтов этнополитики, отчасти связан с недостаточным уровнем профессиональной подготовки их сотрудников, большинство из которых не только не осваивали курсы этнополитологии, этнологии, конфликтологии, социологии управления в вузах, но и не обучались в рамках подготовки и переподготовки управленческих кадров. Однако выход из подобной ситуации довольно прост.

Очевидно, что компенсировать названный выше недостаток кадрового состава институтов этнополитики можно за счет привлечения к деятельности данных институтов компетентных экспертов. И во многих регионах практика привлечения экспертов существует. Но проблема в том, что экспертные советы при институтах этнополитики и привлекаемые в них эксперты не всегда способны выполнять роль независимой экспертизы, поскольку нередко формируются из активистов НКА и других этнических организаций или из ангажированных

специалистов, т.е. людей, главная забота которых – поддержание культурных отличий, а не последовательная работа на благо гражданской интеграции.

И это тоже не случайно, поскольку плохо подготовленные для реализации этнополитики чиновники нередко понимают этнополитику весьма узко: как официальное содействие постоянной демонстрации культурной отличительности групп (в этой связи интеграционная политика просто выпадает из их поля зрения), культурного многообразия того или иного региона. Очевидными партнерами в подобных акциях выступают этнические антрепренеры, которых не только включают в состав экспертных советов, но и инкорпорируют в институты этнополитики, в региональные властные структуры. Такая ситуация связана с устойчивым стереотипом восприятия государственной национальной политики как политики, ориентированной исключительно на удовлетворение нужд миноритарных культурных групп или титульных этносов, именем которых названа та или иная республика. Так, в программе движения «Марий ушем», принятой еще в апреле 1992 г., не только говорилось о необходимости сформировать одну из палат республиканского парламента исключительно из марийцев, но и предлагалось создать «Государственный комитет марийского народа на правах министерства со своими структурными подразделениями в городах и районах республики» [22, с. 227]. Но не только этнические антрепренеры настаивают на том, чтобы сферой первоочередного внимания региональных властей должны становиться интересы не всех этнических групп населения того или иного региона, а только лишь избранных, или «главных», народов, но и сами чиновники на местах находятся в плену этого опасного заблуждения. Названный подход к формированию этнополитики искажает саму ее суть и не только делает ее этноцентричной, но и позволяет говорить о ее расиализации.

***Кадровое и экспертное обеспечение деятельности
институтов этнополитики***

Как формируются кадры институтов этнополитики? Очевидно, что кадровое обеспечение есть серьезная проблема, которая на сегодняшний день не разрешена. Начнем с того, что в такой полиэтничной и поликультурной стране, как Россия, до сих пор нет развернутой системы этнокультурного и этнополитического просвещения населения. Культурное многообразие страны не находит отражение в школьных программах, а необходимость упрочивать общероссийскую идентичность, гражданское сознание и гражданское согласие не привело к повсеместному внедрению в практику школьного обучения уроков граждановедения, как это имеет место во Франции [31]. Нет в школах и столь необходимых уроков толерантности, которые бы помогли понимать и правильно воспринимать отличия между этническими, религиозными и расовыми группами населения страны, воспринимать представителей всех культурно отличных групп именно как сограждан, а не как носителей «чуждых» культурных традиций. При этом в школьных программах есть региональный компонент, в ряде регионов проводятся уроки этнопедагогики, которые на практике превращаются в своего рода факультативы по этноцентризму, поскольку освещают не культурное многообразие регионов и исторически сформировавшиеся культурные связи между разными этническими группами, а знакомят преимущественно с культурой «коренного»/титульного народа, а историческое прошлое интерпретируют в духе этнического романтизма.

Показательно, что в университетах страны, даже на факультетах гуманитарных и социальных наук, в учебной программе нет не только этнологии, но и этнополитологии, хотя в такой стране, как Россия, остро необходимо распространение этнологических и этнополитологических знаний. Даже на кафедрах политологии этнополитические курсы значатся не как профильные дисциплины, а как курсы по выбору, хотя в последние годы подготовлено довольно много учебников этнополитологии для высшей школы [40, 43]. Но очевидно, что определенным минимумом этнологических и этнополитических знаний должны обладать не только гуманитарии, но и студенты инженерных вузов и институтов, где ведется подготовка специалистов для служб

социального сервиса, ибо им придется работать в сложных коллективах и взаимодействовать с представителями разных культурных традиций. В региональных академиях государственной службы ситуация аналогичная, а если там и ведут некие этнополитические курсы, то их качество вызывает сомнения.

В связи с этим в региональных институтах этнополитики очевиден дефицит специалистов с хорошей этнологической и этнополитической подготовкой. Названный дефицит неизбежно ведет к тому, что этнополитика воспринимается в ее самом упрощенном вульгарном варианте, т.е. как демонстрация культурного многообразия региона через различные фольклорно-фестивальные мероприятия и поддержку этнических организаций, главной заботой лидеров которых является сохранение культурной отличительности группы.

К чему в итоге приводит подобная практика, которая довольно широко распространена?

Фактически она ведет к тому, что региональные власти оказываются в ловушке имитационной этнополитики. С одной стороны, в результате союза с этническими антрепренерами обеспечивается зависимость этнических лидеров и возглавляемых ими организаций от региональных властей и их лояльность, но с другой – административная и финансовая поддержка властей делают этнические организации органической частью политического дизайна российских регионов, а сама этнополитика вместо однозначной ориентации на интересы общества и государства (и, как следствие, на укрепление общероссийской идентичности) в большей мере ориентируется на удовлетворение интересов отдельных этнических групп и их лидеров (т. е., по существу, на усиленное воспроизводство культурной отличительности и ослабление интеграционных тенденций в российском обществе). Следствием избранной тактики становится не столько политическое обуздание радикального этнонационализма, сколько этнизация региональной политики и все возрастающая нечувствительность региональных политических лидеров к этнонационализму и культурному расизму, к практике конструирования культурных границ внутри российского социума.

Многие местные эксперты, правда, выступают в нескольких социальных качествах: они имеют статус исследователя (преподавате-

ля), одновременно являются активистами или членами этнических организаций, часто имеют опыт деятельности в местных органах власти. Совокупность этих качеств позволяет представлять их в качестве экспертов, но очевидно, что говорить о непредвзятости (неангажированности) оценок и заключений подобных экспертов не приходится.

Так, в Коми-Пермяцком округе местные исследователи заявили, что 86 % опрошенных ими жителей выступают за обучение детей коми-пермяцкому языку (восемь лет), в то время как наши данные и простые наблюдения свидетельствуют о совсем других культурных ориентациях местного населения, и поэтому не случайно, что процессы деэтнизации стали устойчивой тенденцией в регионе [20; 47].

В Республике Коми местное Министерство национальной политики также склонно привлекать в качестве экспертов этнических антрепренеров и слабо подготовленных специалистов, которые, однако, тесно связаны с этническими движениями. Им поручается проведение исследований, характеризующих языковую ситуацию в республике, итоги которых вызывают вполне обоснованные сомнения [41]. А в последнее время, когда Министерство образования республики ввело практику обязательного обучения коми языку во всех школах республики начиная с начальных классов (нарушив тем самым нормы российского законодательства), что спровоцировало обращения в Верховный и Конституционный суды, отправку открытых писем в адрес Главы РК и Государственного совета. Им вновь поручается проведение опросов, результаты которых трактуются таким образом, что большинство родителей поддерживает принятые меры, хотя корректно проведенные социологические исследования опровергают подобные выводы [45].

То же самое можно сказать и о мониторинге межэтнической напряженности, о необходимости организации которого подчеркнуто в «Стратегии государственной национальной политики». В ряде регионов мониторинг проводится регулярно и с привлечением действительно квалифицированных специалистов, в других он отсутствует вовсе или осуществляется эпизодически, в некоторых он имитируется. Порой, как, к примеру, в Коми, его проведение поручается тем же самым этническим активистам или специалистам, ангажированным этническими движениями, что превращает этнонациональные органи-

зации из объектов в субъекты государственной национальной политики. *Этнические антрепренеры сами начинают определять интересы государства и стратегию региональной национальной политики*, из которой в таких случаях, как правило, задачи нациестроительства и укрепления гражданской солидарности россиян просто выпадают.

Предмет этнополитологии и конкурирующие модели учебного курса

Надо отдать должное российскому экспертному сообществу, которое вовремя осознало как необходимость серьезного этнополитологического анализа российских реалий, так и необходимость этнополитического образования. Очевидная потребность в системном изложении этнополитологических знаний, в критическом освещении проблем этнополитики привела к активизации усилий ученых, направленных на познание этнополитических процессов и явлений, а они, в свою очередь, способствовали тому, что отечественные исследователи стали предлагать различные варианты учебного курса этнополитологии, первый из которых был апробирован в Московском государственном университете. Можно, конечно, отдать первенство во внедрении основ этнополитологии в учебный процесс и Санкт-Петербургскому университету, поскольку там еще в 1995 г. на кафедре культурной антропологии и этнической социологии (создана в 1993 г.) в рамках курса социальной антропологии в качестве спецкурса по выбору начала преподаваться политическая антропология, которая с 1997 г. стала обязательным предметом, но все же и объект, и предметная область политической антропологии уже, нежели у этнополитологии (этнополитология тоже преподается ныне в Санкт-Петербургском университете).

Согласно определению, которое приведено в одном из известных социологических словарей, «политическая антропология (*political anthropology*) – часть социальной антропологии, изучающая *политический процесс* и политические учреждения в *простых обществах*» [9, с. 39]. Эти общества называют еще сегментированными и безгосударственными. Несомненно, что такие

общества требуют изучения и оно должно составлять особую область научного знания в силу самой специфичности объекта изучения.

Не может рассматриваться этнополитология ни как часть социально-культурной антропологии или этнологии, ни как особая предметная область политологии. В самом общем плане социальная/культурная антропология и этнология имеют один и тот же предмет изучения – этнические культуры [2; 49], хотя в российской традиции, например, принято считать, что этнология изучает этносы во всем многообразии проявлений их культурной и общественной жизни и под этносами понимает любые культурные сообщества, а западная социальная антропология вообще не использует категорию «этнос» и сосредоточивает внимание в основном на изучении социальной организации доиндустриальных обществ, культурная же антропология изучает культуру этих сообществ, её деятельностный аспект. Сегодня предметная область социальной/культурной антропологии существенно расширилась и разница между западными и отечественными исследователями заметна лишь в методологических подходах к анализу природы этничности, но и она стремительно стирается.

Что касается политологии, то ее предметная область, как известно, связана с изучением политической жизни, определением форм, задач, типов, видов политической деятельности.

Политические сообщества, институты и этнические сообщества по-разному организованы, и функции этих сообществ различны. Поэтому очевидно, что этнополитология как дисциплина носит пограничный характер и целью этнополитологов является выяснение того, где и как этничность «пересекается» с политикой, каковы формы политизации этничности.

Среди отечественных авторов нет единого мнения по поводу предмета этнополитологии.

Отчасти это связано с тем, что этнополитологической проблематикой занимаются специалисты из разных областей знаний, а отчасти с тем, что методологические подходы к анализу природы этничности у ученых различны. Не менее важно и то, что далеко не все авторы имеют реальный опыт изучения собственно этнических явлений, многие обладают опытом общения с этническими антрепренерами и

опытом дискуссий с ними, мало кто основательно знаком с тем, как на практике функционируют этнополитические организации, далеко не все основательно проанализировали все многообразие мирового опыта этнополитики. Поэтому не случайно, что в предмет этнополитологии пытаются включить и юридическую антропологию, и политическую философию, и историческую этнологию, и предметные области других дисциплин.

На наш взгляд, *предметом этнополитологии являются источники, побудительные мотивы и закономерности формирования этнонациональной политики, формы и механизмы ее реализации, идеология и практика этнополитических движений, этнополитические ориентации населения и формы их практических выражений.*

Более коротко *предмет этнополитологии – изучение политических функций этничности, условий и стимулов, которые превращают этничность в политический ресурс.* А объектом этой дисциплины являются этнические группы, находящиеся в политическом взаимодействии с государством и другими группами.

Помимо разной трактовки предмета этнополитологии, теоретики этнополитологии имеют и существенные различия в моделях построения курса.

Мы полагаем, что в принципе все предлагаемые учебники, учебные пособия и электронные версии курса можно свести к двум конкурирующим моделям.

Первая модель целиком строится на основе дискурса *этничность и национализм*. При этом сторонники данного подхода полагают, что этничность носит «устойчивый, надситуационный характер», хотя такой характер по идее должен ограничивать возможности политического манипулирования этничностью. В этом ключе написаны учебники В. Ачкасова, Р. Абдулатипова, В.Тураева, В. Кирдяшова [1; 3; 11; 30; 29].

Вторая модель основывается на представлении этничности *в качестве специфического политического ресурса*, а общая парадигма курса строится исходя из понимания этничности как социального конструкта, что позволяет «встраивать» этничность в самые разные сферы политической жизни. В таком ключе строится учебный курс

Московского университета, учебные пособия Н. Мухаметшиной, Ю. Шабаетова и А. Садохина [14; 15; 29].

Сторонники первой модели так или иначе настаивают на том, что этничность служит *основанием* для получения власти, обретения политического статуса этнической группой, сторонники второй полагают, что этничность есть всего лишь *инструмент*, с помощью которого обретаются власть и статус, ведется борьба за ресурсы и осуществляется культурная конкуренция.

Рассматривая этничность как одно из константных и первичных состояний социальных систем, приверженцы этого подхода полагают, что такое видение этничности требует усиленного государственного вмешательства в дела этнических групп, государственного патронажа над этническими сообществами. Но если этничность столь органична и устойчива, как ее пытаются представить, то тогда непонятно, зачем необходима массивная государственная поддержка этничности: придание государственного статуса языкам титульных этнических групп, этнизация системы школьного образования и обеспечение этого процесса государственным финансированием, государственная поддержка культур этнических меньшинств, создание гарантий политического представительства для миноритарных групп, формирование системы правовой поддержки этнических сообществ.

Здесь имеется явное логическое противоречие, которое указывает, что этничность нуждается в государственной поддержке именно потому, что сама по себе неустойчива и без мощных «подпорок» со стороны государства часто существовать не может, а этнические группы имеют «склонность» интегрироваться в гражданские сообщества, утрачивая этничность. Не случайно во время переписи населения РФ в 2002 г. 1,5 миллиона человек не смогли определить свою этническую принадлежность [18], а во время переписи 2010 г. эта доля выросла втрое.

Собственно, и сам опыт национально-государственного строительства в России показывает, что этничность может весьма успешно конструироваться с помощью государства. Молдавская, азербайджанская, узбекская, казахская идентичности создавались, по существу, «сверху» – с помощью государства. Государство создавало для творимых им же этнических общностей и административные границы, и

культурные институты, и сами этнонимы, т. е. названия этнических сообществ. Так, из более десятка этнических групп была сформирована никогда прежде не существовавшая этническая общность «алтайцев» [31], тем же путем были созданы «хакасы».

Наоборот, адыги были разделены на карачаевцев, балкарцев и собственно адыгов со своими отдельными национально-государственными образованиями. Коми и коми-пермяки, также имевшие единый этноним «коми» и говорящие, собственно, на одном языке (на разных его наречиях), были разделены на два анклава (Коми АССР и Коми-Пермяцкий национальный округ), в результате чего сформировались две новые этнические группы [33].

Процессы этнической фрагментации, реидентификации и конструирования этничности в последние годы протекали весьма активно на территории России, и главную роль в интенсификации этих процессов сыграла деятельность этнических антрепренеров, которые ставили перед собой вполне конкретные политические цели. Так, активисты эрзянских этнополитических организаций уже не один год заявляют, что «мордва – это миф» и есть два самостоятельных народа – эрзя и мокша, а потому надо разделить Мордовию на два автономных округа – Эрзянский и Мокшанский – со своими политическими и культурными институтами. И их агитация приносит свои плоды, ибо значительная часть мордвы в Мордовии определяет свою этническую принадлежность с помощью названных субэтнических определителей. Архангелогородская политическая и интеллектуальная элита, недовольная своим статусом и социально-экономическим положением Архангельской области, призывает создать Поморско-Ненецкую республику, в состав которой вошли бы экономически более успешные соседние регионы, а титульным населением которой явились бы поморы. В результате поморы как этническая общность вновь появляются в перечне народов России, а идеологи поморского движения заявляют, что поморы – это не субэтнос русского народа, а самостоятельное этническое сообщество, причем его нельзя даже считать славянским, ибо субстратная основа поморов – финно-угры, хотя в последние годы риторика поморских активистов резко изменилась из-за давления на них со стороны властей и русских националистов. В Республике Коми о своем желании получить статус коренного малочис-

ленного народа Севера заявили ижемцы – самая северная группа коми, еще ранее такого статуса добились бесермяне, которых долгое время отождествляли с удмуртами [37]. Если же говорить об индивидуальном уровне, то примеры смены этнической принадлежности отдельными индивидами или группами лиц весьма многочисленны и неоднократно описаны западными социальными антропологами и российскими этнологами.

Важно, однако, подчеркнуть, что концептуальные различия курсов «Этнополитологии», конечно, сказались на выборе авторами ключевых проблем *этнополитологического дискурса*. Но все авторы уделяют значительное внимание раскрытию таких тем, как этничность и власть, этничность и государство, этничность и право. Очень основательно анализируются принципы этнонациональной политики, которыми руководствуются российские власти в своей практической деятельности; все авторы критически рассматривают политическую практику этнонациональных движений в России и идейные позиции их лидеров.

Хотя все названные курсы подготовлены известными и квалифицированными исследователями, ни один из них не лишен существенных недостатков, что заставило нас, обобщив содержание названных курсов и пристальнее оценив «идеологический багаж» современных этнических антрепренеров, выстроить существенно обновленную модель курса этнополитологии, которая и используется при чтении названного курса.

Прежде всего, мы по-иному оценили цели и задачи дисциплины, полагая, что ориентироваться на то понимание, которое было свойственно ученым, когда происходило формирование основ дисциплины, в условиях углубления культурной глобализации и становления гражданского общества в России не вполне корректно.

Истоки дисциплины и ее место в системе обществоведческого знания

Можно говорить, что этнополитология является «новой» и «молодой» научной и учебной дисциплиной и ее возникновение спровоцировано так называемым этническим парадоксом современности, «взрывом этничности», суть которых в том, что в условиях глобали-

зирующегося мира происходит резкая актуализация этничности, причем эта актуализация заставляет ставить под вопрос возможность выживания как некой целостности самых разных стран: России, США, Индии, Бельгии, Великобритании, Испании, Украины и т.д.

Вместе с тем истоки этнополитологии можно обнаружить еще в Древнем Риме и Византии, где велось целенаправленное изучение народов, с которыми эти империи вступали в политические связи и отношения.

Второй этап становления этнополитологии как дисциплины связан с колониальной экспансией мировых держав в Новое время. Корифеи социальной антропологии К. Леви-Строс, Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Э. Эванс-Притчард отмечали необходимость изучения механизмов управления в туземных обществах, актуальность познания особенностей политических систем, сформировавшихся в колониальных странах еще до прихода туда европейцев. Британский антрополог Э. Тейлор оценивал антропологию как «политическую науку», а его соотечественник Норкот Томас впервые использовал антропологические материалы в 1908 г. для организации так называемого косвенного управления британскими владениями в Нигерии. В ряде британских колониальных владений даже была введена должность правительственного антрополога [50].

Но особая роль в формировании этнополитологии принадлежит не социальным антропологам и этнологам, а политическим идеологам. В числе первых этнополитических концепций, вероятно, следует назвать идею национально-культурной автономии, разработанной австрийскими социал-демократами Отто Бауэром и Карлом Реннером еще в начале XX столетия [4]. Некоторые современные исследователи полагают, что именно в их работах впервые был создан концепт мультинации, который в последней трети XX в. стал основой этнонациональной политики в целом ряде развитых демократических государств. На наш взгляд, наиболее важную роль в становлении этнополитологии как науки сыграли масштабные политические перемены, которые стали итогом двух мировых войн, но, пожалуй, наибольшее значение на становление науки оказали процессы нациестроительства в бывших колониях и формирование *трех основных моделей этнополитики* (обычно называют две), которые во второй половине XX в.

конкурировали во внутренней политике многих стран: политика исключения, ассимиляторская модель и мультикультурализм.

Первая же серьезная попытка дать систематизированное представление об этнополитике и изложить некие принципы этнополитологии была сделана американским политологом Дж. Родшильдом, который в 1981 г. опубликовал книгу «Этнополитика», хотя в числе основоположников называют и много других имен. Он в общем виде описал процесс политизации этничности. В его понимании суть этого процесса состоит в превращении этничности из сугубо психологического, культурного или социального фактора «в собственно *политическую силу* с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [53, р. 2]. В названной работе, которая стала своеобразным рубежом в процессе кристаллизации этнополитологических воззрений, Родшильд предложил свою типологию полиэтнических государств, показал роль статуса этнической группы во внутривнутриполитической жизни страны, указал, что происходящие в обществе изменения привели к политизации этнических групп и этничности, ввел эти понятия в политологический дискурс. В результате понятие этничности превратилось из сугубо культурологического в политическое, а на стыке этнологии и политологии сформировалась этнополитология.

Сущность новой дисциплины

В основе нашего подхода к анализу этнополитологической проблематики лежит высказанная Родшильдом идея о конвертации такого культурного явления, как этничность, в политическую силу. При этом мы строили курс, ориентируясь в основном на те политические, юридические и социальные коллизии, которые возникают при реализации этнополитики на практике. Мы полагаем, что этнополитология – это не столько теоретическая дисциплина, сколько прикладная, а потому ее методы ориентированы на конструктивно-прикладное осмысление этнополитических реалий.

В связи с этим мы видим важнейшую цель данной научной дисциплины не в изучении деятельности государства и «правлящих центральных и региональных элит», связанной «с участием в этнополи-

тических процессах» [3, с. 5], не в анализе форм «политического самоопределения, поведения, взаимодействия этнических групп» [12, с. 8] и не в «политической социализации этносов» [1, с. 16]), а в первую очередь в решении принципиального вопроса о *пределах политизации этничности* в общегражданском пространстве современного национального государства.

Главный смысл нашего подхода состоял в том, чтобы проанализировать этничность как *политический ресурс*, и не случайно ключевая тема курса и отдельная глава нашего учебника посвящены именно этой проблеме. Сходного подхода придерживается Н. Мухаметшина, у которой один из двух разделов написанного ею учебного пособия носит название «Этничность как политический и социальный ресурс» (состоит из трех глав).

При этом этничность может рассматриваться: как ресурс общенационального (общегосударственного) значения, когда политиками берется на вооружение концепция нации-этноса, а не нации-полиса; как региональный политический ресурс, когда ведется борьба за политический статус отдельной этнической группы или отстаивается ее особое положение в территориальном сообществе; локальный и индивидуальный политический ресурс, когда этнополитическая организация на местном уровне борется за политическое влияние или когда в конкурентной политической борьбе этническая принадлежность кандидатов на оспариваемые должности приобретает значение политического маркера. Однако далеко не все исследователи считают возможным рассматривать этничность как самостоятельный политический ресурс, полагая, что в конечном счёте борьба между политическими акторами ведется за политическое господство, а как эти акторы организованы, не имеет принципиального значения.

Наши позиции не всегда совпадают с предлагаемыми другими авторами оценками и по целому ряду других принципиальных вопросов. В частности, мы не согласны со специалистами в области права, политологии и социальной антропологии, которые говорят о «проблеме меньшинств». Мы полагаем, что нет проблемы меньшинств, а есть неправильное понимание многими специалистами политической роли меньшинств. Не сами меньшинства создают угрозы социальной стабильности, а этнические антрепренеры, которые политизируют си-

туацию меньшинства. Сама ситуация меньшинства – это политическая проблема, ибо она определяется не соотношением численности этнических групп, а их статусами (в так называемых национальных республиках России в положении меньшинства оказываются нередко все нетитульные этнические группы, составляющие, как правило, большинство по отношению к «коренному этносу»).

Более того, на наш взгляд, объективно наличие значительного количества этнических групп, которые принято относить к меньшинствам, ведет к *упрочению* государственных устоев. Меньшинства в силу того, что оказываются в невыгодном положении при конкуренции языков и культур по отношению к доминантным группам, вынуждены искать защиты и поддержки со стороны государства. Поэтому они заинтересованы в сильном государстве, в эффективных государственных институтах. Наличие большого количества меньшинств, которые группируются по культурным или социальным параметрам, тоже является фактором, укрепляющим внутренние связи в государстве. Эти меньшинства мы называем корпоративными, ибо им легче вести диалог с государством, кооперируя усилия. Основой для кооперации могут быть лингвистические (языковые семьи), культурно-хозяйственные (народы Севера) или иные особенности групп. Тем самым развиваются и укрепляются горизонтальные связи между различными группами, что также способствует упрочению внутренней стабильности.

Опасность представляет ситуация, когда культурное меньшинство превращается в политическое меньшинство, т. е. когда оно обретает некий политический статус и получает право претендовать на политическое доминирование, распределение ресурсов, когда возникает ситуация политического противостояния с государством и другими группами. В этом смысле весьма показательна ситуация в Индии, которая отличается огромным разнообразием культур и сложным этническим и религиозным составом населения. Этот факт явился поводом для многочисленных пророчеств о неизбежном распаде Индии как единого государства. Но государственное единство страны выдержало все испытания и во многом потому, что сильное государство необходимо многочисленным этническим меньшинствам. Сегодня определенные силы пытаются превратить культурные меньшинства в

политические, полагая, что этнотерриториальный принцип организации государства, который имеет место в России, надо применить и к организации политического пространства этой страны. Однако многие специалисты категорически возражают против этого, ибо тогда возникнет реальная опасность раскола страны на этнические анклавы.

Тот материал, который приводится в качестве иллюстрации в нашем курсе и в других учебниках и учебных пособиях по этнополитологии, достаточно очевидно демонстрирует опасность политизации этничности и ее разрушительную силу. Поэтому мы придерживаемся мнения, что актуальной проблемой этнонациональной политики в России и в мире является *деполитизация этничности*. Такой подход диктует необходимость отдельно рассмотреть вопросы, связанные с неполитическими формами реализации этнонациональной политики. К таким сферам мы относим систему школьного образования, социальную рекламу и СМИ. Российский и международный опыт показывает, что для формирования благоприятного климата межэтнического взаимодействия указанные сферы имеют крайне важное значение.

Идея деполитизации этничности является ключевой и в нашем анализе правовых аспектов этнополитики. Здесь мы выделяем три проблемы, но главное значение придаем анализу политического смысла концепта групповых прав. Мы не видим позитивного начала в идее коллективных прав и в легитимации этой идеи путем ее юридического оформления, ибо коллективное право следует логике этноцентризма. Правовая система может строиться только на признании прав личности, индивидуальных прав, и мы пытаемся доказать, что в реальности все «коллективные права» можно свести к индивидуальным, а отрицание индивидуальных прав выгодно только этническим элитам, которые и присваивают себе роль выразителя коллективных интересов этнических групп.

Закон должен строиться на четком понимании того, что представляет собой *субъект права*. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть просто не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, размыты, а многие представители этнических групп в полиэтничных (миграционных) государствах или имеют множественную этническую идентичность (т. е., к примеру, ощущают себя одновременно и русским, и

евреем или русским, евреем и поляком одновременно и т.д.), или же вообще не характеризуют себя в этнических категориях, а называют себя американцем, россиянином, бразильцем, т. е. для них существует только гражданская идентичность.

При этом стоит согласиться с еще одним очень важным принципом, который нельзя упускать из виду, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ, а именно: «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции» [17, с. 443].

Таким образом, как только упускается личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает значение политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы не абстрактных коллективов, а неких групп лидеров, отождествляющих себя с данной группой или выступающих от имени группы.

Мы полагаем, что этнические («национальные») движения очень редко являются культурными инициативами, а в основном могут рассматриваться как политические движения, но вряд ли допустимо считать их демократическими в том смысле, что они не ориентируются на фундаментальные принципы демократии. Принципиальные положения их идеологии иные, и в ее основе, как правило, лежит идея противопоставления этничности гражданству, т. е. идея разделения гражданского сообщества на этнические сегменты.

Предложенная модель курса этнополитологии, конечно, нуждается в уточнении и доработке, ибо целый ряд вопросов, касающихся практики этнополитического регулирования, остается дискуссионным. В этой связи представляется крайне полезным тот факт, что научному сообществу и преподавательскому корпусу (а равно и политическим менеджерам) предложены сразу несколько вариантов учебников и учебных пособий по политологии и разные подходы к построению этого курса.

Заключение

В современной России создана единая доктринальная основа государственной национальной политики/этнополитики, в которой достаточно определены сформулированы ее стратегические цели и задачи. За минувшие два десятилетия сформировалась и правовая основа как федеральной, так и региональной этнополитики. Но между доктринальным и правовым уровнем и политической практикой нет прочной связи, ибо нет не только единых региональных институтов этнополитики, обеспеченных подготовленными кадрами управленцев, нет четкой системы финансирования, общего понимания того, что собой представляет этнополитика и чем она отличается от культурной и образовательной политики, какие фундаментальные цели она преследует, с помощью каких механизмов можно и нужно ее реализовывать.

Анализ реальной политической практики показывает, что действующие ныне региональные институты этнополитики оказываются нечувствительными к реальным проблемам, с которыми сталкиваются местные сообщества. Они не только не могут организовать эффективный мониторинг существующих конфликтных ситуаций, но и не в силах разрешить возникающие конфликты, поскольку их кадровый, административный и финансовый ресурсы ограничены. Не имея реальных возможностей решать существующие проблемы, институты этнополитики пытаются продемонстрировать свою эффективность путем ориентации на наименее сложную сферу деятельности – организацию различных фольклорно-фестивальных мероприятий.

Тем самым смысл национальной политики искажается. Институты, предназначенные для реализации государственной национальной политики, т. е. политики единения граждан и политики укрепления общенационального единства, становятся инструментами, которые способствуют «политизации и укреплению этнических различий» [16, с. 13]. Они поддерживают меры, направленные не на укрепление интеграции российского общества и гражданской солидарности россиян, а вкладывают деньги в акции и мероприятия, способствующие углублению культурных границ между различными сегментами российского общества. Отсюда появляются этнические конкурсы красоты, этнические спортивные турниры, этническое искусство, этниче-

ская мода, этническая религия и т.д. и т.п. Глобальная этнизация социального пространства *«таит в себе потенциальную опасность, так как в этом контексте люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические»* [17, с. 163].

Если говорить об этнополитологических исследованиях в России, то они стали сферой научного интереса не только собственно этнологов и этнополитологов, но и широкого круга политологов, социологов, философов, историков. За последние годы издано огромное количество публикаций этнополитического характера, хотя качество исследований далеко не всегда соответствует степени общественной значимости дисциплины. Что же касается вопроса о востребованности этнополитологии политическим истеблишментом, то здесь пока не все благополучно. Между тем эффективный этнополитический анализ и развитие систем этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов вместе с усилением прагматичного интереса властей к данным элементам политического менеджмента способны сделать этнонациональную политику действительно эффективной и социально ответственной. Отчасти это уже происходит. Ибо правительство РФ предложило включить дисциплину «Конфликтология (этноконфликтология)» во все программы гуманитариев в качестве универсальной, было также предложено создать кафедры этнополитологии для подготовки и переподготовки кадров в органах власти на базе МГУ и СПбГУ [21]. В восьми регионах страны осуществляется пилотный проект по формированию региональных систем мониторинга межэтнической напряженности, отработки методов и механизмов их работы. Названные меры, безусловно, полезны, но недостаточны, ибо нужно сосредоточивать внимание не столько на предотвращении конфликтов, сколько на гражданской интеграции и воспитании культуры повседневной толерантности, а это означает, что необходимо вносить изменения в школьные программы, чтобы включить в них уроки толерантности и граждановедения, нужно выстраивать формы и методы воздействия на общественные настроения через эффективную социальную рекламу, через государственные и общественные институты. Иными словами сегодня нужны более масштабные и более энергичные усилия как для реформирования эт-

нополитики, так и расширения профессионального этнополитологического образования с целью подготовки квалифицированных управленцев, усиления внимания к этнополитическому просвещению граждан.

1. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология: учебное пособие. СПб., 2004.
2. Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. М.: Весь Мир, 2004.
3. Ачкасов В.А. Этнополитология: учебник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005.
4. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
5. БНКами представляет доклад Вячеслава Гайзера на конференции «Единой России». URL: <http://www.bnkomi.ru/data/news/6903/>
6. Борусьяк Л. Депопуляция и общественное сознание // Независимая газета. 2006. 18 апреля.
7. Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 13–32.
8. Восемь лет на краю. Кто излечит коми-пермяцкую депрессию? URL: <http://www.perm.aif.ru/politic/inperm/103928>
9. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). М.: Вече, АСТ, 1999. Т. 2.
10. Исхаков Д.М. Модель Татарстана: «за» и «против» // Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т. 2. Современный национализм татар. М., 1998.
11. Кирдяшов В.А. Этнополитология: учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2003.
12. Кирдяшов В.А. Этнополитология: учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2004.
13. Мирсияпов И.И. Национальная идеология и национальные взаимоотношения в Республике Татарстан. М.: Весь Мир, 2004.
14. Мухаметшина Н.С. Этничность и политика: учебное пособие. Самара: Самарск. гос. арх., 2005.
15. Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2003.

16. Национализм как функция территориальной целостности (редакционная статья) // Эксперт. 2012. 30 января – 5 февраля. № 4 (787). С. 13–14.

17. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004.

18. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.

19. Осипов А., Сапожников Р. Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Немецко-русский обмен, 2004.

20. Полуянов Н.А., Шабает Ю.П., Мальцев Г.И. Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития (Очерки. Статьи. Материалы). М.: ЦИМО, 2000.

21. Правительство РФ предложило создать кафедры этнополитологии. URL: <http://www.finugor.ru/pravitelstvo-rf-predlozhilo-sozdat-kafedry-etnopolitologii>

22. Пробуждение финно-угорского Севера. Т. 1. Национальные движения Марий Эл. М., 1996.

23. Рекомендации по созданию условий для реального участия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в политическом процессе // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт : сборник материалов Международного круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы», 12-13 марта 2003 года, Москва. М.: АКМНСС и ДВ, IWGIA, 2003.

24. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М.: Мин-во регион. развития РФ, 2008.

25. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.pravo.gov.ru/ipsdata/>

26. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001.

27. Тишков В. Казанские страсти // Независимая газета. 2002. 4 октября.

28. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.

29. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013.

30. Тураев В. Этнополитология : учебное пособие. М.: Ладомир, 2004.

31. Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в России // Этнопанорама. 2004. № 3–4. С. 38–43.

32. Филиппова Е. Территории идентичности в современной Франции. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2010.

33. Шабаев Ю.П. Идеология национальных движений финно-угорских народов России и ее восприятие общественным мнением // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 119–128.

34. Шабаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998.

35. Шабаев Ю.П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и регионального // Мир России. 2004. № 3.

36. Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Этнополитология: учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2005.

37. Шабаев Ю. Архангелогородский регионализм // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов 2006. № 65. Январь-февраль.

38. Шабаев Ю.П. Новые этнические идентичности у финно-угров как политический инструмент // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 13–27.

39. Шабаев Ю. Чем будет заниматься новоявленный Миннац? // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2007. № 76. Ноябрь-декабрь.

40. Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: наука без «периферии» // Политическая наука в России: проблемы, направления и школы (1990–2007). М.: РОССПЭН, 2008.

41. Шабаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.

42. Шабаев Ю.П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–62.

43. Шабаев Ю.П. Этнополитология в России: формирование учебной дисциплины // Политическая наука. 2011. № 1. С. 47–63.

44. Шабает Ю.П. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 28–36.
45. Шабает Ю.П. Язык взаимопонимания и понимание языка // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга 2012. М.: ИЭА РАН, 2013.
46. Шабает Ю.П. Русский Север в современной этнополитике // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2014.
47. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Стратегические вызовы и локальные модификации в реализации государственной национальной политики // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 223–246.
48. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014.
49. Этнология: учебное пособие. / под ред. Е.В. Миськовой, Н.Л. Мехедова, В.В. Пименова. М.: Академический проект; Культура, 2005.
50. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
51. Greenfield, Lian. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, London, 1993.
52. Rattansi, Ali Just framing: ethnicities and racism in a “postmodern” framework//Social primordialism. Beyond identity by politics. Ed. by Linola Nicolson and Steven Seidman. Cambridge.1999.
53. Rotshild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.-Y., 1981.
54. Basu, Amrita Reflection on Community Conflicts and the State in India//The Journal of Asian Studies, Vol.56, No.2. (May, 1997).
55. Kohli, Atul Can Democracies Accommodate Ethnic Nationalism? Rise and Decline of Self-Determination Novements in India//The Journal of Asian Studies, Vol. 56. No 2. (May, 1997).

С. М. Глазунова

Теория сырьевого проклятия: случай России

УДК 338.001.36

Данный исследовательский обзор посвящен феномену сырьевого проклятия во времена СССР, перестройки и современной России. Автор оспаривает тезис, что сырьевое проклятие сопровождается усилением авторитарных тенденций в богатых нефтью или газом государствах. Рассматривая различные политические режимы в истории России, автор соотносит их с серьезными экономическими кризисами, вызванными в том числе падением цен на нефть.

Ключевые слова: сырьевое проклятие, экономический кризис, цены на нефть, электоральный авторитаризм.

S.M. Glazunova. The theory of resource curse: the case of Russia

This research review focuses on the phenomenon of resource curse during the USSR, «Perestroika» and modern Russia. The author challenges the thesis that the resource curse accompanied by increased authoritarian tendencies in the oil-rich states. Considering the various political regimes in the history of Russia, the author relates them with serious economic crisis caused by a fall in oil prices.

Key words: resource curse, economic crisis, oil prices, electoral authoritarianism.

Нынешняя экономическая ситуация в стране обнажает слабые места проводимой в России экономической политики. Крупнейшие российские экономические кризисы возникают именно тогда, когда катастрофически падают цены на нефть, что свидетельствует о том, что российская экономика по-прежнему зависима от сырьевых ресурсов.

Понятие «сырьевое проклятие», в 1993 г. введенное Ричардом Аути, подразумевает, что страны, обладающие богатыми сырьевыми ресурсами, имеют тенденцию к низкому экономическому росту, нежели те, кто ими не обладает [1]. С политологической точки зрения важен другой аспект сырьевого проклятия: зачастую страны, которые

максимально используют природную ренту, – недемократические, отличаются авторитарным стилем правления, способствуют развитию коррупции и экономической стагнации. В исследовании рассматривается вопрос, попадает ли Россия в зону ресурсного проклятия или она представляет собой особый случай? Является ли нынешняя экономическая ситуация лишь продолжением ресурсного проклятия России или существуют более глубокие структурные причины? В исследовательских кругах ведется широкая дискуссия на этот счет.

Истоки ресурсного проклятия

Обнаружение залежей природных ресурсов очень часто имеет обратную сторону для большинства стран. С одной стороны, это резкий приток иностранной валюты в страну, не случайно возникло понятие «нефтедоллары». С другой стороны, страдают более продуктивные секторы экономики стран, которые могли бы обеспечить национальный доход страны без природной ренты.

Ресурсы – это исчерпаемый источник богатства, который имеет свойство заканчиваться. На международном рынке существуют институты, которые регулируют или ограничивают добычу тех или иных ресурсов. К таким органам можно отнести ОПЕК, который с помощью своих политических решений определяет мировые цены на нефть. В частности, последний кризис российской валюты был предопределен решением не сокращать добычу нефти на мировом рынке.

Классическим примером феномена сырьевого проклятия называют «Эффект Гронингена», или «Голландскую болезнь». Открытие Голландией газового месторождения привело к увеличению финансовых потоков в страну, но тем не менее значительно выросли инфляция и безработица в стране, рост доходов значительно замедлился.

Эффект от данного феномена имеет краткосрочный характер для экономики страны. Существует определенный набор внешних и внутренних экономических факторов, которые могут приостановить постоянный доход с природной ренты.

Ресурсное проклятие оказывает действие и на политическую систему страны. Как уже упоминалось, зачастую это страны с недемократическим правлением. В таких странах возникает борьба за

природную ренту между различными группами интересов, что приводит к гражданским войнам (в странах Африки, Ближнего Востока), или же, наоборот, монополия над природными ресурсами порождает коррупцию в стране, оффшоризацию экономики (Нигерия, Россия?). А.Н. Щербак в своем исследовании ресурсного проклятия говорит о том, что политические институты в стране являются неким фильтром, через который проходит нефтяное богатство [7]. Страны с сильными политическими институтами способны превратить ресурсное богатство для страны в дар.

Примерами могут послужить Норвегия и США, которые обладают большим количеством ресурсов, но способны не только экспортировать их, но и эффективно развивать другие секторы экономики. Существование таких примеров свидетельствует о том, что дело не в «проклятии» как таковом, а в эффективном управлении, которое не позволяет «проседать» экономике, когда ресурсной ренты нет. О секрете американского чуда рассказывает исследователь Майкл Росс: американское правительство не владеет большинством природных ресурсов страны, ими владеют частные компании [2]. Но является ли это частью по преодолению проклятия и стоит ли России брать пример с США?

Исследование Майкла Росса

Одним из теоретиков ресурсного проклятия является Майкл Росс. В своей статье «Does Oil Hinder Democracy?» он пытается выяснить, является ли нефть препятствием на пути к демократии и не наносит ли она ущерб больше бедным странам, чем богатым [2].

Автор выделяет 3 причинно-следственных механизма зависимости большого количества нефти и усиления авторитарных тенденций:

– Эффект давления: наращивание силового «пояса», «пояса» безопасности для оказания давления на население.

– Эффект рантье: низкие налоговые ставки в сочетании с большими расходами для давления на демократию.

– Эффект модернизации: в условиях легкого и большого заработка на нефти население отказывается переходить на работу в промышленный сектор.

Но эти механизмы касаются больше нефтедобывающих стран, нежели стран с минеральными ресурсами, где не наблюдается эффект давления и не всегда наблюдается эффект модернизации.

Росс говорит о том, что в побочные эффекты ресурсного проклятия теперь входит не только снижение темпов экономического роста и повышение вероятности начала гражданской войны, но и появление авторитаризма. Отсутствие при таких условиях системы сдержек и противовесов позволяет правительству быть меньше подотчётным гражданам и распределять ресурсы в своих личных нуждах (в том числе политических). К одной из таких стран относят Россию.

К странам, не сумевшим справиться с ресурсным проклятием, Росс относит Колумбию, Судан, Нигерию и др. Одним из выходов преодоления проклятия Росс предлагает эффективное управление: сокращение объёмов нефтяных доходов; переход на альтернативные источники доходов, как, например, энергетика, цены на которую не так зависимы от ситуации на международном рынке и обеспечивают стабильный доход.

Рассмотрим данные теории на примере нефтяной зависимости в СССР.

Добыча нефти и газа в СССР

Основные нефтеперерабатывающие заводы России были построены в период с 1945 по 1965 гг. Большинство этих заводов функционируют и сейчас. Строительство заводов в СССР отвечало двум таким главным критериям, как близость к району потребления нефтепродуктов и минимальные затраты на транспортировку.

Максимальные показатели по добыче нефти в СССР были в 1987 г., тогда добывалось более 600 млн тонн нефти. Тем не менее СССР – прежде всего индустриальная страна с плановой экономикой, и до определенных пор нефть не имела в стране большого значения. Поворотным моментом стали и годы правления Л. Брежнева именуемые эпохой «застоя». Именно тогда в результате освоения месторождений Западной Сибири практически в 3 раза выросли объемы добычи нефти. Увеличилась также добыча газа в совокупности с нефтяным бумом 1970-х гг., когда страны ОПЕК заявили об эмбарго экспорта неф-

ти для западных стран, и в игру вступил СССР, в страну начали поступать «нефтедоллары».

Как это отразилось на экономике и политике страны? В экономическом секторе наблюдалась большая зависимость от сырьевых ресурсов, не проводились серьезные экономические реформы, страдало сельское хозяйство и другие секторы экономики. На экспортные деньги от нефти и газа приобреталась сельскохозяйственная продукция, товары народного потребления. То же касалось и политики, значительно вырос уровень коррупции – согласно Россу, неперемный атрибут «сырьевого проклятия». Проявляется и усиление авторитарных тенденций, именно в этот период преследуется инакомыслие, возникает диссидентское движение. Кроме того, геронтократия в руководстве страны обнажила нежелание и неспособность проводить какие-либо экономические реформы в остальных секторах экономики, и после обвала цен на нефть в 80-х гг. страна оказалась в глубоком экономическом кризисе.

Существует радикальная точка зрения, что именно зависимость от сырьевых ресурсов привела к распаду СССР. Мы склонны не принимать такую точку зрения за истину, так как к распаду СССР привели более глубокие структурные социальные, экономические и политические причины.

Возвращаясь к вопросу ресурсного проклятия, следует сказать, что в Советском Союзе налицо были его проявления: усиление авторитарных тенденций после хрущевской оттепели; увеличение уровня коррупции, геронтократия; возможно, существовала негласная борьба за ресурсы в кругах партийной элиты. Это способствовало экономическому кризису, застою в остальных секторах экономики и даже кризису в политической сфере.

Ресурсное проклятие в 90-е гг.

Профессор политологии и международных отношений в Кентском университете Ричард Саква утверждает, что России досталось непростое наследство государства-монополиста и командной экономики [5]. В своей работе «Сырьевой сектор России: экономика кон-

троля и политика ренты» Саква исследует российскую политику ренты на протяжении 90-х, 2000-х гг.

Слабость государственной власти в 90-е гг. позволила наиболее предприимчивым бизнесменам, или, по-другому, олигархам приватизировать наиболее «лакомые куски» сырьевой ренты.

Саква утверждает, что в 90-е гг. нефть позволила поддерживать так называемую виртуальную экономику, характеризующуюся долгами по зарплате, бартерными сделками, в то же самое время цены на энергоносители поддерживались на низком уровне. Из-за слабости государственной власти крупному бизнесу, в том числе и в сырьевой промышленности, удалось стать политической элитой и диктовать свои условия власти. Ярчайший пример этому – вторая предвыборная кампания Ельцина, которая благодаря участию бизнес-структур оказалась успешной, несмотря на предполагаемый провал.

Как бизнес в одночасье смог оказаться у руля? Одной из причин можно назвать залоговые аукционы 1995 г. Произошла фиктивная процедура приватизации, благодаря которой пакеты акций многих крупных компаний оказались в руках банков. Государство под залог акций брало кредиты у крупных банков, но деньги не возвращались, таким образом, крупные нефтяные и металлургические компании остались в частных руках. Если посмотреть на список компаний, то большая часть из них являются нефтяными компаниями: Лукойл, Сиданко (сейчас ТНК-ВР), ЮКОС, Сибнефть, Сургутнефтегаз, Нафта-Москва. По оценкам Счётной палаты в 2004 г., аукционы были проведены по сильно заниженным ценам и носили фиктивный характер. О фиктивности говорили спустя время сами владельцы акций – Ходорковский, Березовский.

Тем не менее, какая выгода была для государства от практически раздаренных сырьевых ниш? Отвечают на этот вопрос сами политики. А. Чубайс выразил общую мысль политической элиты того времени: без залоговых аукционов тогдашнее правительство проиграло бы выборы коммунистам, кроме того, проиграл бы выборы Ельцин, рейтинг доверия к которому упал. Получается, что «распил» нефтяных компаний между бизнесом – это плата за отсутствие коммунизма в стране? Напрашивается и другой вывод. После распада СССР нефть является мерилем власти, кто ею обладает, тот и «правит бал». Этот вывод

подтверждается и тем, что пришедший к власти В. Путин, осознав угрозу со стороны сырьевого бизнеса, «расставил все точки над *i*» на знаменитом «шашлычном соглашении», где представителям крупного бизнеса объяснили новые правила игры: бизнес без вмешательства в политику. Те, кто не следовал этим принципам далее, как, например, глава ЮКОСА, попадали в опалу, а имущество получали государственные нефтяные компании.

До 1998 г. ситуация характеризовалась либерализацией экономики и политики, появился плюрализм мнений, который нашел отражение в первой и второй Государственной думе. Во время постановки экономики на рыночные рельсы нефть являлась «спасательным кругом» для экономики страны в целом и тот, кто ею обладал, получал власть в стране.

Что касается усиления авторитарных тенденций, в политике до прихода В. Путина мы наблюдали обратную картину, государственная власть была слаба и пыталась удержать статус-кво благодаря имеющимся в стране ресурсам. Но кризис 1998 г. снова обнажил зависимость российской экономики от сырьевого рынка. После обвала цен на нефть в 1998 г. в стране был объявлен дефолт, курс российской валюты упал, банковская система оказалась в упадке. Налицо снова признаки сырьевого проклятия.

Нефть в 90-х гг. – это спутник общего экономического и политического кризисов в стране. Неудачная экономическая политика, фиктивная приватизация, страх руководства потерять власть – все это вылилось в кризис 1998 г. В этот период не наблюдалось авторитарного давления, и нельзя сказать, что нефть разрушала демократию по сравнению с периодом СССР. Хотя от обладания ею определялись основные игроки на политической арене. Приход к власти В. Путина расставил приоритеты в отношении к сырьевому богатству страны и ее обладателям.

Ресурсное проклятие с 2000-х гг.

После «шашлычного соглашения» ситуация в отношении нефтяных гигантов изменилась. Государство взяло инициативу сырьевой

монополии на себя. Политической элите пришлось договариваться с основными нефтяными регионами страны, как-то: Северный Кавказ (Чечня), Татарстан, Башкортостан. Путем финансирования из центра и наделением негласного особого статуса регионов, правительство убило сразу двух зайцев: нефтяной приток денег, а также обеспечение победы на выборах путем практически 100% голосования за правящую партию.

Российская экономика достигла своего расцвета в 2004 г., именно тогда зафиксированы высокие цены на нефть. Этот же год ознаменован громким процессом над нефтяной компанией ЮКОС и ее руководством (компания ЮКОС образовалась в результате залоговых аукционов). Ричард Саква уделяет большое внимание делу ЮКОСа [5]. Государству, по его мнению, удалось деприватизировать отданную ренту. При этом не изменилось направление сырьевой зависимости, но изменился контекст от борьбы олигархов за сырьевой ресурс к борьбе внутри политической структуры режима.

С течением времени нефть и газ стали инструментом внешней политики. Так, современные политические конфликты с участием России доказывают, что ресурсы являются оружием в арсенале российских угроз. Так происходило с Украиной, которую грозились отключить от газа в случае политической нелояльности к Москве. В данный момент Украина гасит долг за газ на средства, выделенные ей международными валютными структурами.

Политический режим в России в 2000-е гг. характеризуется как электоральный авторитаризм [4]. В условиях такого режима выборы играют первостепенную роль, так как обеспечивают внутривнутриполитическую и международную легитимацию власти [3]. В отличие от первых выборов в Государственную думу политическая элита в 2000-х гг. пытается с помощью электоральных механизмов удерживать власть, при этом сохраняя видимую конкуренцию для легитимации власти. В данный период можно говорить об откате к авторитарным тенденциям.

В 2014 г. в связи с ситуацией на Украине экономическими санкциями со стороны Запада, падением цен на нефть, а также другими факторами в России опять наблюдаются признаки экономического кризиса. Рубль ослабел по отношению к доллару и евро, многие сек-

торы экономики оказались в кризисе, так, например, серьезные проблемы испытывает строительный рынок, где все строящиеся объекты заморожены до улучшения экономической ситуации в стране. Инфляция в 2014 г. достигла рекордных показателей с 2008 г. (когда тоже наблюдался экономический кризис) – 11,4%. И многими исследователями предлагаются не самые оптимистичные сценарии для развития экономической ситуации в стране.

Случай России и сценарии развития

Так имеет ли место в России сырьевое проклятие? Являются ли три экономических кризиса подтверждением сырьевого проклятия? Что стоит ожидать от политической и экономической ситуации в стране? Если на смену придет новая политическая элита, будет ли она учитывать прошлые ошибки? Этими вопросами сейчас задаются не просто исследователи, но и простые граждане. Россия вновь стоит на пороге переломного момента, от силы и воли политической элиты зависит дальнейшая судьба экономики и ее уклад. Пока что мы наблюдаем те же меры, что и в 1998 г., это касается политики Центробанка и поведения политического лидера. ЦБ отказывается от поддержания курса рубля, повышена ставка рефинансирования, растут ставки по потребительским кредитам. На пресс-конференции В. Путина в декабре 2014 г. не прозвучало каких-либо серьезных и стратегических мер для улучшения экономической ситуации в стране. Циклическое повторение событий вновь возвращает нас к истокам сырьевого проклятия.

Ричард Саква в своей работе приводит мнения исследователей, что российский случай – самобытен. Майкл Эльман утверждает, например, что Россия избежала ресурсного проклятия, так как, в отличие от СССР, гарантирует стабильность своих экспортных поставок. Пратих Гурха говорит о том, что, несмотря на сырьевую зависимость, Россия смогла перейти от командной экономики к рыночной и от авторитаризма к демократии и теперь опять движется к авторитаризму [5].

А.Н. Щербак в своей работе ««Нефтяное проклятие» политического развития» утверждает, что Россия является мягким вариантом «ресурсного проклятия» [7]. Россию нельзя отнести к странам третьего мира, где могут возникнуть вооружённые конфликты из-за доступа

к нефти. Тем не менее у нее есть болевые точки в виде нефтяных доноров на Северном Кавказе, которые в случае сокращения финансирования со стороны центра могут оказаться политической и экономической «пороховой бочкой».

Вероятно, в России все-таки существует связь между экономическими кризисами и сырьевой зависимостью. Во всех трех случаях кризис начинался после обвала цен на нефть на мировом рынке. Но за это время сменились 3 поколения власти, и ситуация менялась в сторону демократии и обратно к авторитаризму, а это не позволяет нам утверждать, что нефть способствует авторитаризму в стране.

Исследователи предлагают несколько вариантов развития ситуации в стране в ближайшее время.

Дэниэль Трейсман, профессор политологии Калифорнийского университета, еще в 2011 г. предложил 4 сценария развития для российской экономики [6]:

- Нулевой экономический рост – падение цен на сырье, эпоха «дорогих денег».
- Падение экономического роста, связанное с падением спроса на энергетическое сырье в Европе.
- Небольшой рост экономики – поиск других покупателей для сырья, кроме Запада, выход на китайский рынок.
- Рост экономики, связанный с иностранным инвестированием. Инвесторы будут занимать деньги в Америке и инвестировать в Россию.

Пока мы наблюдаем сочетание падения цен на сырье, ослабления национальной валюты, крупнейший договор на поставку газа с Китаем, который многие аналитики склонны считать убыточным.

Таким образом, мы рассмотрели сырьевое проклятие на протяжении трех периодов в России: эпоха застоя, 1990-е и 2000-е гг. Также увидели различные исследовательские точки зрения на феномен сырьевого проклятия в России. За последние 3 десятилетия нефть является основной статьей российского экспорта. И именно последние 3 десятилетия ознаменованы экономическими и политическими кризисами. Но цикличность экономических кризисов – это признак прежде всего рыночной экономики, она в случае России не влияет на авторитарные тенденции. Сменились 3 поколения власти, и в каждый период

правление было разным (от недемократического правления в сторону демократии и обратно). Зависимость от сырьевых ресурсов может свидетельствовать прежде всего о неэффективном управлении экономикой.

1. Auty R., The Political Economy of Resource-Driven Growth // *European Economic Review*. 2001. Vol. 45. № 4. P. 839-846.

2. Ross M.L. Does oil hinder democracy? // *World politics*, 2001. URL: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=7678284&fileId=S0043887100020153>

3. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. 2012. № 4 (67). С. 67–77.

4. Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // *Pro et contra*. 2008. Январь – февраль. С. 22–35.

5. Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6 (74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sa9.html>

6. Трейсман Д. Политэкономия российского развития // *Pro et Contra*. 2011. Т. 5. № 1–2 (январь-февраль). С. 89–100.

7. Щербак А.Н. «Нефтяное проклятие» политического развития // *Нефть. Газ. Модернизация общества*. СПб.: Экономическая школа ГУ ВШЭ: Экономикус; М.: ОМЕГА-Л, 2008. С. 31-52.

ИСТОРИЯ

А. К. Гагиева

О государственное архивной отрасли в условиях формирующейся административно-командной системы управления

УДК 939.25

В статье рассматривается огосударствление архивной отрасли в условиях формирования административно-командной системы управления. Впервые показаны основные черты административно-командной системы и включение архивной отрасли в государственное управление.

Ключевые слова: архив, архивохранилища, административно-командная система, комплектование, хранение, документ.

A.K. Gagieva The nationalisation of the archival sector in the emerging administrative-command system of management

This article discusses the nationalisation of the archival sector in the formation of the administrative – command system of management. The first shows the main features of the administrative – command system and the inclusion of the archival sector in public administration.

Key words: archive, archives, administrative-command system, acquisition, storage, document.

Изучение истории архивного дела в СССР имеет давнюю традицию. Вопросам истории комплектования архивных фондов, хранения и использования документов были посвящены работы В.В. Максако-

ва, В.А. Савина и других [3], [5], [4], [7]. Вместе с тем проблема огосударствления архивной отрасли в условиях административно-хозяйственной системы управления (АКСУ) не нашла до настоящего времени достойного места в научных исследованиях. Исключение, пожалуй, составляет работа Т.И. Хорхординой [6]. Цель настоящей работы – рассмотреть развитие архивной отрасли Советской республики в условиях АКСУ. Хронологически период охватывает 30–60-е гг. прошлого века и условно делится на два – 30–40-е гг. и 50–60-е гг. На первом произошла передача всей архивной системы в ведение Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), на втором – усиление регламентации деятельности архивов. Известно, что в 1964 г. архивы были переданы из НКВД в управление Совета Министров СССР [10].

В данной работе мы рассмотрим истоки формирования системы и огосударствление архивного дела в 30–40-е гг. Прежде чем приступить к изложению, необходимо обратиться к истории формирования АКСУ.

Возникновение АКСУ относится к началу 20-х гг., хотя отдельные ее черты существовали уже в период Гражданской войны. Среди причин появления есть экономические, политические, социальные, исторические и другие. В целом же формирование системы было обусловлено неверными решениями при выборе путей развития экономики, острейшей политической борьбой, в которой победу одержала сначала узкая группировка партийных верхов, а затем – один человек.

Сразу после революции и окончания гражданской войны наблюдалось активное вовлечение трудящихся в управление государством. При этом выявился низкий культурный уровень населения, малочисленность пролетариата, неквалифицированность управленческого состава новой власти. Все это привело к усилению исполнительных органов, большинство структурных частей которых не избиралось, а назначалось. Советы всех уровней из-за низкой компетентности большинства депутатов, а отчасти и из-за склонности их «к митинговой демократии» не могли претендовать на выработку законов и все больше склонялись к простому одобрению решений правящей партии. Они постепенно перестали принимать решения, а выведение из их числа в начале 20-х годов представителей других партий и вовсе свернуло их деятельность.

В 20–30-е гг. главным методом руководства была «чрезвычайщина» – совокупность принципов, приемов и методов управления, основанных на массовых репрессиях, судебном и внесудебном принуждении. Следует признать, что объективные условия, в которых вызревала АКСУ, хотя и были сложными, но их никак нельзя рассматривать как чрезвычайные, требующие максимальной концентрации власти. Чрезвычайная система управления, если она необходима (например, в условиях войны), допустима и оправдана лишь на короткое время. АКСУ сделала «чрезвычайность» не только основным принципом организации и деятельности всего государственного аппарата, но и «образом жизни». Стратегия ускоренного индустриального развития открыто требовала от советских людей «серьезных жертв» и призывала сознательно идти на них, а там, где энтузиазма и добровольной готовности к жертвам было недостаточно, находились «враги и приспешники врагов». С начала 30-х гг. начинает формироваться «чрезвычайное законодательство», которое было связано с проведением коллективизации и ликвидацией кулачества. Все законы были не только беспредельно жестоки, но и растяжимы: их можно было применять за любой проступок и осудить по ним на любой срок. Ужесточение уголовного наказания за счет огромного количества «чрезвычайных законов», направленных в первую очередь на охрану социалистической собственности, и было основой АКСУ. Как известно, АКСУ создала и органы внесудебных репрессий – «особые совещания» при наркоматах внутренних дел союзных и автономных республик, при местных правоохранительных органах. Чрезвычайные меры, вводимые законодательно с середины 20-х гг., неизбежно вели к гипертрофии функций карательных органов, которые все больше стали выходить из-под контроля государства, будучи лишь под контролем вождя.

На протяжении 30-х гг. в качестве универсального средства решения всех проблем АКСУ использовала репрессии. Первая волна репрессий пришлась на 1929–1933 гг., когда на селе была проведена так называемая революция сверху, преследовавшая цель ликвидировать кулачество. Вторая – на 1937–1938 гг., когда было предпринято уничтожение всех потенциальных противников Сталина в борьбе за власть. Третья волна – 40–50-е гг. – имела цель навечно законсервировать административно-командную систему. Репрессии, в ходе ко-

торых когорта революционеров постепенно сменилась армией чиновников, способствовала созданию тотальной бюрократии.

С середины 20-х гг. особенно быстро разрастался исполнительный аппарат, а именно та его часть, которая связана с административными мерами принуждения: органы НКВД, узкоспециализированные органы контроля (финансового, санитарного, планового и т.п.), всевозможные «инспекции» и «уполномоченные». Все они были централизованы, действовали в масштабах Союза ССР, независимо от Советов. Всеобщий административный надзор осуществлял вновь созданный в 1934 г. Наркомат внутренних дел СССР. Настоящими причинами роста управленческого аппарата и бюрократизации государственной жизни являлись огосударствление, концентрация политической власти в руках государственных и партийных органов.

АКСУ держалась в значительной мере на номенклатурном управлении всем обществом. Назначение и перемещение руководящих кадров всего государственного аппарата по воле «партийных верхов» – вот стержень АКСУ. Именно он обеспечивал личную зависимость назначаемых от руководства. Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате (а позднее и общественных организациях), кандидатуры, которые предварительно рассматриваются, рекомендуются, утверждаются или отзываются партийным комитетом от райкома до ЦК партии. Номенклатура – явление, присущее однопартийной системе, при которой в стране действует политическая партия, претендующая на роль руководителя всего государства. Авторами этой идеи выступили Молотов и Каганович. Сила номенклатуры состоит изначально в незаконности, а значит – бесконтрольности и безответственности.

С существованием номенклатуры тесно связаны непрофессионализм, неквалифицированность управления. Начиная с 30-х гг. падал авторитет квалифицированного труда, нанесший особый урон управлению, которое в силу своей специфики должно координировать и организовывать все остальные виды труда. При АКСУ происходил своеобразный «отрицательный отбор», когда, повинуясь аппаратным законам, своеобразной этике бюрократов, в аппарат подбирались кадры послушных исполнителей. АКСУ требовала приспособленчества, компетентный человек был для нее опасен. Сама АКСУ тиражировала

непрофессионалов, т.е. людей, плохо или совсем не учившихся, не знающих дела, но усвоивших лозунги текущего момента и «генеральную линию».

Концентрируя власть, ответственность и даже инициативу только в высших эшелонах партийно-государственного управления, АКСУ превращала коллективность руководства в фикцию, да и сам «центр» в стремлении максимально расширить сферу руководства быстро сползал к административной «текучке». Начиная с 30-х гг. пределы вмешательства партийных органов в деятельность госаппарата расширялись с каждым годом. Всеохватывающая регламентация усугубляла бюрократизм, а ее носители постепенно превращались в определенный слой – корпорацию партийных и хозяйственных руководителей, управленцев, использующих свое положение не в интересах дела, а в своих корыстных интересах.

Административно-командная система управления наложила отпечаток на все сферы жизни государства: производственные отношения, сельское хозяйство, государственный аппарат, культуру, быт, деформировав их содержание. В духовной сфере АКСУ насаждала «единомыслие», создавала атмосферу страха, подозрительности, неуверенности.

К концу 40-х гг. система была создана и активно функционировала. Для решения конкретных задач строительства социализма внимание было обращено на кооперацию, строительство дорог, киноиндустрию и архивное дело. Все они были переданы в систему НКВД с последующей реорганизацией, «чистками» аппарата, строгой регламентацией деятельности. Во главе учреждений были назначены военные и обязательно члены партии с приличным (5-10 лет) партийным стажем.

В настоящее время вопрос, связанный с передачей в систему НКВД архивной отрасли, получил неоднозначную оценку. Представители марксистского направления считали, что включение архивной отрасли в систему НКВД имело исключительно положительную роль [3]. Представители демократического направления, не отрицая определенных достижений новой власти в области архивного строительства, утверждали, что такая передача исключала расширение тематики научных исследований, сокращала, а зачастую прекращала работу исследователей по отдельным направлениям и темам, что приводило

к отставанию науки. В конечном счете это привело к усилению ведомственности, созданию специальных хранилищ, закрытию для исследователей определенных архивов и фондов [6]. Для того чтобы выяснить содержание вопроса, обратимся к истории архивной отрасли Советской республики в условиях АКСУ.

Как известно, 1 июня 1918 г. в России был принят Декрет СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», который положил начало советскому архивному строительству. Были созданы Центральные архивные органы, которые не только руководили архивной работой в стране и регионах, но и должны были заниматься сбором, комплектованием и сохранением полученной документации. Архивная отрасль нуждалась в финансировании, улучшении материально-технической базы, формировании системы подготовки кадров [1]. Однако государство пошло по более легкому пути: архивная отрасль была передана в государственные структуры.

В 1938 г. было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР о передаче управления архивами и сетью государственных архивов НКВД. Центральное архивное управление (ЦАУ) СССР преобразовали в Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР. Архивные учреждения союзных республик поступили в ведение ГАУ НКВД СССР. Для непосредственного руководства архивным делом союзных и автономных республик, а также в краях и областях несколько позднее организовали архивные отделы (отделения) в НКВД республик и УНКВД краев и областей [1].

Государственные архивы – республиканские, краевые, областные, окружные – подчинялись, соответственно, народным комиссарам республик, начальникам управлений НКВД краев и областей и начальникам окружных отделов НКВД. Районные архивы – начальникам районных отделов (отделений) НКВД. Центральные государственные архивы передали ГАУ НКВД СССР. На него возложили также руководство работой за ведомственными архивами через архивные отделы и отделения.

В декабре 1938 г. государственные архивы РСФСР, как местные, так и центральные, в которых находились фонды общесоюзного значения и все органы архивного управления РСФСР, в том числе и ЦАУ РСФСР, передали НКВД СССР. Эти изменения, разрешив зада-

чу организации фондов общесоюзных учреждений и общесоюзного значения, вместе с тем не ставили архивы РСФСР в особое положение по сравнению с архивами других союзных республик.

Архивные отделы УНКВД руководили государственными архивами края, области, города и района. Были созданы отделения: организационно-методическое, научно-издательское, административно-финансовое и отдел кадров. На архивные отделы возлагались следующие задачи: определение категорий материалов, не подлежащих хранению, соблюдение правил выделения этих бумаг из государственных и ведомственных архивов к уничтожению. Отделы должны были осуществлять научно-методическую работу и контролировать исполнение постановлений правительства, директив и инструкций ГАУ СССР о работе архивов предприятий и учреждений. Архивные отделы руководили также подготовкой кадров для государственных архивов.

Директивы правительства о принятии мер к охране и приведению в порядок документальных материалов ГАФ СССР были в центре внимания регулярно проводившихся совещаний ГАУ НКВД. Они были посвящены в основном усилению методической работы. Необходимость пересмотра методических правил и инструкции по архивному делу и разработки новых диктовалась тем, что до 1938 г. почти все методические директивы исходили из республиканских архивных управлений. Не всегда методические документы одной союзной республики учитывали опыт других республик. Как правило, они не учитывали особенностей содержания архивных материалов общесоюзных учреждений.

ГАУ НКВД должно было создать такие методические указания, которые, учитывая исторические особенности образования архивных фондов и развития архивного дела каждой союзной республики, вместе с тем исходили бы из задач обеспечения использования документов ГАФ СССР в интересах Советского государства. На происходивших совещаниях обсуждались методические вопросы и подвергались критике изданные до того времени союзными республиками инструкции, правила, циркуляры.

Примером может служить совещание актива архивных работников 1938 г. На нем говорилось о необходимости издания кодифициро-

ванного сборника правил и инструкций по архивно-техническим вопросам архивной работы. Для общего руководства сборником было предложено создать методический центр из наиболее квалифицированных специалистов. Совещание наметило меры по организации обмена опытом и повышения квалификации архивных работников. Перед методическим центром поставили задачу создания единой системы обработки, хранения и использования документов ГАФ СССР. Однако вместо Центра был создан, учитывая пожелания практических работников, в конце 1938 г. методический сектор, который должен был готовить методические пособия для улучшения деятельности архивов [1].

Важнейшими результатами ЦАУ, а затем ГАУ НКВД СССР по упорядочению архивных документов и разработке методических рекомендаций в этот период были опубликованные документы: «Правила составления инвентарной описи архивных материалов в государственных архивах СССР» (1938), «Правила систематизации архивных материалов в государственных архивах СССР» (1938), «Правила определения архивного фонда» (1939), «Правила ревизии наличия и состояния архивных материалов» (1938 и 1940), «Указания об улучшении работы районных архивов и архивов военных учреждений» (1940), «Положение о Центральной экспертно-поверочной комиссии ГАУ СССР и экспертно-поверочных комиссиях местных архивных органов» (1940) и т.д. [1]. Была проведена также массовая проверка и реставрация пострадавших от времени и неблагоприятных условий хранения документов, усилена охрана материалов от хищений, потерь, гибели и стихийных бедствий.

«Правила составления инвентарной описи архивных материалов в государственных архивах СССР» были необходимы для установления единообразия в описательной работе, развернувшейся в те годы. Инвентарные описи предлагалось составлять прежде всего на неописанные материалы, а затем на документы, описанные неудовлетворительно. При этом следовало учитывать степень актуальности дел. Не рекомендовалось заниматься новым составлением описей, которыми можно было пользоваться. Инвентарная опись, согласно «Правилам», должна служить задачам как учета материалов по единицам хранения, так и контроля над их сохранностью, а также целям раскрытия состава

ва и содержания документов. «Правила систематизации архивных материалов» устанавливали единый и обязательный порядок этого вида занятий. «Правила определения архивного фонда» (1939) были закреплены постановлением Совнаркома СССР, утвердившим в 1941 г. «Положение о Государственном архивном фонде СССР (ГАФ)» и новую сеть государственных архивов СССР. В состав ГАФ СССР были включены все документы, имеющие научное, политическое и практическое значение, независимо от времени их происхождения, содержания, оформления, техники и способа воспроизведения.

В положении были названы группы учреждений, организаций и предприятий, документы которых входят в состав ГАФ СССР и хранятся в центральных, республиканских, областных (краевых), окружных и районных государственных архивах. Данный документ изменил сеть государственных архивов. Документы высших и центральных учреждений СССР и дореволюционной истории подлежали хранению в центральных архивах СССР. Названия каждого из этих архивов начинались словами: «Центральный Государственный». Принципиально новым было создание Центрального государственного литературного архива, впоследствии переименованного в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Архив такого профиля создавался не только в нашей стране, но и во всем мире. В течение долгого периода он оставался единственным.

Одновременно с частичной реорганизацией центральных архивов шла реорганизация сети местных архивов: существовавшие в областях самостоятельные исторические архивы и архивы некой революции сливались в один архив – Государственный архив области. Однако этого было мало.

Государство, взяв под свой контроль все архивную систему, не заботилось о сохранении уникальных документов и документов советской эпохи, ликвидировав самостоятельность архивной системы и невозможность вхождения с предложениями непосредственно в правительство (чем был нарушен один из пунктов ленинского Декрета 1918 г.). Назначение на руководящие посты работников, далеких от проблем архивного дела, существенное ограничение допуска исследователей к документам также не способствовали развитию архивного дела в стране. Все это сказалось на объемах и тематике научных

исследований, уменьшении количества публикаций, особенно публикаций исторических источников. В итоге все это привело к ослаблению связей с научными учреждениями. В результате АКСУ разрушила имевшиеся в стране исторические и архивные школы, что негативно повлияло на развитие исторической науки в целом.

1. Гагиева А.К. Очерки истории становления и формирования архивного дела в России (IX – конец XX). Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010.
2. Гагиева А.К., Кондратова И.В. Организация государственных учреждений в России (IX-XX вв.) : учебно-методическое пособие. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011.
3. Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969
4. Пшеничный А.П. Из истории становления управления архивным делом в СССР 1918–1941 гг. // Советские архивы. 1988. № 3.
5. Савин В.В. Формирование Государственного архивного фонда СССР в 1920–1950-х гг. // Советские архивы. 1991. № 1.
6. Хорхордина Т.И. История отечества и архивы 1917–1980 гг. М., 1994.
7. Чупрова Э.Г. Архивы Коми АССР: 1922–1991 гг. Сыктывкар, 2007.

ФИЛОЛОГИЯ

Н. В. Кожуховская

«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова: принципы поэтики

УДК 82.09

Автор статьи рассматривает «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» как произведение, близкое к поэтике «натуральной школы». Главным художественным свойством книги представлена изоморфность ее структуры. Она реализуется в принципе дополнительности, который проявляет себя на всех уровнях текста (сюжет, хронотон, композиция, стиль). Наряду с открытым финалом эта особенность расценивается как выражение принципиальной незавершимости познания природы.

Ключевые слова: С.Т. Аксаков, «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», пейзаж литературный, поэтика прозы, композиция.

N.V. Kozhukhovskaya. «Notes of an Orenburg province rifle hunter» of S.T. Aksakov: principles poetics

The author of the article considers the «Notes of an Orenburg Province Rifle Hunter» as a product that is close to the poetics of Natural School. The main artistic feature of the book appears isomorphism of its structure. It is realized in principle of complementarity, which manifests itself at all levels of the text (plot, time-space, composition, style). Together with an open ending, this characteristic is regarded as an expression of the fundamental unfinalizability knowledge of nature.

Key words: *Sergey T. Aksakov, «Notes of an Orenburg Province Rifle Hunter», «literary nature», poetics prose, composition.*

Автор фундаментальной монографии по творчеству Аксакова – С.И. Машинский – в 1973 г. писал, что невозможно найти другого крупного писателя XIX века, чье творчество было бы настолько недостаточно изучено [5, с. 4]. За сорок лет в этом плане мало что изменилось и, возможно, отчасти потому, что документальный стиль очерков Аксакова как бы помещает его вне «большой» литературы, «художественность» которой привычно понимается в узком смысле. Между тем именно это качество аксаковской прозы стало определяющим в точке того поворота, который русская литература совершала в годы становления поэтики «натуральной школы», обозначившей поворот от дедуктивных методов художественного постижения действительности к индуктивным. Тот же исследователь справедливо замечал, что «на примере Аксакова чрезвычайно ярко раскрывается методологическая ущербность критического анализа, основанного на механическом разъединении содержания, идейной проблематики произведения и особенностей, своеобразия его художественной формы» [5, с. 8]. Это и определяет актуальность исследования художественной формы аксаковских очерков.

Близость ее к поэтике «натуральной школы» была С.И. Машинским отмечена [5, с. 323], но не прокомментирована. В исследованиях же, посвященных «натуральной школе», фамилия писателя практически не упоминается, хотя ее обозначенные идейно-художественные установки («„дагерротипность“, безграничная вера в прекрасное самой жизни, злободневность, точность факта, популярность, простота стиля, языка <...> это эскиз, набросок для памяти карандашом» [3, с. 86-87]) – именно то, что характеризует аксаковскую манеру повествования о природе. Сложилась традиция по умолчанию считать, что та *среда*, отношения которой с человеком исследуют деятели «натуральной школы», – это исключительно социум (обсуждая вопрос, почему очерки именно «физиологические», В.И. Кулешов ищет аналогии с *социальным*), хотя узость такой точки зрения очевидна. «Средой» (исторически даже в первую очередь) является и природа, и – в каком-то

смысле – язык (имея в виду исследования, которыми как раз в это время начинал заниматься В.И. Даль).

Как «охотничьи», так и «рыбачьи» очерки Аксакова построены по одному принципу, и в качестве материала для исследования его подхода к описанию природы мы берем самую известную его книгу, структура которой продуманно отражает заданную точку зрения: *Записки ружейного охотника Оренбургской губернии*. (Работа над «Записками...» велась в 1849–51 гг., опубликована книга в 1852 г.) Точно – в лучших традициях «натуральной школы» – указаны и место (где), и герой (кто). Описываемые «персонажи» распределены не по зоологическим классификаторам, а по среде обитания, в которой наблюдает их повествователь: дичь болотная, водяная, степная (полевая) и лесная. Галерею птичьих портретов замыкает заяц. Аксаков оговаривается, что не собирается описывать медведей, оленей и т.п., поскольку меньше с ними знаком и претендует лишь на сообщение читателю собственных наблюдений. Иногда он, правда, дополняет их информацией, почерпнутой от других охотников, но делает это неохотно и лишь с прибавкой о «достоверности источника». Краткой, например, оказывается главка о дрофе, потому что автору во встречах с ней сопутствовала «совершенная неудача». Герои природного мира, таким образом, предстают лишь в своем функциональном отношении к человеку, притом конкретному носителю опыта (*этому*, а не человеку вообще).

Аксакову интуитивно внятен смысл самоутверждения человека в охоте, которая понимается не просто как банальный процесс добывания более или менее вкусной еды, а состязание в ловкости и зоркости с богато вооруженным в этом смысле природным существом. Разделяя охотников с «добытчиками» дичи, заинтересованными в результате, а не в процессе, Аксаков не только не помышляет о возможности неспортивного, как сейчас говорят, поведения, но даже некоторые принятые методы охоты (например, отстрел дупелей на току) смутно его отталкивают: «как-то совестно убивать птицу пьяную, безумную, вследствие непреложного закона природы; птицу, которая в это время не видит огня и не слышит ружейного выстрела!» [1, с. 55].

Жанр книги автор обозначает очень уверенно: «Моя книжка не больше и не меньше, как простые записки страстного охотника и на-

блюдателя, иногда довольно подробные и полные, иногда поверхностные и односторонние, но всегда добросовестные» [1, с. 25]. А далее он так же уверенно обозначает свою аудиторию, оговаривая, что книга его может быть полезна как для других ружейных охотников, так и для «ученых натуралистов», которые «могут смело полагаться» на его слова [1, 26]. *Достоверность* – единственное качество аксаковской прозы, на котором решительно настаивает сам автор.

Категории «эксплицитного» и «имплицитного» читателя у Аксакова вообще вступают в своеобразное взаимодействие: образно говоря, он стремится превратить первого во второго, поделиться своим видением ситуации или проблемы: специфическое охотничье «внимание» к птице предстает как дань своеобразного уважения ее достоинств, непонятная человеку стороннему, не-охотнику. Так, в благодарность за радость, доставляемую весной ранним прилетом нырков, он постоянно сохранял к ним это уважение «и стрелял, когда попадались». – «Хороша благодарность и уважение, скажут не охотники, но у нас своя логика...» [1, с. 167] – и далее автор объясняет свою позицию.

Повествовательный дискурс выстраивается с оглядкой на предполагаемый эскиз аудитории («совет <...> тем охотникам, горячность которых не проходит с годами...» [1, с. 25]) и мнение потенциального оппонента («Едва ли согласится со мною кто-нибудь из охотников нового поколения, но я... [1, с. 18]) – и т.п.

Принцип дополнительности в «Записках...» вообще можно считать фундаментальным, и это обстоятельство находит свое выражение в изоморфности всех уровней художественной структуры. Сюжет (сюжеты), композиция, художественное время и пространство очерков выстроены таким образом, что каждый полюс находит себе уравновешивающее соответствие. (Несколько особое положение занимает в этой системе категория стиля, о чем будет сказано ниже.)

Писатель использует оба основных способа организации материала: как циклический, так и кумулятивный. Композиция книги почти математически жесткая. Она открывается (как научное исследование) Вступлением – описанием «инструментария» охоты: ружье, ружейные припасы, собаки и т.п. Затем следуют 4 раздела, каждый из которых начинается описанием природных условий жизни данного

разряда дичи: болота, воды, степь, лес. К двум первым главам также имеются свои вступления («приступ к описанию болотной дичи», «приступ к описанию водяной дичи») – там, где автору требуется обосновать мотивировку композиции своего «исследования». (В отдельных случаях Аксаков прибегает и к нумерованным перечислениям.)

Панорамные очерки, создающие *общую* картину, дополняются далее *конкретными* портретами-зарисовками очередного «персонажа» – дрозда, вальдшнепа или зайца. Размещение очерков внутри раздела подчинено практическим соображениям: от описания самых дорогих пород дичи – к заурядным и малоценным; их документализм, таким образом, обладает не научной, а прагматической природой.

Каждый отдельный очерк-портрет скомпонован из набора элементов, появляющихся почти в неизменной последовательности (редко пропускается из них один или два): названия очередной рассматриваемой породы дичи и предположения о происхождении этого названия, подробнейшего описания наружности, повадок и образа жизни, общих рекомендаций охотнику, любопытных случаев из собственного охотничьего опыта автора и пр.

«Флора» – не просто фон, на котором размещены портреты «фауны»: все в целом составляет самоценную картину биоценоза, представленного в единстве и движении. Аксаков описывает «естественную историю» болот (образование их из застойных озер), процесс превращения ручейков в речки и реки и т.п. Он подчеркивает функциональность природного комплекса «вода и лес», в котором оба элемента поддерживают друг друга.

Художественное пространство «Записок...» типологически близко к ландшафтам художника, которого нередко – и не без причины – сопоставляли с Аксаковым: И.И. Шишкина. Исследователи Шишкина указывали в этой связи на «такие качества поэтики аксаковского аналитического пейзажа, как сдержанная простота, безыскусственность, бережное внимание ко всем, казалось бы, мелким проявлениям жизни природы... Оба они шли от своих натуральных наблюдений» [6, с.7].

К этому хотелось бы добавить особенность пространственной композиции. И.Н. Шувалова отмечает, что Шишкин находит средства «разомкнуть» рамку полотна: традиционная кулисная композиция утрачивает свой абсолютный характер. Кроны деревьев уводятся за

верхний обрез картины [6, с.77, 94], как если бы им не хватало места на полотне. Констатирован также прием приближения изображения, который словно вводит зрителя внутрь композиции, давая крупный первый план, вроде тропинки, срезанной нижним краем рамы и как бы лежащей тебе под ноги [6, с. 46, 48].

Между тем нечто подобное мы видим и у Аксакова. Роль «срезанной рамки» выполняют и его систематические оговорки относительно границ собственного опыта, в пределах которых он готов делиться со своим читателем и тем самым тоже «приобщать» его к миру живой природы («Мне хорошо известны только зайцы, и о них-то я и намерен поговорить теперь...» [1, с. 335]), и – особенно – структура книги, принципиально открытая для присоединения все новых элементов (тот самый кумулятивный принцип).

Особенно выразительно отсутствие в «Записках...» композиционно маркированной концовки. Если их зачин отмечен почти научной «выстроенностью» и четкостью, то последний очерк последнего раздела своим окончанием ничем принципиально не отличается от прочих: создается впечатление «обрыва», вернее сознательной незавершенности. Аксаков описывает очередной охотничий казус с «мелкими птичками» и заключает словами: «потому не знаю, как стали бы они жить в теплом воздухе» [1, с. 350]. Эта фраза – и есть конец «Записок...», своей «открытостью», пожалуй, готовый поспорить со знаменитым финалом «Евгения Онегина»: «Итак, я жил тогда в Одессе...». Собственно говоря, сравнение не такое уж и юмористическое, учитывая, что задачи Пушкина и Аксакова схожи: поставить читателя перед лицом жизни, по выражению Ю.М. Лотмана, не знающей категорий «начала и конца, изолированной цепочки событий» [5, с. 76].

Изъятые из естественного «контекста», природные явления утрачивают полноту своего смысла. Бой (пение) перепелов в клетке – жалкий, заглушаемый городским шумом крик; пение соловья в душной комнате «болезненно действует на душу» [1, с. 250, 265].

Аксаков отдает себе отчет, что эволюция любой природной среды особенно ускоряется присутствием и деятельностью человека, и то, что описывает повествователь, со временем должно отойти в область преданий. Оренбургские степи будут освоены и заселены. Это в порядке вещей, но есть и другая сторона медали. Писатель с беспо-

койством замечает оскудение природы: некогда несметной дичи, непроходимых лесов.

В этой связи следует отметить следующий уровень поэтики «Записок...»: художественное время. Оно предельно разнообразно (данный факт был констатирован в защищенной недавно кандидатской диссертации Т.В. Гусейновой «Малая проза С.Т. Аксакова: атрибуты стиля»): «...автор создает специфический образ художественного времени, уникальность которого заключается в совмещении принципов линейности и цикличности. С одной стороны, каждое событие имеет собственную динамику развития и раскрывается в строгой хронологической последовательности. С другой стороны, передавая свои многолетние наблюдения над жизнью природы, С.Т. Аксаков постоянно подчеркивает различными средствами типичность изображаемого случая.

Повторяемость ситуации обозначается словами «иногда», «всякий день», «всегда»/«никогда», «в иной год», «нередко» и т.п., дополняясь грамматическими способами выражения временной синхронности самого события, рассказа о нем и читательского восприятия» [2, с. 17–18].

Систематически употребляются Аксаковым глаголы со значением многократной повторяемости: *видывал, нахаживал, сказывал, стреливал, взлетывал, бивал, плачивал, разрезывал...* Глаголы прошедшего времени несовершенного вида, обозначающие типичное, повторяемое действие, дополняются глаголами совершенного вида; в сюжете этому отвечает совмещение описания характерных повадок и образа жизни очередного «персонажа» с описанием какого-нибудь примечательного и поучительного охотничьего случая (*анекдота*, в старинном значении слова); очерк тем самым комбинируется с фрагментами текста, построенными почти по новеллистическому принципу. То, что *бывает* обыкновенно, дополняется тем, что *может случиться* в порядке непредсказуемого поворота богатой на сюрпризы действительности. Изъявительное наклонение активно подкрепляется сослагательным и повелительным, многообразные личные глагольные формы – инфинитивными (там, где автор рассматривает различные возможности и дает рекомендации). Применяется вся парадигма возможных модальностей. Вот типичный, взятый наугад пример:

«В мае бекасы садятся на гнезда, которые вьют из сухой травы на кочках, в болотах, поросших кустами. <...> До начала августа не должно стрелять молодых: стрельба слишком проста и легка <...>; но не так поступал я в молодости, как и все горячие охотники!» [1, с. 47]. Одновременно используются глаголы настоящего времени несовершенного вида со значением неизменно повторяющегося действия (*са-дятся, вьют*), глагол с модальным (повелительным) значением + инфинитив (*не должно стрелять*) и глагол прошедшего времени несовершенного вида – действие, повторявшееся в прошлом (*поступал*).

Еще один пример:

«Для отыскания русачьих маликов надобно ездить верхом <...>. Случается иногда, что не услышишь ни малейшего шороха и не увидишь, как он вскочит и уйдет; добравшись до логова, только по взбудному следу догадаешься, что добыча ускользнула» [1, с. 346].

Общий совет («надобно») сопровождается оговоркой («случается иногда»), а будущее время второго лица глагола, в речи литературного повествователя, обычно используемого не часто, создает особую доверительную интонацию, способствующую сокращению условной дистанции между ним и аудиторией собратьев-охотников. Специфическая охотничья терминология (*взбудному*) выполняет ту же функцию; впрочем, в подавляющем большинстве случаев автор предупредительно поясняет те словечки, которые, по его мнению, могут быть незнакомы части потенциальных читателей, и тем самым сокращается также дистанция между опытными охотниками и начинающими любителями. Комментируются при этом только нуждающиеся в пояснениях термины – как, например, «стрельба в *узерж*» [1, с. 341]; но не слова, смысл которых ясен из контекста, хотя они употреблены в специальном значении: «*рябчики* откликаются охотно, но идут тупо» [1, с. 297]. *Тупо* здесь – очевидно – «плохо».

Приведенные отрывки – характернейшие примеры речевой организации аксаковского повествования.

В сюжетном аспекте художественное время «Записок...» также представляет собой сложносоставное целое. Во-первых, мы имеем дело с циклическим сезонным круговоротом: например, описание жизни степи от ранней весны до зимы [1, с. 185–192] или образа жизни куропаток в разные времена года [1, с. 226–232]. Во-вторых, это

время эволюции природных биоценозов – линейное в пределах каждого конкретного случая, но повторяющееся в целом: такова, например, картина процесса превращения зарастающих озер в зыбкие болота [1, с. 41–42] или смены поколений деревьев в лесу [1, с. 260]. В-третьих, это линейное время человеческой деятельности, когда она вторгается в жизнь природы, непоправимо разрушая ее исконный баланс, – и вот об этом Аксаков всегда пишет с досадой или с прямым негодованием: «И этот лес <...> не бережем мы в высочайшей степени. Мы богаты лесами, но богатство вводит нас в мотовство, а с ним недалеко до бедности: срубить дерево без всякой причины у нас ничего не значит» [1, с. 265–266].

Портреты персонажей аксаковских очерков создаются по комплексному принципу. Замечательно, что начинает автор почти всегда с языка – комментария к наименованию дичи – общерусскому и местному (местным), иногда в сравнении с немецким или французским названием; отражения в языке и фольклоре (пословицы, песни). Так, Аксаков высказывает правдоподобную догадку, почему в русском народе есть свое название для бекаса и вальдшнепа (дикий барашек и лесной кулик), но не для дупельшнепа и гаршнепа, что «таятся в болотах и топях, по которым шататься без надобности крестьянин не охотник» [1, с. 37]. Суффикс *-ят* во множественном числе от слова «чирок» – *чирята* (по аналогии с *утята*, *цыплята* и пр.) он оценивает как удивительно точное языковое отражение маленьких размеров этой утки. Стрепет «трепещет» в воздухе, глухарь – не глух, но водится в глухих местах.

Языковые возможности – переосмысление слов в частности, – доставляют особый способ подчеркивания подобий и соответствий между человеком и животным миром: *вежливая* собака – послушная, не гоняющаяся за птицей. Домашних гусей, уток, голубей народ называет *русскими* «в отличие от диких вольных братьев их» [1, с. 33]; приближение к человеку в его глазах сообщает птице нечто вроде социального (национального) статуса.

Рядом с «этнолингвистическим» компонентом помещается подробнейшая морфологическая характеристика птицы: ее внешность, звук голоса, строение тела, форма и окраска разных его частей и пр. Писатель создает не только статический, но и динамический портрет

каждого «персонажа», воссоздавая картину его обычного поведения и находя для этого очень яркие сенсорные образы, например: «Когда ветер сносит их в сторону, особенно если как-нибудь захватит сзади, то длинные шейные и спинные перья заворачиваются, и гаршнеп представляет странную фигуру, непохожую на птицу: точно летит хлопок льна или клочок шерсти» [1, с. 60].

Аксаков описывает около сорока птичьих попевок, обыкновенно соединяющих характеристику качества звука, эмоциональное впечатление от него, образное сравнение и (или) звукоподражательное междометие. Так, голубь у Аксакова издает не привычное нам по литературе «воркование», а «тихие, грустные, ропотные, прерывающиеся звуки» [1, с. 314]; дрозд-рябинник – «жесткие крики, похожие на какое-то трещанье, взвизгиванье и щекотанье» и что-то наподобие слогов «чок, чок, чок» [1, с. 317].

Для характеристики окраса птицы автор находит около 130 эпитетов, в основном смешанные и обозначающие оттенки цвета (чистые цвета спектра по понятной причине встречаются нечасто). Чаще всего это сложные прилагательные, составленные из двух и более основных цветов; нередки уточняющие компоненты: *бледно-*, *темно-*, *ярко-*. Точный подсчет количества цветоименований затруднен из-за большой вариативности этих комбинаций, среди которых обычны такие, как «бледный неопределенный, самый тонкий желтовато-зеленоватый» (это один оттенок), «грязно-перламутровый глянец», «серо-каштановый и в то же время зеленоватый», «темноватый, немного искрасна» и пр.

Характерно, что Аксаков практически не пользуется красками с устойчивой «поэтической» репутацией – *изумрудный*, *алый*, *янтарный* и т.п. цвета в его колористическом словаре отсутствуют. Зато обильны такие конкретные и «прозаические» эпитеты, как *оливковый*, *кофейный*, *каштановый*, *глинистый*, *ржавый*, *пепельный*, *свинцовый* и пр. Свободно используются «ягодно-фруктовые» прилагательные типа *малиновый*, *вишневый* – и даже более экзотические *абрикосовый* и *оранжевый*. Но отсутствуют «цветочные» производные, за исключением широко распространенного *розового*: ни *фиолетового*, ни *лилового*, ни *сиреневого* цветов писатель не упоминает, хотя соответствующие лексемы в русском языке уже были. Но они также осознава-

лись как некие «поэтизмы», и автор пользуется вместо этого сложными определениями типа: «*сизый дымчатый с легким розовым отливом*», «*синевато-вишневый золотистый*».

Аксаков соглашался (с сыном, который делился с ним впечатлениями), что глава «Лебедь» должна быть как можно проще, потому что «простота выражений без лиризма доводит производимое впечатление до лиризма» [5, с. 316–317].

Стиль «Записок...» – практически единственный уровень произведения, на котором происходит очевидный сдвиг в сторону одного из «полюсов» оппозиции (в данном случае ее можно условно обозначить как «прозаический/поэтический стиль описания»). Поэтический компонент при этом обозначен; Аксаков демонстрирует и способность к «незаинтересованному эстетическому созерцанию», и владение соответствующей стилистической палитрой, но пользуется ею редко. Вот очень характерный пример: описывая теплый майский вечер в лесу, автор упоминает его «невыразимую прелесть», «тонкое благовоние молодых листьев», «горячие и торопливые вечерние песни» птиц – «невольюно задумаешься...» – но слышится голос приближающегося вальдшнепа – и включается охотничий инстинкт: «исчезли и распускающийся лес, и чудный вечер, и вся природа!...» [1, с. 331].

Можно назвать две причины такого положения вещей. Во-первых, та же самая, которая обуславливает практическое отсутствие самодовлеющих пейзажей у такого, например, поэта, как Кольцов. Его герой органически включен в природу – и именно поэтому не расположен (и даже не может) любоваться ею со стороны, как чем-то от себя отдельным. Природный мир для него – часть собственной жизни и условия «трудового процесса» (как и для аксаковского охотника-повествователя).

Вторая причина – сознательное дистанцирование от книжного восприятия реальности, общее у Аксакова со всеми писателями-реалистами; оно было особенно значительно в то время, когда реализм размежевывался с романтизмом и его образными клише. (Так же и Шишкин избегал дополнительной поэтизации ландшафта.) Показательно в этой связи, что Аксаков, человек литературно образованный, в своей книге почти не прибегает ни к цитатам, ни к литературным

аллюзиям. Исключение – бегло упомянутое гоголевское сравнение «листы-лапы» (у клена) да державинская строчка, тоже стилистически нейтральная: «вдали тетеревов глухое токованье».

Зато Аксаков сочувственно цитирует дилетантские стихи «молодого охотника», который рисует стаю уток на волнах озера [1, с. 149]. А вот известные строчки Карамзина приводятся в откровенно ироническом контексте:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах;
Воркуя томно, скажут:
Он умер во слезах.

«Господа стихотворцы и прозаики, одним словом поэты, в конце прошлого столетия и даже в начале нынешнего много выезжали на страстной и верной супружеской любви горлиц, – комментирует Аксаков, – <...> но время это прошло, и я, к сожалению, должен сказать сухую правду, что повесть трогательного самоубийства не имеет никакого основания...» [1, с. 311–312].

Вообще, описывая образ жизни животных, Аксаков нечасто прибегает к человеческим нравственно-этическим категориям (любовь, самоотверженность и пр.) и явно не вкладывает в них поверхностно-антропоморфного смысла. Это скорее условные обозначения своеобразных аналогов поведения: например, «приятельской беседы» двух семей сурков [1, с. 193]. Или, наблюдая драку селезней, один из которых пытается отбить у другого его пару, писатель замечает, что в подобных случаях, сколько он видел, победа всегда была «на стороне правого», как имеющего больше прав и причин храбро сражаться [1, с. 144]. Исключением до некоторой степени может быть признана характеристика голубей: здесь Аксаков достигает наибольшего у него «очеловечивания», под влиянием, очевидно, фольклорной традиции и особенно Библии: чистота, кротость и любовь голубя «доказана святыми, ветхо- и новозаветными словами» [1, с. 301]. По отношению к ним он даже применяет выражение «нравственные качества», «сердечное чувство» (примером последнего приводится «целованье голубей»).

Фольклорно-этнографический материал вообще представлен в «Записках...» более широко, чем литературный, возможно, оттого,

что здесь образность и оценка исходят от наблюдателей, не утративших тесного контакта с природой. Это и пословицы, и цитаты из песен, и – особенно часто – комментарии к народным наименованиям дичи: «Его называют также *погонышем* и *пастухом*. Оба названия весьма удачны: чистый, отрывистый, короткий и частый его свист очень похож на посвистывание *пастуха, погоняющего стадо*» [1, с. 108], – пишет Аксаков про болотного коростеля.

Таким образом, самые разные уровни аксаковских «Записок...» (композиция, сюжет, художественное пространство и время, речевая организация) обнаруживают присутствие общего принципа, лежащего в их основе: все элементы стремятся к взаимодополнению, формируя картину целостного универсума, характеризующегося полнотой и неизбыточностью. Исключение представляет собой стиль произведения, решительно размежевывающийся со сложившимися поэтическими трафаретами: в духе программы «натуральной школы» писатель отстаивает право жизни (в данном случае – жизни природной) быть воспринятой без условностей.

Традиция, сложившаяся в естествознании к началу XIX века, опиралась на идеи Ж. Кювье, убежденного, что главная задача науки о природе состоит в накоплении фактов, в описании их и классификации. Но современник Аксакова, известный русский биолог-эволюционист К.Ф. Рулье (высоко ценивший Аксакова и сделавший примечания к его книгам) уже писал, что наука не может быть либо чисто опытной, либо чисто умозрительной, и призывал изучать животных во взаимодействии с окружающей их внешней средой, во всех моментах их жизни [5, с. 335].

Демонстративно открытая концовка «Записок...» манифестирует ее именно в этом качестве – как странички из вечной книги Природы, всегда открытой для новых впечатлений.

1. Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М.: Правда, 1987.
2. Гусейнова Т.В. Малая проза С.Т. Аксакова: атрибуты стиля: автореф. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.
3. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. М.: Просвещение, 1982.

4. Лотман Ю.М. Своеобразие художественного построения «Евгения Онегина» // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.

5. Машинский С.И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1973.

6. Шувалова И.Н. Иван Иванович Шишкин. Л.: Художник РСФСР, 1990.

КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

В.В. Муравьев, А.А. Душейко, Т. Ю. Холопова

Патриотические установки и участие молодежи в деятельности общественных организаций

УДК 316.346.3-057.874:37.035.6

Наблюдаемый на уровне явлений подъем патриотических настроений в российском обществе вызван главным образом возвратом к состоянию готовности к борьбе с внешними врагами. Базовым фактором утверждения патриотических настроений, социальной гармонии могут быть реальные экономические, научные и иные достижения страны, утверждение социальной справедливости, осознание гражданами уверенности в благополучном будущем.

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, общественные движения.

V.V. Muravjev, A.A. Dushejko, T.Ju. Holopova. Installation and patriotic youth participation in the activities of non-governmental organizations

Modern Russian society demonstrates tendency of patriotic feelings increase. Main factor of it is the revival of external enemy ideology. Real basis of citizen's respect to their state includes improvements in economic and other spheres of life, confidence of social justice existence, prosperous future beliefs.

Key words: patriotic feelings, youth, social movements.

Наступивший 2015 г. в России объявлен годом патриотизма. В стране наметился переход к укреплению государственности и возрождению культурно-исторических традиций. Трагические события на Украине, попытки политической и экономической изоляции России,

стремление принизить ее роль в мировой истории стали одним из главных вызовов для нашего государства. В этих условиях особую значимость приобретает задача консолидации общества на основе демократических ценностей и гражданского патриотизма. Патриотизм воспринимается как один из наиболее значимых компонентов культуры, присутствующий во всех сферах жизни общества и государства. Эта ценность является важнейшим духовным достоянием личности. Патриотизм и гражданское самосознание проявляются в ее активной позиции, готовности к самореализации на благо Отечества.

Проблема взаимоотношений личности, общества и государства имеет особую значимость и актуальность. Личность, общество и государство – это постоянно меняющиеся и развивающиеся субъекты исторического процесса, вследствие чего характер их взаимоотношений также претерпевает изменения. В основе этих взаимоотношений – обеспечение баланса, паритета потребностей различных социальных групп и отдельных индивидов. Именно эта формула составляет фундамент национальных интересов, нацеливает на консолидацию общества, его устойчивое развитие и обеспечение безопасности.

Патриотизм выражает уважение к своему Отечеству, сопричастность его истории, культуре, достижениям и ценностям народа. Патриотизм как эмоциональное состояние и совокупность социально-политических отношений является мощным стимулом, необходимым условием защиты национально-политических интересов, достижения успеха в международной конкуренции, сохранения и укрепления российской цивилизации. Будущее России зависит от степени готовности молодых поколений к достойным ответам на исторические вызовы, готовности к защите интересов многонационального государства. По этой причине система патриотического воспитания, имеющая прочные, проверенные временем традиции, нуждается в возрождении, совершенствовании в соответствии с новыми реалиями.

Гражданское самосознание и патриотическое воспитание взаимосвязаны. Гражданское самосознание эффективно формируется в процессе патриотического воспитания, когда складываются социально-культурные качества, духовно-нравственные ценности, которые субъекты проявляют в интересах развития общества.

Можно сказать, что патриотизм является элементом общественного и индивидуального сознания. На уровне общественного сознания патриотизм представлен как национальная и государственная идея единства и неповторимости данного народа, которая складывается на основе традиций, стереотипов, нравов, истории и культуры каждого конкретного этноса. На уровне индивидуального сознания патриотизм переживается как любовь к Родине, гордость за свою страну, стремление узнать, понять и улучшить её. Приведённые определения дают возможность выявить в общем виде структуру патриотизма, включающую патриотическое сознание, патриотические переживания, толерантность, патриотические убеждения, навыки патриотического поведения. Данные компоненты патриотизма находятся не в статичном, неизменном состоянии, а в развитии и взаимодействии.

Принципы патриотизма занимают особое место не только в политической жизни, но и во всех других важнейших сферах духовной культуры: в идеологии, морали, религии, художественном творчестве. Патриотизм – составная часть национальной идеи России, неотъемлемый компонент отечественной науки и культуры, выработанный веками. Он всегда расценивался как источник мужества, героизма и силы российского народа, как необходимое условие величия и могущества нашего государства.

Содержание идеи российского патриотизма в условиях обновления страны выходит на качественно новый уровень оценки и понимания. Российский патриотизм должен выражать интересы государства и граждан России, быть на уровне общегосударственной идеи, занимать доминирующее положение по отношению к любому частному, этническому, конфессиональному, местному, корпоративному патриотизму.

В словаре русского языка С.И. Ожегова патриотизм трактуется как «преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу» [4]. В монографии Ю.Р. Вишневого гражданственность определяется как «интегральная характеристика норм, ценностей, образцов поведения человека в определённом политическом времени и пространстве» [1, с. 9].

В статье З.М. Гаджимурадова и П.Д. Закариева представлено следующее определение: «Гражданское самосознание – это формирова-

ние высоких нравственных, морально-психологических качеств, среди которых особое значение имеют патриотизм, гражданственность, ответственность за судьбу Отечества. Это осознание себя гражданином своего Отечества» [2].

В.Е. Мусина рассматривает патриотическое воспитание в широком и узком смысле. В широком смысле патриотическое воспитание – это «систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и общественных организаций и объединений по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины». А в узком смысле патриотическое воспитание рассматривается как «систематическая и целенаправленная деятельность отдельных субъектов патриотического воспитания» [3, с. 33].

Патриотическое воспитание является одним из важных направлений государственной политики Российской Федерации. Создаются нормативные документы, которые должны повысить ее эффективность. В содержании нормативно-правовой базы определены цели, основополагающие ценности, которые способствуют воспитанию патриотизма и гражданского самосознания. Возрастает роль различных социальных институтов, таких как государство, семья, школа, детские общественные объединения и организации, СМИ, в распространении, утверждении любви к Отечеству.

В СССР система патриотического воспитания была продуманной, постоянно и повсеместно обсуждались проблемы формирования гражданского самосознания. Одной из составляющих политического сознания выступала мысль о наличии внешних и внутренних врагов, которые могли посягнуть на устойчивость советского государства. Поэтому у граждан подчас возникало ощущение некой пресыщенности идеологической пищей. Патриотическим воспитанием детей во внешкольной деятельности наряду с педагогами занимались пионерская и комсомольская организации, молодёжные военно-патриотические объединения и клубы, ДОСААФ и другие организации. Они действительно влияли на формирование патриотических чувств и гражданского самосознания молодёжи.

В первые годы постсоветской российской истории система патриотического воспитания была уничтожена. Начался поиск новых ориентиров, сопровождавшийся отказом от ценностей недавнего прошлого, даже очернением многих позитивных моментов истории СССР. В настоящее время мы являемся свидетелями возвращения к идеологической «золотой середине». Показательно, что в последнем рождественском обращении Патриарха Московского и Всея Руси к гражданам впервые прозвучала оценка социалистической революции 1917 года как проявления стремления общества к утверждению социальной справедливости. В современный период российской истории на региональном, республиканском и муниципальном уровнях стараются воссоздавать и реализовать различные программы, проекты, мероприятия по патриотическому воспитанию и гражданскому самосознанию. Они призваны утверждать нравственные чувства и ценности, формировать гражданское самосознание и направлять патриотическое воспитание молодёжи. Как показывают социологические исследования, эти меры еще не привели к очевидным позитивным результатам.

Для изучения практических аспектов патриотического воспитания нами было осуществлено эмпирическое исследование, целью которого явилось изучение патриотического сознания старшеклассников. Был использован метод анкетирования. Опрос проведен среди подростков 15–16 лет, обучающихся в четырёх 9 классах МОУ СОШ № 33.

Исследование показало, что у школьников имеются патриотические убеждения. У опрошенных достаточно развиты патриотические чувства, они любят свою Родину и не хотят уезжать из страны. Но в сравнении с другими тема патриотизма не вызывает у подростков особого интереса. Возможно, данному направлению средства массовой информации и школьные преподаватели уделяют мало внимания. Этническая толерантность присутствует, но все же детям необходимо специально разъяснять, что в России и в Коми проживают многие национальности и к каждой из них надо проявлять уважение, доброжелательность.

Одним из способов взаимодействия личности, общества и государства являются общественные организации. Участие в деятельности молодежных общественных организаций – один из путей формирования патриотических убеждений. Молодежь – весомая, активная

часть общества, она обладает высоким потенциалом здоровья, интеллектуальной активности и мобильности. На 1 января 2014 г. молодежь РФ – это 30,5 миллиона молодых граждан (21,2 % от общей численности населения страны). В Республике Коми проживает 179 тыс. молодых людей в возрасте 14 – 30 лет, что составляет 20,3 % от общей численности населения. Проблема включенности молодежи в деятельность общественных организаций значима, так как многие сферы деятельности российского государства требуют большего привлечения внимания общественности.

Оценить роль общественных организаций в молодежной среде могут позволить результаты социологического исследования, проведенного нами в г. Сыктывкаре в 2014 г. В опросе приняли участие 152 человека. Одной из поставленных задач было определение степени информированности молодых людей о существовании общественных организаций. В результате исследования было выявлено, что 53 % опрошенных знают, что такое общественные организации и чем они занимаются; 44 % осведомлены о существовании общественных организаций, 3 % не слышали ничего об общественных организациях. Стоит отметить, что совсем не знают или мало осведомлены об общественных организациях подростки 14–15 лет. Ни одной общественной организации не знают 9 % опрошенных. Большая часть респондентов других молодежных возрастов осведомлены о существовании молодежных организаций и знают, чем они занимаются.

Результат можно оценивать двояко. С одной стороны, 53 % – это немало, с другой – знать об общественных организациях еще не значит участвовать в их деятельности. Учитывая, что в последнее время проблема социальной активности молодежи стала более заметной, число тех, кто участвует в общественных движениях, желательно видеть большим. Пока больше половины опрошенных ограничиваются лишь интересом к деятельности молодежных движений.

Выяснилось, что молодежь недостаточно осведомлена о направлениях деятельности конкретных общественных движений Республики Коми. Наиболее известной организацией является Благотворительный фонд «Город без наркотиков». При этом вовлеченность в деятельность этого фонда равна нулю. Кроме этого, 30% учащихся школы № 22 указали Эжвинское районное общественное движение детей

и молодежи «Ребьячья республика». Среди студенческой и работающей молодежи наиболее известны политические молодежные организации и объединения, связанные с профессиональными интересами.

Обращаясь к молодежной аудитории, общественным объединениям, следует выбрать в качестве источников информирования Интернет, газеты и журналы. Всего лишь 7 % респондентов слышали о деятельности общественных организаций от членов семьи, что можно рассматривать как фактор, препятствующий включенности молодежи в общественную деятельность. Развитие личности, формирование первичных ценностей происходит в семье, значит, необходимо проводить популяризацию социальной активности и среди старшего поколения.

Мнения респондентов о наиболее важных направлениях деятельности молодежных общественных организаций распределились по-разному. Наиболее часто (77 % ответов) была указана социальная помощь нуждающимся. 43 % респондентов отметили культурно-историческое просвещение и экологическую защиту, 36 % – защиту прав граждан.

Все эти данные говорят о малой информированности респондентов о специфике деятельности общественных организаций. Например, наименьшим числом респондентов указаны такие виды деятельности, как информационное обеспечение (21 % ответов), охрана правопорядка (12% ответов), сбор денежных средств (19 % ответов), кружковая деятельность (23 % ответов). Кроме того, всего лишь 1 % опрошенных указали на такие функции общественных молодежных организаций, как противодействие преступной и асоциальной деятельности. 5 % респондентов отметили функцию содействия предпринимательству. Это показывает, что знания о деятельности общественных организаций имеют поверхностный характер.

Оценка молодежью общественно полезной деятельности является важным фактором, определяющим ее включенность в данный вид социальной активности. Позитивно, с одобрением к существованию общественных организаций относятся 74 % опрошенных. Все же из них лишь 33 % хотели бы принять участие в их работе. Респонденты, которым общественные организации безразличны, составили 24 %.

90 % нейтрально согласились с утверждением, что общественные организации нужны. Респонденты, отметившие ненужность общест-

венных организаций, обосновали это тем, что от них нет практической пользы.

В целом большинство опрошенных готовы к участию в социально значимой деятельности, а значит, при проведении адекватной социальной политики включенность молодежи в общественную деятельность будет повышаться.

Из разнообразных видов общественной деятельности молодежь больше хотела бы заниматься следующими: 48 % респондентов – формированием здорового образа жизни, 39 % – помощью людям в трудной жизненной ситуации, 29 % – созданием комфортной городской среды, 26 % – правовой и информационной помощью, 22 % – культурно-просветительской деятельностью. Вновь обращаясь к теме патриотизма, приходится констатировать, что менее всего – 12 % респондентов – хотели бы заниматься гражданско-патриотическим направлением деятельности. Такие ответы, возможно, обусловлены большей информированностью людей о задачах построения здорового образа жизни или проблемах тех, кто попал в трудную жизненную ситуацию. Видимо, направления деятельности организаций, упомянутые наименьшим числом респондентов, не имеют достаточного освещения в средствах массовой информации. Государственные и общественные организации, средства массовой информации не акцентируют внимание на таких проблемах, как повод применения энергии молодежи.

По мнению респондентов, общественные движения обеспечивают поддержку благотворительной деятельности, культурно развивают молодежь, объединяют усилия людей в достижении общих целей, когда государство или отдельные граждане бессильны. Они ведут просветительскую деятельность, «открывают людям глаза на правду», способствуют росту гражданского самосознания, развивают активную жизненную позицию, укрепляют ценностные ориентиры, отвлекают от мыслей о негативных аспектах общественного бытия, повышают занятость людей.

Непосредственно для отдельно взятого молодого человека общественная деятельность главным образом влияет на жизненные установки и позиции, отношение к обществу и окружающим. Так ответили 64 % процента опрошенных. Участники опроса отметили, что уча-

ствие в деятельности молодежных организаций сопровождается развитием ценностных ориентаций (45 % ответов), усилением социальной активности (50 % ответов), формированием мировоззрения (43 % ответов). Почти треть респондентов указали на изменение личностных качеств.

На желание молодых людей участвовать в общественной деятельности негативно влияют противоречия между их предварительными ожиданиями и реально предлагаемыми программами действий (41 %). 32 % респондентов выделяют как негативный фактор то, что выполняемая общественная работа не вызывает видимых перемен.

26 % указывают на отсутствие поддержки, одобрения со стороны окружающих. 23 % опрошенных ссылаются на неблагоприятные, напряженные отношения в самих группах, существующих для общественно полезной деятельности. Каждый седьмой респондент считает, что интерес снижает плохая организация действий и отсутствие внимания к мнению участников.

В ходе исследования было выявлено, что большая часть (47 %) опрошенных не занимались и не планируют заниматься общественной деятельностью. 22 % респондентов занимались общественной деятельностью раньше, но не вовлечены в эту активность в настоящее время. Среди них преобладают студенческая и работающая молодежь. Планируют заняться общественной деятельностью 18 % респондентов, в основном это учащаяся молодежь, и лишь 13 % занимаются общественной деятельностью в настоящий момент, в основном это учащиеся 11-го класса.

Респонденты указали следующие организации, в работе которых принимали либо принимают участие: «Ребьячья республика», Немецкая национально-культурная автономия, «Зеленая Воркута», «Молодая гвардия», Ассоциация педагогических студенческих отрядов, «Северная звезда». Школьников привлекают общества защиты животных «Друг», «Кошки за окошком», «Кошкин дом». Многие разово принимали участие в молодежных акциях, обучаясь в образовательных учреждениях, помогали в центрах социальной защиты населения пожилым людям, состояли в студенческих органах самоуправления. Представленными данными подтверждается основная гипотеза, предполагавшая незначительную вовлеченность молодежи в добровольче-

скую деятельность. Уровень такой вовлеченности не сопоставим с ситуацией в советском обществе, где почти все молодые люди были пионерами и комсомольцами.

Гипотеза исследования о том, что молодежь не занимается общественной деятельностью из-за нехватки свободного времени и заинтересованности другой деятельностью, подтвердилась отчасти. Треть респондентов объясняет отказ от участия в общественной деятельности отсутствием свободного времени, заинтересованностью другими формами активности, в том числе благотворительностью в рамках религиозных организаций. Недостаток финансовых средств препятствует общественно полезной активности 4% опрошенных. Треть респондентов затруднилась ответить на соответствующий вопрос, а некоторые прямо указывали, что у них полностью отсутствует желание заниматься какой-либо общественной работой.

В качестве мотивирующего фактора участия треть респондентов выделила самовыражение и самоопределение, содействие изменению общества, возможность общения. Чуть менее 28 % и 27 % соответственно отметили чувство социальной значимости и наличие свободного времени. На приобретение полезных социальных и практических навыков указали 24 % респондентов. 20 % опрошиваемых источником мотивации видят реализацию личностного потенциала. Менее всего опрошенные хотят общественного признания – 12 %, профессионального ориентирования – 13 %, выполнения общественного долга – 9 %. Некоторые респонденты отметили в качестве мотивации общность группы, любовь к своему делу, сочувствие и просто любопытство.

Мы пришли к выводу, что включенность молодежи в общественную деятельность представляется недостаточной. Молодые люди не имеют полного представления о деятельности общественных объединений, и значительная часть из них (47 % респондентов) никогда не занимались и не планируют заниматься ею. Чтобы решить эту проблему, общественным объединениям необходимо исследовать мотивирующие факторы, усилить популяризацию и пропаганду своей деятельности. Вероятно, наблюдаемый на уровне явлений подъем патриотических настроений в российском обществе вызван не внутренними изменениями к лучшему, а возвратом к состоянию готовности к борьбе с внешними врагами. Из конфликтологии известно, что появ-

ление внешнего противника, наличие идеи и тревог посторонней угрозы – существенный фактор консолидации в любой социальной группе.

Средства патриотической подготовки молодёжи, в том числе ее участие в деятельности общественных организаций, должны быть, с одной стороны, тесно связаны с процессом её гражданского становления, а с другой – иметь специфическую, самобытную природу, включать в себя моделирование воспитательных ситуаций, актуализирующих патриотические мотивы и ценностные ориентации. Думается, основным фактором утверждения патриотических настроений, установления социальной гармонии должны быть реальные экономические, научные, спортивные и иные достижения страны, утверждение социальной справедливости, осознание гражданами уверенности в благополучном будущем.

* * *

1. Вишневский Ю.Р. Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности. Екатеринбург: УрФУ, 2011.

2. Гаджимурадова З.М., Закариева П.Д. Гражданское самосознание молодёжи в традиционных обществах // Вестник. 2013. Выпуск № 2. URL: <http://www.uraoinpo.ru/journal?newsid=35>

3. Мусина В.Е. Патриотическое воспитание школьников. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.ru/slovo/32737.html>

ПЕДАГОГИКА

Ж. Б. Иванова

Инновации в образовании: от истоков к современности

УДК 372.834

Статья посвящена раскрытию особенностей исторического развития организации просвещения в Коми крае в начале прошлого века, когда главной проблемой была ликвидация безграмотности и становление институтов обучения. В настоящее время повышается уровень требований к качеству педагогической деятельности. Достижение высокого профессионального уровня выпускников связывается с внедрением в учебный процесс инновационных педагогических технологий. В статье отмечено, что, внедряя новые формы, методы, подходы к обучению, преподавателю нужно пытаться сохранить то, что есть хорошего в отечественном образовании, – теоретический уровень в сочетании с анализом нормативного содержания права.

Ключевые слова: *инновации в образовании, становление просвещения в Коми, лекции, интерактивные методика преподавания.*

Z.B. Ivanova. Innovation in Education: from the beginnings to the present

Article is devoted to the peculiarities of historical development of the organization of education in the Komi region at the beginning of the last century when the main problem was the elimination of illiteracy and the establishment of institutions of learning. At present, increases the level of quality requirements for teaching. Achieving a high professional level of graduates is associated with the introduction in the educational process of innovative educational technologies. In conclusion, the article pointed out that introducing new forms, methods

and approaches to teaching, the teacher should try to preserve what is good in domestic education – a theoretical level, combined with the analysis of the normative content of the right.

Key words: *innovation in education, the establishment of education in the Komi Republic, lectures, interactive methods of teaching.*

В настоящее время повышается уровень требований к качеству педагогической деятельности. Изменяются методы и формы достижения результатов обучения. Внедряются методы, активизирующие студентов, которые развивают у них умение находить информацию, решать проблемы, пользоваться современными компьютерными технологиями, сотрудничать в группе. Таким образом, можно сказать, что достижение высокого профессионального уровня выпускников связывается с внедрением в учебный процесс инновационных педагогических технологий.

Присоединение России к Болонскому процессу послужило мощным импульсом модернизации высшего образования, повлекшей за собой оптимизацию действовавшей системы образования, внедрение новых образовательных форм и методов.

«Инновация» означает обновление, перемену [3, с. 175]. Как известно, инновации используются различными науками. Не является исключением и педагогическая область [7, с. 99]. Инновационное обучение представляет собой совокупность нововведений, выраженных в системе действий и операций учебной деятельности, которые позволяют быстро и эффективно достичь прогнозируемого результата правовой обученности [17, с. 35].

В настоящее время Федеральный государственный общеобразовательный стандарт призывает к активизации деятельности преподавательского состава по применению уже известных и разработке собственных интерактивных проведений занятий с применением различных технологий обучения.

Однако так было не всегда. В рамках данной статьи представляется важным рассмотреть организацию и осуществление образовательной и просветительной деятельности на территории Коми края на заре её становления.

Итак, если мы обратимся к истории, то увидим, что к 20-м годам прошлого века в Коми назрела острая необходимость открытия в центре Зырянского края педагогического учебного заведения высшего типа с целью повышения общей экономической и культурной отсталости зырянского населения. Необходимость организации Национального педагогического учебного заведения диктовалась в те годы полнейшей неприспособленностью системы просвещения среди народа коми. В этой связи с 28 января 1921 г. в Коми начал функционировать институт народного образования.

Коллектив лекторов на тот период состоял из 23 человек. Из них 14 человек читали курсы по гуманитарным предметам, 9 – по естественным и математическим. Из 23 лекторов 9 имели педагогическое образование, 3 педагога – литературные и научные труды, а 2 лектора – учёные степени [9].

Пропуски лекций – проблема посещаемости. Данная проблема имеется на сегодняшний день, она также была актуальна и в рассматриваемый период. Так, в 1922/1923 учебном году общее число пропущенных лекций слушателями составило 8247, из них пропущено по уважительным причинам – 383, по неизвестным – 7864 [10]. Манкирования своими обязанностями со стороны лекторов в 1923 г. почти не было. Следует обратить внимание на то, что пропуски лекций наблюдались только в случаях, имевших уважительные причины и чаще у лиц, перегруженных общественной и партийной работой [11].

Тем не менее к концу академического года преподавателям вуза удалось добиться вполне добросовестного и серьёзного отношения со стороны слушателей и выполнения учебных обязанностей. В первом полугодии общее количество сданных зачётов составило 1950 [12].

Выдвигаемые на современном этапе задачи перед выпускниками вузов настолько сложны, что их решение требует творческого поиска, исследовательских навыков. В связи с этим современный специалист должен владеть не только необходимой суммой фундаментальных и специальных знаний, но и определёнными навыками творческого решения практических задач, постоянно повышать свою квалификацию, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Все эти качества необходимо формировать в вузе. Воспитываются они через активное участие студентов в научной работе [1, с. 56].

Подобные задачи были поставлены перед студентами вуза в начале XX века в Коми крае. Как усматривается из Докладной записки о состоянии Коми Практического ИНО к 1 июня 1923 г., в научной области участие слушателей проявлялось в работах и докладах на заседаниях общества по изучению Зырянского края, проходивших регулярно, через 2 недели [13].

В целом следует отметить, что значение, которое играл институт народного образования в начале прошлого века для Коми края, огромно. Данный вуз являлся единственным культурным центром высшего типа, призванным разрешить проблемы экономического и культурного благосостояния целого народа, «заброшенного, культурно отсталого, загнанного историческими условиями в дебри и болота северо-востока европейской части России» [14]. Эти исключительные географические и культурные условия при малом развитии гражданской ответственности и социальной стороны культуры, задержанных в своём развитии русификационной политикой дореволюционного времени, угрожали гибелью целому народу. Предотвратить эту гибель помог институт народного образования, дав зырянам техническое и общее образование [14].

Процесс формирования учебной деятельности продолжает активно развиваться. По мере социального, научно-технического прогресса, развития науки и практики создаются новые типы учебных заведений. Однако история развития и становления просвещения и образования в Коми крае, в её кратком изложении, свидетельствует о стремлении народа коми к развитию, необходимости признания жизненно важным в тот период наличие высшего учебного заведения. Поскольку тяжелые географические и исторические условия отразились на чрезвычайно низком состоянии культурного уровня населения коми вообще и на соответствующее состояние дела просвещения в частности.

Мы рассмотрели некоторые особенности исторического развития организации просвещения в Коми крае в начале прошлого века, когда главной проблемой была ликвидация безграмотности и становление институтов обучения. В настоящее время в России продолжается становление новой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Вопрос о повышении

качества преподавания, об особенностях методики преподавания приобретает особую актуальность [2, с. 169]. Поэтому в основу подготовки выпускников должны быть положены новые формы обучения [6, с. 329–331].

В современных условиях, когда в образовании реализуется идея модернизации, существенно меняются социальные установки и потребности в области образования, определены новые концептуальные подходы к построению всей системы образования, произошел пересмотр содержания всех компонентов педагогической деятельности. Инновационные процессы стали важными направлениями деятельности образовательных учреждений. В XXI в. особенностью образовательного процесса становится ориентация на личностно ориентированное обучение, воспитание и развитие духовно-нравственной сферы человека, обеспечивающая образовательным учреждениям и педагогам право свободы выбора содержания и форм обучения, разработки авторских образовательных программ и внедрение инновационных технологий, усиливается интеграция образования, науки и практики [16].

Лекция (*от лат. *lectio* – чтение*) – неотъемлемая часть любого учебного процесса, которая предполагает прямую, преимущественно однонаправленную передачу систематизированной информации преподавателем студентам. Этот вид занятия незаменим при передаче сравнительно большого объема информации в структурированной форме. Он позволяет сообщить новые знания, выделить главные моменты темы, познакомить с методическими рекомендациями по самостоятельному изучению материала и т.д. Кроме того, лекция может формировать познавательный интерес к содержанию учебного предмета и к будущей профессии, обеспечить основы для дальнейшего усвоения учебного материала, содействовать активизации мышления студентов.

Лекция – очень эффективная форма систематического, живого, непосредственного контакта сознания, чувства, воли, интуиции, убежденности, всего богатства личности педагога с внутренним миром слушателя [4, с. 146].

Обращаясь к истории, рассмотрим некоторые правила поведения преподавателя перед студенческой аудиторией на лекции, разработанные в одном из вузов Коми АССР в конце прошлого века.

– Преподавателю не стоит добиваться внимания на лекциях строгими нотациями и взысканиями. Только красота человеческой мысли покоряет и делает внимательным каждого.

– Необходимо быть готовым в любой момент ответить на вопрос: «А зачем это нужно?».

– Не следует рассуждать о предметах, которые педагог плохо знает.

– Преподавателю не стоит произносить поучений, в которые он сам не верит и в жизни не исполняет.

– Также не стоит рассказывать анекдотов, а «освежать» аудиторию можно мудро, обогащая внутренний мир слушателей.

– Перед изложением лекции надо внутренне пережить её основное содержание и потом излагать, а не читать с листа.

– В ходе лекции необходимы: строгость в изложении материала, кристальная ясность в рассмотрении примеров и аналогий, легкая улыбка, которая поможет добиться благодарного отклика студентов.

– Поскольку на жизненных примерах, а также практических материалах доступнее и понятнее изложение материала, то необходимо использовать их не меньше, чем нормативную и эмпирическую базу.

– Преподавателю не стоит делать в изложении лёгким то, что на самом деле трудно. Упрощение не всегда начало пути познания. Настойчивый труд необходим для овладения специальностью, он является основой самостоятельного творчества. Поучай не только знать, но и уметь.

– При оценке знаний не стоит руководствоваться личными симпатиями, поскольку ошибки преподавателя будут снижать достоинства науки.

– Глядя на «плавающего» у доски, преподаватель должен помнить, что это плоды его работы.

– Плохая дисциплина на занятии в первую очередь обусловлена изъянами содержания и ведения лекции, а иногда и поведением преподавателя. Поэтому посещаемость студентами лекций преподавате-

ля, манера чтения лекции, отношение преподавателя к студентам, контакт с аудиторией – это основные критерии качества лекции.

– Преподавателю важно показывать, как наука способствовала росту могущества России.

Безусловно, некоторые рекомендации актуальны и важны в наши дни. Современные лекции не только пробуждают интерес к изучаемому предмету, но и помогают студентам сориентироваться в основных проблемах юриспруденции, вооружают обучающихся фундаментальными знаниями.

Нынешние лекции дают возможность преподавателю объединить способы подачи глубокого теоретического материала с демонстрацией схем, таблиц, судебных решений, ярких, запоминающихся фактов, обзоров судебной практики и т.д., поскольку необходимо сделать процесс обучения более интересным, интенсивным, разнообразным и творческим, а также отвечающим требованиям современной жизни.

Как показывает практика, лекции-презентации способствуют лучшему усвоению учебного материала, на которых применяется метод наглядного обучения. Использование технических средств в обучении студентов значительно расширяет познавательные возможности лекции. Материал, подаваемый с использованием технических средств, вызывает у обучаемых повышенный интерес и способствует лучшему усвоению информации.

Кроме того, мультимедийность, полисенсорность (использование одновременно двух или более органов чувств) электронных презентаций, т.е. их способность представлять учебный материал динамично, с воздействием на разные органы чувств, способствует актуализации позитивных эмоциональных и мотивационных состояний студентов.

Рассмотрим пример проведения лекции по теме «Физические лица» в рамках изучения дисциплины «Гражданское право».

Цель лекции – раскрыть понятия правосубъектности физических лиц и отношения, складывающиеся в процессе осуществления гражданами имущественных и неимущественных прав.

Изучение темы следует начать с содержания и особенностей гражданской правосубъектности физических лиц.

Студентам необходимо знать возникновение и прекращение гражданской правоспособности физических лиц; особенности правоспо-

способности российских граждан, иностранцев, лиц без гражданства, а также проблемы ограничения правоспособности.

Важно обратить внимание на определение понятия дееспособности физических лиц и виды, эмансипацию, ограничение дееспособности и признание гражданина недееспособным.

Студенты должны знать порядок осуществления гражданских прав и обязанностей недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. Кроме того, следует акцентировать внимание на такие правовые категории, как опека, попечительство, патронаж и доверительное управление имуществом подопечных.

Необходимо изучить порядок, условия и правовые последствия признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим.

В результате освоения темы студент должен:

знать: содержание правоспособности и дееспособности граждан, основания ограничения дееспособности, основания лишения дееспособности, порядок, условия и правовые последствия признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим;

уметь: толковать нормы гражданского права, анализировать локальные акты, обобщать судебную практику, применять полученные знания на практике;

владеть: способами определения конкретных законодательных и иных нормативно-правовых актов, регулирующих гражданские правоотношения; способами работы с современными интерактивными правовыми системами; юридической терминологией в сфере гражданского права, соответствующей изученной теме.

В лекции обычно даётся сжатое изложение основных научных фактов, нормативной базы и судебной практики. Чтобы лекция послужила стартовой площадкой познания и поиска, очень важно придать ей познавательную направленность, доказать объективную значимость изучаемого, раскрыть его субъективный смысл, озадачить слушателей [4, с. 147].

Методика преподавания юридических дисциплин – это не только наука, но и искусство, так как никакие практические рекомендации никогда не заменят того многообразия методических приёмов, которые рождаются эмпирическим путём у преподавателя [7, с. 99].

Переход к информационному обществу требует полноценного развития личности, в том числе её коммуникативных способностей. Главным педагогическим достижением могут считаться не знания, полученные студентами вообще, а именно мысли, к которым они пришли самостоятельно. Преподаватель, сумевший создать условия для активной мыслительной деятельности студентов, выполнит главную цель учебно-воспитательной работы. Ему удастся воспитать в своих студентах главное качество человеческой личности – привычку думать.

Какие же приёмы и методы могут помочь студентам выработать эту позитивную привычку? Их множество, рассмотрим некоторые из них.

Эффективным является метод проблемного обучения. В педагогическом процессе научить студента грамотно задавать вопросы гораздо важнее, чем сразу объяснить ему правильные ответы.

Приведём пример практического занятия по дисциплине «Гражданское право», которое, как показывает опыт автора, вызывает интерес студентов, увлекает их и вызывает привычку думать. В процессе студенческого сотрудничества развиваются творческие возможности не только студента, но и всей студенческой группы. Конечно, творческий потенциал зависит от творческих способностей каждого её члена. Но важно то, что творческая идея, рождённая одним студентом, осуществляется на практике интеллектуальными силами творческой группы, и, следовательно, не одна, а несколько личностей могут быть заняты творческой деятельностью.

Цель занятия – закрепление полученных студентами знаний через обсуждение на семинаре актуальных вопросов, решение учебного задания посредством объединения творческих мыслей студентов, создание «коллективного мозга»; развитие креативности обучающихся; воспитание сотрудничества.

Данное занятие можно провести методом «мозгового штурма».

Метод мозгового штурма, или атаки мыслей, предложил в 1941 г. А.Ф. Осборн. Это была попытка стимулировать творческое мышление человека. Этот метод применялся в рекламном бизнесе. Предполагается, что в ничем не стеснённой обстановке возникает эффект «пинг-

понга идей», раскрепощается воображение, которое подсказывает новые идеи [5, с. 210].

Цель этого метода заключается в сборе как можно большего количества идей, активизации творческого мышления.

Итак, студенческая группа делится на микрогруппы по 4 человека. Каждой группе студентов даётся следующее задание: представить картину художника, на которой изображено какое-либо действие. Далее студентам каждой группы необходимо сформулировать 5-6 вопросов, касающихся изображения на картине.

Так, например, студенты представляют картину Василия Григорьевича Перова «Сцена на могиле» и комментируют: три женщины на могиле: мать, сестра, жена. Безутешно горе матери, обнимает она могилу сына, словно хочет обнять его самого, не оторвать ее от деревянного креста. Тиха и спокойна печаль сестры. Горе молодой вдовы, кормящей грудью сироту, ушло. Хитро поглядывает она на солдата, проходящего неподалеку. О ее горе напоминает лишь траурный черный платок, практически спадающий с плеч. Скорбь ее напускная, неискренняя [18].

Вопросы, разработанные студентами по данной картине, могут быть следующими:

– Умер гражданин Семуков. На могиле изображены: мать, супруга с ребёнком и сестра. Назовите наследников первой очереди. Сколько всего очередей наследования предусмотрено Гражданским кодексом РФ?

– В случае отсутствия завещания в каких долях наследники будут наследовать имущество?

– Гражданин Семуков оставил завещание, в котором всё имущество после его смерти переходит матери. Будут ли иметь право на получение части наследства дети наследодателя, не указанные в завещании? Как закон называет таких наследников?

– По наследству наследникам перешла одна пара золотых серёг. Как будет разделено данное имущество между тремя наследниками: матерью, супругой и сыном?

– Автор картины В.Г. Перов передал её в Третьяковскую галерею. После его смерти родственники потребовали вернуть им картину, поскольку она им ценна как память о нём. Разрешите ситуацию.

– Каков срок действия авторских прав после смерти автора?

– Объектами интеллектуальной собственности являются _____ результаты, которым присущи следующие черты: они не подвержены износу (амортизации); поддаются стоимостной оценке; могут быть выражены в объективной форме; ими может пользоваться неограниченный круг лиц [19].

В ходе занятия каждая микрогруппа представляет картину, называет её автора, задаёт вопросы в рамках изученного материала по гражданскому праву. Студенты других микрогрупп дают ответы на поставленные вопросы.

В результате проведения занятия в данной интерактивной форме вырабатывается творческая активность обучающихся, которая может стать мощным стимулом в освоении многих учебных дисциплин. Преподаватель должен направлять и поддерживать творческий потенциал студентов, предоставлять им возможность для самореализации. Кроме того, стоит поощрять студентов за проявленное творчество (похвала, повышенная оценка, баллы).

Немаловажную роль в совершенствовании методики обучения играет внедрение в практику практических занятий методов интерактивного обучения.

Таким примером служит следующее практическое занятие.

В начале занятия проводится опрос:

1. Понятие и содержание гражданской правоспособности.
2. Возникновение и прекращение гражданской правоспособности физических лиц.
3. Понятие и виды дееспособности физических лиц. Эмансипация.
4. Ограничение дееспособности. Признание гражданина недееспособным.
5. Опекa. Попечительство. Патронаж. Доверительное управление имуществом подопечных.
6. Порядок, условия и правовые последствия признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления его умершим.
7. Имя гражданина. Место жительства гражданина. Значение актов гражданского состояния.

Далее проводится анализ конкретных ситуаций. Будущему специалисту в ходе решения подобных задач необходимо разобраться в реальной ситуации, определить, существует ли проблема и в чём она состоит, т. е. самостоятельно установить, что ему известно и что необходимо определить для принятия решения [4, с. 167].

Задание 1: разрешите ситуацию.

В связи с открытием новой аптеки индивидуальный предприниматель привлек лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, для распространения рекламных листовок. Договоры в письменном виде с вышеуказанными лицами не заключались. В свою очередь, индивидуальный предприниматель получил в письменном виде разрешения родителей на распространение листовок лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста. Несовершеннолетние лица осуществляют распространение рекламных листовок в свободное от учебы время и не более 4-х часов в день. Оплата производится в наличной форме ежедневно. Прокуратура предъявила предпринимателю претензии по поводу привлечения несовершеннолетних лиц к трудовой деятельности.

Разрешите спор со ссылками на нормативно-правовые акты.

Задание 2: решение задач.

Гражданин Николаев подарил своему двоюродному брату Алексею Сечину в день 15-летия видеомэгнитофон. Желая приобрести компьютер, Алексей решил продать видеомэгнитофон.

Может ли Алексей Сечин самостоятельно совершить данную сделку?

Влияет ли на решение задачи то, что Алексей как учащийся колледжа получает стипендию? Изменится ли решение, если Алексею были подарены деньги и не было оговорено, на что он может их потратить?

Задание 3: вопрос – ответ.

1. В орган загса обратился гражданин по поводу заключения брака, но он ограниченно дееспособен. Ограничение касается заключения крупных денежных сделок и сделок с недвижимостью. Вправе ли орган загса принять заявление на заключение брака?

2. Девушка – круглая сирота (родители умерли), находилась на полном государственном обеспечении в ПУ. Будучи 16-летней, она зарегистрировала брак, согласие дал директор ПУ. Через год брак был расторгнут. Со слов девушки ее обманули, специально выдали замуж, чтобы продать ее квартиру, и она осталась без жилой площади. В настоящее время в связи с совершением ею преступления (кражи) правоохранительные органы признают законными представителями девушки органы опеки и попечительства. *Правомерно ли это? Является ли данная девушка полностью дееспособной?*

Задание 4: поясните – верны ли утверждения.

Вопрос 1. Работник длительное время (несколько месяцев) не выходит на работу. Найти его по месту жительства работодателю также не удается. Работодателю известно, что работник разыскивается органами внутренних дел как без вести пропавший. Может ли работодатель в такой ситуации обратиться в суд с заявлением о признании работника безвестно отсутствующим?

Ответ. Работодатель вправе обратиться в суд с целью признания пропавшего работника безвестно отсутствующим, если в течение года нет сведений о его месте пребывания, так как исходя из ст. 42 Гражданского кодекса РФ гражданин может быть по заявлению заинтере-

сованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания.

Вопрос 2: Гражданин признан безвестно отсутствующим, и уполномоченный органом опеки и попечительства, управляющий его имуществом, должен погасить задолженность этого физического лица по уплате налогов. Может ли управляющий имуществом безвестно отсутствующего сделать это в случае недостаточности денежных средств, в том числе за счет другого имущества физического лица, учитывая, что признание гражданина безвестно отсутствующим производится в соответствии с нормами Гражданского кодекса и возможность погашения задолженности по обязательствам за счет указанного имущества также предусмотрена Гражданским кодексом?

Ответ. Признание гражданина безвестно отсутствующим производится в соответствии с нормами Гражданского кодекса РФ – ст.42 ГК РФ. Порядок наделения полномочиями лица, которому поручается осуществлять управление имуществом гражданина, признанного в установленном порядке безвестно отсутствующим, закреплен в ст. 43 ГК РФ. При этом в соответствии с п. 1 данной статьи ГК РФ из этого имущества выдается содержание гражданам, которых безвестно отсутствующий обязан содержать, и погашается задолженность по другим обязательствам безвестно отсутствующего. Однако п. 1 ст. 51 Налогового кодекса РФ предусматривает, что задолженность по налогам погашается лицом, уполномоченным органом опеки и попечительства управлять имуществом безвестно отсутствующего лица, только за счет денежных средств этого безвестно отсутствующего лица. В соответствии с п. 3 ст. 51 НК РФ в случае недостаточности (отсутствия) денежных средств этого физического лица для исполнения обязанности по уплате налогов исполнение указанной обязанности приостанавливается по решению соответствующего налогового органа.

Задание 5: составьте заявления в суд о признании гражданина умершим, безвестно отсутствующим, недееспособным и ограниченно дееспособным.

Подведём некоторые итоги. В результате обучения с помощью интерактивных методов преподавания студенты, помимо фундаментальных знаний по юридическим предметам, обладают навыками решения проблем в новых и будущих ситуациях, опытом практической

деятельности, развитым творческим и критическим мышлением, способностью применения целостного подхода в практической ситуации, к постоянному самосовершенствованию, самоанализу, умению признавать трудности и нехватку знаний, навыками работы в команде и коммуникации, лидерскими качествами.

Однако очень важно обратить внимание на готовность преподавателя к проведению занятий в интерактивной форме. Как мы видим, при использовании интерактивных форм роль преподавателя резко меняется, перестаёт быть центральной, он лишь регулирует процесс и занимается его общей организацией, готовит заранее необходимые задания и формулирует вопросы или темы для обсуждения в группах, даёт консультации, контролирует время и порядок выполнения намеченного плана. Участники обращаются к социальному опыту – собственному и других людей, при этом им приходится вступать в коммуникацию друг с другом, совместно решать поставленные задачи, преодолевать конфликты, находить общие точки соприкосновения, идти на компромиссы. Психологами было установлено, что в условиях учебного общения наблюдается повышение точности восприятия, увеличивается результативность работы памяти, более интенсивно развиваются такие интеллектуальные и эмоциональные свойства личности, как: устойчивость внимания, умение его распределять; наблюдательность при восприятии; способность анализировать деятельность партнера, видеть его мотивы, цели.

Заметим, что именно от личности педагога и его готовности к проведению интерактивных занятий зависит успех подобных занятий. И важнейшим условием для этого являются личный опыт участия преподавателя в тренинговых занятиях по интерактиву, налаживание им связей с практическими работниками судебных и иных органов с целью передачи их опыта студентам, активное участие в педагогических конкурсах, конференциях, круглых столах и т.д. Для того чтобы освоить и применять эти методы, преподавателю необходимы знания интерактивных методов преподавания и готовность осуществлять инновационное обучение. В общем виде требования к профессиональной деятельности педагога сводятся к следующему: повышение правового образования и квалификации; овладение новыми педагогическими технологиями и интерактивными методами обучения; освоение

ценностей общечеловеческой и правовой культуры; готовность реализовать их в учебно-воспитательном процессе. В то же время не стоит забывать, что, внедряя новые формы, методы, подходы к обучению, преподавателю нужно пытаться сохранить то, что есть хорошего в отечественном образовании, – теоретический уровень в сочетании с анализом нормативного содержания права.

1. Бельков А.П. Научно-исследовательская и творческая деятельность студентов // Теория и практика образования в современном мире : материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.) / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. СПб.: Реноме, 2012.

2. Богмацера Э.В. Некоторые особенности преподавания Конституционного права иностранным специалистам // Актуальные вопросы преподавания конституционного права. М.: Изд-во МГЮА, 2013.

3. Большой этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2012.

4. Загвязинский В.И. Теория обучения: современная интерпретация: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001.

5. Колеченко А.К. Энциклопедия педагогических технологий: пособие для преподавателей. СПб.: КАРО, 2006.

6. Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Актуальные проблемы совершенствования качества подготовки юристов в современных условиях // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 23–25.

7. Куксин И.Н. Инновационные технологии, применяемые при изучении юридических дисциплин (на примере уголовного права) // Формирование знаний, навыков и профессиональных компетенций в образовательном процессе юридических вузов: материалы всероссийской научно-методической конференции / Владим. гос. унт-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Владимир: Атлас, 2013.

8. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК) Ф-235. Оп. 1. Д. 18. Л. 4 Докладная записка о состоянии Коми Практического ИНО к 1-му июня 1923 года.

9. НАРК. Ф-235.Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

10. НАРК. Ф-235.Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

11. НАРК. Ф-235.Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

12. НАРК. Ф-235.Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

13. НАРК. Ф-235.Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

14. НАРК. Ф-235.Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

15. Плоцкая О.А. Применение «портфолио-технологии» как способа познания обычно-правовых источников права в условиях введения ФГОС // Материалы Международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире» от 10-11 сентября 2013 г. Сочи: Институт образовательных технологий. 2013.

16. Хомерики О.Г. Развитие школы как инновационный процесс. М.: Новая школа, 1994.

17. Технологические аспекты деятельности методической службы школы по развитию творческого потенциала педагогов. URL: <http://metodpresscentr.ru/blog/shmz/1217.html>

18. Описание картины: Сцена на могиле – Перов. 1859. URL: http://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1582-kartina-scena-na-mogile-perov-1859.html

19. Онлайн-тесты. URL: <http://oltest.ru>

Р. В. Некрасов

Традиционное декоративно-прикладное искусство коми-зырян как предмет исследования в современном дизайне

УДК 74.01

В статье рассматриваются технические приемы и технологии, а также основные стадии творческой работы дизайнера, направленные на совершенствование практических методов изучения объектов коми традиционной культуры. Статья предполагает последующие исследования, нацеленные на поиск инструментов для критической и правильной оценки работы по сохранению, реконструкции и популяризации декоративно-прикладного искусства коми в современном дизайне.

Ключевые слова: этнокультура, декоративно-прикладное искусство; синкретизм, традиционные технологии, художественно-проектное моделирование, синтез, дизайн.

R.V. Nekrasov. Traditional arts and crafts of komi-zyrians as an object of research in modern design

This article discusses techniques and technologies, as well as the main stages of the creative designer's work to improve the practical methods for the study of objects of Komi traditional culture. The article suggests the following research aimed at finding tools for critical and correct evaluation of the conservation, rehabilitation and promotion of arts and crafts of Komi in modern design.

Key words: ethno culture, arts and crafts; syncretism, traditional technologies, art and design modeling, synthesis, design.

Народ коми, являясь неотъемлемой частью финно-угорского мира, представляет одну из сторон ее традиционной культуры и искусства. Начиная с эпохи далекого неолита и на протяжении тысячелетий творческая мысль этносов Северо-Востока Европы, взаимно пересекаясь в процессах социокультурогенеза, работала над вопросами рационального использования местных древесных материалов и создания изделий, архитектурных конструкций и деталей, свойственных этим материалам. Таким образом, ремесленное искусство коми, из века в век вбирая и аккумулируя в себе информацию об эстетических предпочтениях, о духовных, мировоззренческих, культурных особенностях соседних этносов, формировало свою уникальную предметно-пространственную среду.

Деревянное зодчество и изделия предметного наполнения домов составляют значительную часть традиционного коми искусства и культуры, которое во многом определяет её национальное своеобразие. Однако постройки и изделия из дерева недолговечны, и наши представления об этом интереснейшем направлении искусства с каждым разом все больше ограничиваются из-за уменьшения количества памятников, что стало проблемой сохранения и популяризации традиционного искусства. Вместе с ветшанием и исчезновением предметов материальной культуры уходят в прошлое и компоненты культу-

ры духовной, уступая место новым веяниям и процессам ассимиляции.

Хорошо известно, что без знания прошлого невозможно понять настоящее и, значит, создавать будущее. Современный дизайн становится однообразным (одноликим) в силу использования в проектах типовых, шаблонных моделей и прототипов. Создание комплексных источниковых баз, графических информационных систем на основе традиционной этнокультурной стилистики: характера композиционного построения, свето-цветового состояния, особенностей очертаний и объемно-пластического языка, составляющих в совокупности элементы художественно-сакральных образов народного искусства, которые иллюстрируют не просто массивы и сюжеты, а состояние, те или иные кульминационные моменты памяти народа, могли бы значительно обогатить творческий потенциал дизайнера и помочь решить вышеуказанную проблему. Наиболее плодотворным в этой связи представляется широкий подход к созданию изделий из дерева на позициях синкретизма, что было свойственно традиционной этнокультуре коми, умение видеть в понимании прекрасного черты многовекового хода развития самих понятий: «эстетика», «функция», «сакральность», составляющих триединую суть в мастерстве культуры ремесленного дизайна. Изучение ремесленного дизайна в аспекте синкретизма – пересечения триады важнейших форм архаической традиционной культуры – материальной, духовной и эстетической – представляет (открывает) необходимость (возможность) комплексного, междисциплинарного исследования в русле обозначенной темы, которая потребовала принципиально иного подхода в области использования этой самобытной информации в изготовлении современных изделий, никогда ранее не использовавшегося в процессе его изучения. Такое положение вещей открывает широкое поле деятельности в области реконструкции его традиционных основ.

Большое внимание отмеченной проблеме уделяется в образовательной среде – здесь она приобретает особую значимость. На примере дисциплины «Учебная практика» для учащихся I курса направления «Дизайн» можно проследить, в каких ракурсах находит свое отражение рассматриваемая проблема в отмеченном направлении. Практический опыт показывает, что формирование профессиональ-

ных умений студентов (будущих дизайнеров) представляет собой сложный целостный процесс, предусматривающий единство взаимосвязанных компонентов и имеющий объективно существующую логику и этапы, обеспечивающие динамику и эффективность исследовательской работы.

Фактологической базой нашего исследования 2012 г. стала территория Сысольского и Усть-Вымского района Республики Коми. Здесь, среди большого разнообразия жилых крестьянских построек Коми края конца XIX начала XX вв., сохранившихся в населенных пунктах республики, представляется возможным изучить особенности двух типов традиционных изб. Первый из них, выделенный впервые этнографом Л.Н. Жеребцовым [2] и названный исследователем коми народного жилища И.Н. Шургиным сысольским типом изб [5], преобладал в селах и деревнях по Сысоле, верхней Вычегде и верхней Печоре [1, с. 248]. Второй тип дома, названный И.Н. Шургиным вымским домом-комплексом, господствовал в середине XIX – начале XX вв. по средней Вычегде и Выми [1, с. 249].

Структура методической системы исследования состоит из ряда ключевых этапов, каждый из которых предлагает различные по содержанию технические приемы и технологии, способствующие в совокупности формированию материальной базы, а также профессиональных знаний и навыков.

Начальная вводно-ознакомительная стадия предполагает выявление цели и задач предстоящей работы. В научно-исследовательском аспекте это изучение, анализ и систематизация объектов и элементов традиционного декоративно-прикладного искусства конца XIX – начала XX вв. в вышеотмеченных районах Республики Коми. В практическом контексте – демонстрация электронной презентации по детальной разработке реконструкции деревянного объекта традиционной предметно-пространственной среды или фрагмента среды на основе собранных полевых материалов и других источников. Данная постановка проблемы становится началом и условием развития проектной культуры студентов в рамках учебного процесса дисциплины.

На начальном этапе работы студенты прежде всего прибегают к самому распространенному методу восприятия и познания явлений действительности – наблюдению. При наблюдении субъекты получа-

ют информацию о свойствах и характеристиках исследуемых объектов. В качестве стимуляции творческого процесса, активизации творческих способностей актуальна демонстрация лучших наглядных материалов учебно-методического фонда кафедры по намеченной теме: слайды, презентации, работы студентов. На такой основе студенты четко и ясно представляют и расширяют взгляд на проблему, что поможет наметить план и объем предстоящей работы, рационально распределить время и творческий потенциал.

На следующей стадии научно-исследовательской работы идет сбор исходных данных на территории культурно-исторической среды. Нужно сказать, что на начальных этапах исследования преобладает полевая форма работы. Изучаются культурно-исторические особенности исследуемых районов: традиционные жилые постройки и культовые сооружения, экспонаты и экспозиции фондов историко-краеведческих, этнографических музеев. Выявляются планировочные и объемно-пластические особенности архитектурных объектов в населенных пунктах, особенности традиционного бытового и декоративного убранства объектов предметного наполнения.

Реализации намеченных задач способствуют следующие метапредметные технологии: ведение записей, создание набросков и кроков (эскизы с обмерами объекта исследования), сделанных на основе практического опыта. Экспериментально-практическая направленность исследования учащихся основывается на технических приемах выполнения краткосрочных набросков и более длительных зарисовок. Выполнение набросков стимулирует умение обобщать, выявлять самые характерные признаки, искать художественный образ изучаемого объекта. В работе над зарисовками формируется профессиональная и эстетическая культура к используемым материалам и технологиям, а также личностные чувства и переживания к изображаемым объектам и элементам традиционной культуры.

Основополагающим в решении множества вопросов по различным аспектам является информация, взятая из возможных источников, где в приоритете остаются прежде всего первоисточники – научная литература и музейные архивы. Накопленный к настоящему времени вещественный, литературный (исторический, этнографический, фольклорный, искусствоведческий) материал, охватывающий вопро-

сы народного искусства коми-зырян в широком спектре ракурсов, создает необходимую платформу для исследования и глубокого осмысления вопросов сложения художественно-композиционных особенностей традиционного искусства.

К одному из самых оперативных способов исследования относится техника фотографирования. «Фотография позволяет получить документальное изображение объекта или групп объектов с различных ракурсов не только в минимальный срок, но и с большой точностью и часто с достаточной полнотой. Но при этом недопустимо фотографирование объектов в сильном ракурсе, создающем неверное представление о пропорциях» [3, с. 85].

Самой точной, дающей наибольшее количество данных для суждений обо всех особенностях исследуемого объекта является фиксация памятников традиционной культуры посредством обмеров и выполнения по ним чертежей. Отмечается значение обмеров как в деле фиксации памятников культуры при возможном их исчезновении, так и в составлении реставрационных чертежей для оптимизации работы по их реконструкции. Как правило, особенности проведения обмерных работ требуют от учащихся не только серьезного отношения к тщательной фиксации реалий исследуемого объекта, но и аналитических усилий по дешифровке особенностей построения формы, умения отразить результаты исследований в графическом виде. В результате чего намечается план выработки критериев для структурирования и систематизации исходных данных, что говорит о формировании способности к определению творческой задачи для успешного осуществления собственной научной и профессиональной деятельности. В то же время в процессе проведения экспериментально-практических работ у студентов вырабатывается способность к уверенным и эффективным действиям в ситуации неопределённости, например во время проведения занятий на открытом воздухе в незнакомых местах, во время проведения обмеров архитектурных деталей и т.д.

Научно-исследовательская часть работы завершается анализом и систематизацией всего собранного фактического материала в виде пояснительной записки, где четко формулируются и излагаются цели, задачи, ход работы, способы решения поставленной проблемы, выводы, рекомендации. Графическая часть: аналоги, вариативные эскизы,

схемы, технические рисунки – дополняются всеми необходимыми письменными пояснениями. Путем поисков студенты вначале определяются с оптимальной по целостности, оригинальности, выразительности концепцией идейного и графического решения образа традиционного объекта. После уточнений вопросов по компоновке, пластике, цветографии, содержанию, материалам и технике исполнения работа выполняется в масштабе.

В художественно-проектной деятельности на этапе проектного моделирования, кроме изучения модели исследуемого объекта (оригинала) и его имитации (воспроизведения), в ходе выполнения практических заданий ведется знакомство с новыми традиционными художественными технологиями, закрепляется и совершенствуется творческий потенциал учащихся по художественным техникам, приемам и материалам, оттачиваются знания и навыки по композиции. В процессе решения творческих задач вместе с художественными, функциональными, конструктивными, особенностями выявляются и подытоживаются глубинные сакрально-смысловые атрибуты и каноны объектов традиционной культуры. «Такие методики должны предоставлять адекватное техническое обеспечение мероприятий по консервации и реставрации, давая возможность составления в будущем тематических баз данных, необходимых для выполнения конкретных мероприятий, а также баз данных по самим способам осуществления этих мероприятий, служащих для оптимизации процессов и их результатов» [4, с. 96].

Итогом проведенной работы является синтез классических художественно-проектных и инновационных цифровых технологий. Системы двумерных и трехмерных проекций в 2D-3D графических редакторах гарантируют колоссальные возможности обработки тематических изображений и аналитических итоговых разработок вплоть до стирания грани между реальностью и виртуальностью. Логическим завершением работы является трехмерная виртуальная модель, уже разработанная в экспериментальном порядке для некоторых из обследованных объектов с использованием ортофотопланов высокого разрешения. Из этого следует, что традиционные техники и приемы, основанные на графике, живописи, декоративно-прикладном искусстве,

сливаясь с цифровыми технологиями, способны образовывать новые сплавы проектных тенденций в области искусства и дизайна.

Некое обобщение по затронутой проблеме можно проследить в размышлениях Сандро Паринелло: «Чтобы сохранить культурное наследие, необходимо знать его. Любая работа по документированию с целью проектирования, сохранения или восстановления объекта должна быть основана на тщательном изучении и сопровождаться им. Результаты документирования и их критическая интерпретация, действительно, чрезвычайно важны с точки зрения отражения значения архитектурного объекта и его территории, а также исторического ландшафта в целом как носителей истории, памятников, привлекающих факторов. В настоящее время очевидно, что имеющееся знание – единственный ключ к сохранению яркого и уникального наследия архитектуры и ландшафтов, которым обладают наши страны и в котором проявляется сильная культурная идентичность общества. И если мы хотим, чтобы все это продолжало жить без «замораживания» в искусственных музейных структурах, необходимо создать не только литературную, но и физическую память об объекте» [4, с. 91–92].

Таким образом, продуктивной работе будут способствовать условия последовательного, поэтапного прохождения дизайнером следующих стадий – репродуктивной, активизирующей, интегративной, творческой. Залогом работы, выполненной на высоком профессиональном уровне, будет являться комплексный междисциплинарный подход к рассматриваемой теме. Как правило, методика исследования включает в себя две основные фазы: первая подразумевает сбор данных, необходимых для анализа и систематизации, тогда как во время второй выполняется обработка и воссоздание исследуемого объекта на стыке комбинации традиционных и инновационных технологий. Во избежание внесения искажений в базы данных в силу влияния фактора субъективности взгляда исполнителя на объективные, важные смысловые составляющие огромного комплекса материалов, предоставляемых реальностью, следует критически подходить к поспешным выводам и прояснить ситуацию, обратившись к дополнительному комплексу источников, рассматривающих проблемный вопрос в контексте конкретной исторической и социально-культурной обстановки. Только принимая во внимание вышеизложенные положения, представляется воз-

возможным создать богатую информацией, достоверную коммуникационную дизайн-систему традиционных сакральных образов исследуемого этноса, которая будет доступной и однозначной.

По всем этим причинам выполнение операций научного исследования и обработки информации представляет собой важнейшую базу знаний для широкого диапазона разноплановых дизайн-проектов в контексте стилового решения проектируемых объектов. Эта база данных также будет являться прочным фундаментом для разработки возможных процедур по реставрации памятников традиционной культуры, а графические модели благодаря своему содержанию в перспективе будут иметь множество возможностей применения в области науки, образования, туризма, искусства и дизайна и вносить тем самым вклад в дело возрождения и популяризации традиционной культуры этноса.

1. Историко-культурный атлас Республики Коми / науч. руководитель и сост. д-р истор. наук Э.А. Савельева. М.: Изд. дом «Дрофа», 1997.
2. Жеребцов Л.Н. Памятники народного зодчества Коми АССР. Сыктывкар, 1961.
3. Некрасов Р.В. Виды профессиональной деятельности в образовательной среде как способ сохранения этнокультурного наследия // Общество, современная наука и образование: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции / М-во обр. и науки РФ. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. Ч. 5. С. 84–86.
4. Паринелло С. Документоведение объектов традиционного деревянного зодчества Русского Севера // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. № 1. С. 89–96.
5. Шургин И.Н. Народное жилище коми // Архитектурное наследство. М., 1988. № 35. С. 44–52.

Авторы выпуска

Беленький Леонид Петрович – заведующий сектором звукозаписи библиотеки искусств им. А.П. Боголюбова (Москва)

Бортникова Наталья Вячеславовна – ассистент кафедры дизайна Удмуртского государственного университета (Ижевск)

Гагиева Анна Капитоновна – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики Коми Республиканской Академии государственной службы и управления (Сыктывкар)

Глазунова Софья Максимовна – магистрант НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

Душейко Анна Андреевна – студентка Института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Иванова Жанна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Института истории и права Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Кожуховская Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Муравьев Виктор Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Некрасов Руслан Валерьевич – старший преподаватель кафедры дизайна Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Рокицкая Полина – аспирант кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Труфанов Сергей Николаевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и политологии Самарского государственного института культуры (Самара)

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры прикладной политологии отделения прикладной политологии факультета менеджмента НИУ ВШЭ (Санкт-Петербургский филиал), заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург)

Холопова Татьяна Юрьевна – студентка Института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар)

Шабеев Юрий Петрович – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар)

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления статей

1. Редакция принимает статьи объемом от 0,5 до 1 п. л. (40 000 знаков); сообщения — до 0,5 п. л. (20 000 знаков).
2. Параметры страницы: поля — 2 см; формат А4.
3. Абзацный отступ — 1 см (*в автоматическом режиме*).
4. Кегль — 14.
5. Междустрочный интервал — 1.
6. ФИО автора *строчными* буквами (например, И. И. Иванов) над названием статьи.
7. Название статьи *строчными* буквами.
8. Аннотация к статье на русском и английском языках (до 500 знаков).
9. Название и фамилия автора на английском и русском языках.
10. Ключевые слова на русском и английском языках (до 10 слов).
11. Указание УДК.
12. При цитировании необходимо использовать только *русский вариант кавычек («»)*.
13. Литература, использованная при написании статьи, должна быть оформлена следующим образом: в алфавитном порядке; каждый новый источник — с новой строки; с указанием издательства и (для статей) общего количества страниц; ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках [5, с. 17]
14. Примечания оформляются в виде постраничных автоматических сносок (кегль 10; нумерация начинается на каждой странице).
15. Сведения об авторе представляются *отдельным файлом* и включают в себя:
 - ФИО;
 - указание ученой степени и ученого звания;
 - информация о месте учебы аспиранта или соискателя (город, вуз) и данные о научном руководителе;
 - рекомендация научного руководителя (для аспирантов);
 - должность, место работы;
 - контактный телефон, E-mail;
 - адрес организации;
 - домашний адрес с указанием почтового индекса.

Статьи и материалы можно присылать по адресу: iefadeeva@mail.ru (Ирине Евгеньевне Фадеевой); dist@syktsu.ru (Романчук Надежде Ивановне, с пометой «Человек, культура, образование» (журнал)).

Телефон: (8212) 255 145; +7 9129686825

Факс: (8212) 43 68 20

На журнал открыта подписка.

Все статьи и материалы подлежат обязательному рецензированию. Публикация бесплатная. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов.

Периодическое издание

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ

*Научно-образовательный
и методический журнал*

№ 1 (15) / 2015

Редактор *Е. М. Насирова*
Компьютерный макет *Н. А. Габовой, Л. Н. Руденко*
Корректор *С. Б. Свигова*

Подписано в печать 17.03.2015 . Формат 60x84¹/16. Тираж 300 экз.
Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л.11,9. Уч.-изд. л. 9,8. Заказ № 7.

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина
167023. Сыктывкар, Морозова, 25